

сургут-литературный

Альманах

№ 6
2009

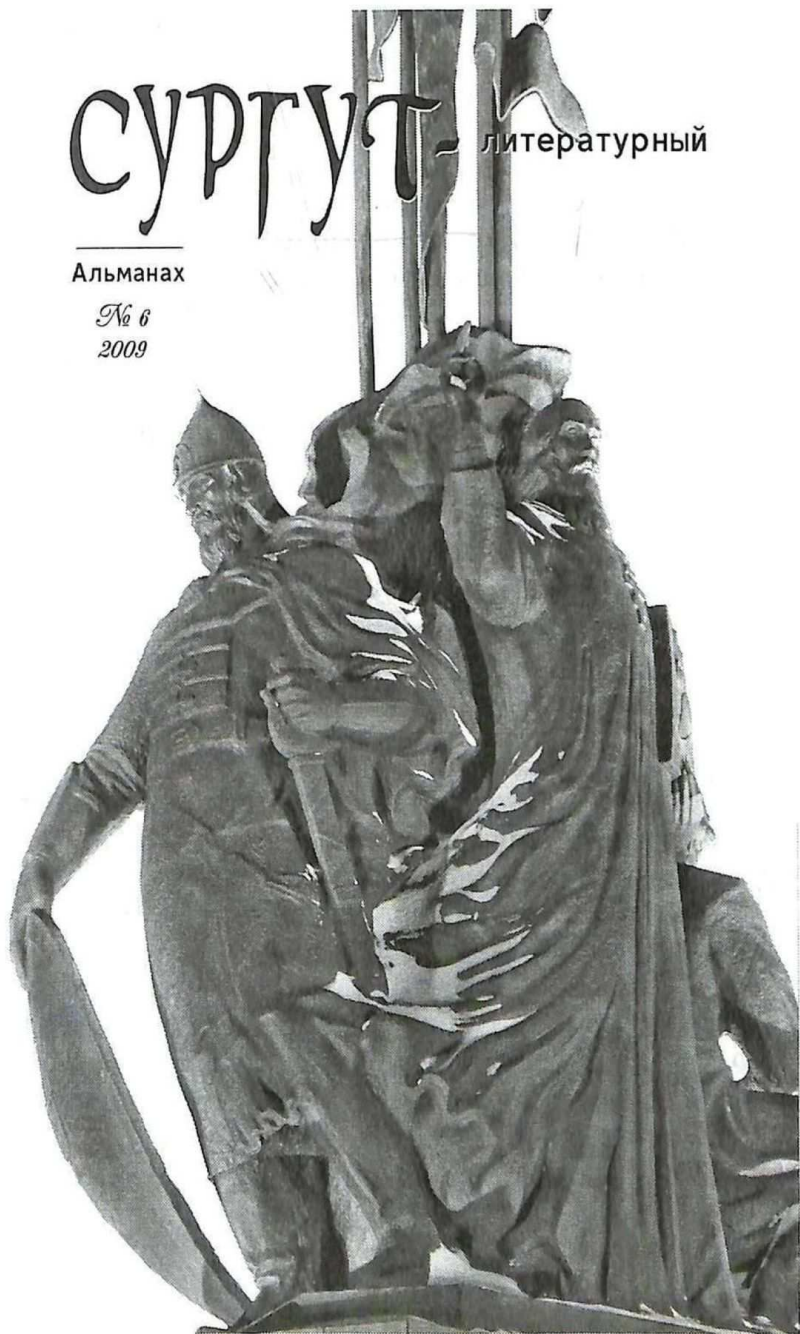

сургут

литературный

Альманах

№ 6
2009

**415-летию СУРГУТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Городской общественный фонд развития
русской словесности «Словесность» г.Сургу́та

Альманах издаётся на средства Администрации г. Сургу́та

Главный редактор Ю.А. Дворяшин

Редакционная коллегия:

В.В. Гаврилов

Н.В. Ганущак

С.А. Лагереv

Адрес редакции: Тюменская область, г. Сургу́т, ул. Артема, 9.
Сургу́тский государственный педагогический университет,
корпус 2в, ауд. 403. Фонд «Словесность».

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов публикаций
могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылки на альманах обязательны.

Зарегистрирован Западно-Сибирским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

16 ноября 2007 г.

ПИ № ФС 17-0816

ISBN 978-87247-529-3

© Фонд «Словесность», 2009

© Издательство «Зауралье»

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

№ 6
2009

СУРГУТ *литературный*

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

Отзывы о Сургуте

СУРГУТ В ВОСПРИЯТИИ И ТВОРЧЕСТВЕ НАШИХ

СОВРЕМЕННИКОВ 5

Поэзия

НАТАЛЬЯ КУВАЕВА11

Я живу очень просто

НИНА СЕРГЕЕВА46

Из лирики минувшего дня

МАЙЯ РАХИМОВА68

Радуга чувств

Проза

АНАСТАСИЯ ПУШКИНА27

Отец

СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА57

Крепкий сон

ЗИНАИДА БОГДАНОВА77

Чеченец

ВИКТОР ГАВРИЛОВ110

Юдифь

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА123

Иван и Федор Иванович

Сургутская гостиния

ЮРИЙ МИНЕРАЛОВ 127

По Руси

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ135

Русские в Венесуэле

Литературоведение и критика

НИНА ДВОРЯШИНА146

Дитя как воплощение творческого начала в художественном сознании

З.Н. Гиппиус

АНАСТАСИЯ ИГНАТЬЕВА	158
Чтобы защитить совесть и душу (о повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» <i>Наш Шолохов</i>	
АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВ	176
Шолохов в Сургуте	
ДАРЬЯ МЕЛЬНИКОВА	180
Сургутские каникулы Александра Шолохова <i>Юбилей</i>	
ЮРИЙ ДВОРЯШИН	183
Слово о Гоголе <i>Память</i>	
ЛЮБОВЬ КОНДАКОВА, СВЕТЛАНА РОМАНОВА	187
Из истории сургутской Пушкинианы <i>Полемика</i>	
СЕРГЕЙ ЛАГЕРЕВ	196
Не убий! <i>Хроника литературной жизни Сургута</i>	
	206

СУРГУТ В ВОСПРИЯТИИ И ТВОРЧЕСТВЕ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

История нашего города хранит в себе ярчайшие страницы своего становления. А каким видится наш город людям, живущим с нами в одно время? Что привлекает в Сургуте тех, кто оказался в нём на короткое время, но сумел увидеть нечто большее, чем нам, горожанам, видится?

Валентин Распутин – выдающийся русский писатель. Побывал в Сургуте 15-17 марта 2004 года по приглашению фонда «Словесность». Для Валентина Григорьевича были организованы экскурсии, встречи с читателями, посещение учреждений культуры и учебных заведений. Каждая из встреч вызывала у писателя неподдельный интерес, каждое посещение – массу впечатлений, каждая экскурсия – эмоции.

«Сургут – город северный. У него уже есть своя слава. И слава эта, мне кажется, самая-самая добрая. Это слава не только от близости газа и нефти, не только от мощной энергетики, которыми, действительно, Сургут известен повсюду, во всём мире. Это слава интеллигентного города. Для меня Сургут один из самых близких, самых надёжных, самых читающих городов, потому что, судя по тем встречам, которые были в вашем городе, у вас читают немало. Читают даже много по сравнению с другими. Когда заходила речь не только о моих книгах, но и о книгах других авторов, сургутяне оказывались к этому подготовленными. Я не знаю, что способствует, может быть, тот культурный климат, который заведён в ваших университетах, вообще в городе.

Мне показалось, что в Сургуте живётся легче. Легче в том смысле, что это не выживание, а как раз духовное и нравственное развитие. Оно очень способствует тому, чтобы климат, культурный климат, был лучше. Дай Бог вам так же и продолжать».

После посещения Сургутской ГРЭС:

«Много где бывал, много что видал, но не ожидал увидеть в наши дни такое чудо и такую мощь. Каждого нытика и невера неплохо было бы приводить сюда для укрепления духа. Спасибо! Служите России, никому больше, и знаю я теперь, побывав здесь, что Россия сильнее, чем она представляется из Москвы, да и откуда угодно!»

После посещения Сургутского краеведческого музея:

«Легендарный Сургут... Наконец-то мы здесь и наконец-то в музее удалось увидеть и почувствовать две истории этого города – древнюю и современную. А между ними века и века... И только здесь понимаешь, что это были не пустые, а может быть, самые интересные века».

Юрий Минералов - поэт, литературовед, публицист, критик, член Союза писателей России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Литературного института им. А.М. Горького. С Сургутом Юрия Ивановича связывает научная и творческая деятельность: он читал лекционный курс студентам педагогического университета, оппонировал несколько диссертаций по литературе, выполненных на кафедре литературы и журналистики СурГПУ, руководил творческим семинаром для писателей и поэтов города. В Сургуте побывал дважды.

СУРГУТ

Тонуло небо в топи нефтяной.
Смесились бездны — гиблый край тут был...
Но русский город встал над ним стеной.
Приземистой природе возразил.

И ночью катит млечный ток Оби
дорогой, отразившейся с небес.
А небо прочно держит на груди
Сургутская космическая ГРЭС.

Леся Романчук – поэт, автор и исполнитель собственных песен, писатель, член Национального Союза писателей Украины. Леся Романчук родилась в Магаданской области, но в раннем детстве уехала с родителями в Украину. Мечта увидеть землю, на которой родилась, всегда жила в душе поэта. Первый сибирский, северный город, в который она приехала, был Сургут. Город настолько её впечатлил, что родились поэтические строчки. В Сургуте побывала дважды.

Ненадолго, на одну минуту,
Я в гостях у города Сургута.
Я в гостях у города Сургута.
Здравствуй, город, ты меня узнал?
Улыбнулся голубым рассветом,
Погрозил мне пальцем минарета,
И вздохнул – мол, знаю вас, поэтов,
Вам бы песни, а у нас дела.

Мы качаем нефть, дороги строим,
Мы не набиваемся в герои,
Наши судьбы строги и просты.
Просто кто-то должен делать это,
Ведь не будет ни тепла, ни света,
Ведь не будет ни тепла, ни света,
Если в понедельник мы проспим.

Не понять вам в чистенькой Европе
Как тянуть по непролазной топи,
Как тянуть по непролазной топи
Кровь земли артериями труб.
Как мотор охрип от звонкой стужи,
Как коварно дно весенней лужи,
И как мост натружен и простужен,
Как он нежен, мягок, прост и груб.

Мы баранку крутим, тянем трубы,
Нам не перегреться на ветру бы,
Грязь весной, зимою – холода,

Но простора не бывает шире,
Насмерть мы приварены к Сибири,
Мы навек приварены к Сибири,
Вот вам наша правда, господа!

Владимир Крупин – известный русский писатель. В.Н. Крупин в 2007 году принимал участие во Всероссийской научной конференции, проходившей в СурГПУ, которая была посвящена 70-летию со дня рождения В.Г.Распутина, близкого друга и единомышленника.

«Какое счастье, что в моей жизни были эти пасхальные дни светлой седмицы. Сургут даёт ощущение Сибири, русской мощи её просторов. Здесь ощущение единения небес и земли, времени и вечности. Здесь даже улиц нет, сплошь проспекты. На берегу Оби сердце замирает от ощущения огромности России. Ничего никому с ней не сделать! Мы были, мы есть, мы будем!»

Леонид Быков – известный критик, член Союза российских писателей, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Уральского государственного университета. Леонид Петрович – мастер точных, ёмких и афористичных высказываний. Бывал в Сургуте неоднократно.

Приезжая к Вам в Сургут,
Вам всегда кричу я: Гут!

Юрий Лошиц – писатель, секретарь правления Союза писателей России, директор фонда «Возрождение Тобольска». Сургут посетил в 2005 году.

«В ... Сургуте ... радостно было увидеть и узнать настоящих патриотов России и ценителей Русского Слова!»

Николай Рачков – известный русский поэт, автор многих поэтических сборников. Публиковался на страницах нашего альманаха. В Сургуте побывал в составе литературного десанта в 2007 году.

Я видел и Обь, и Иртыш,
И кедры над ними, и ёлки.
Я слушал таёжную тишь
В далёком якутском посёлке.

С собратом своим по перу
Летел в вертолёте над Леной.
Следил я шаманью игру –
Загадку души вдохновенной.

Я шёл первобытной тропой,
Как древний охотник по сути.
Крестился на крест золотой
Воскресшего храма в Сургуте.

В пути спотыкалась строка
О звёздные гребни и крыши.
Я понял: Сибирь велика,
Но Родина больше и выше.

Всё близко и всё вдалеке,
Всё русская воля связала.
Сияет в державной руке
Алмазная чаша Байкала.

Я понял в раздумье своём,
Какую, назло бездорожью,
Мы трудную ношу несём,
Какую ответственность Божью...

Николай Денисов – известный поэт, председатель Тюменского регионального отделения Союза писателей России, редактор «Тюмени Литературной». В Сургуте бывал неоднократно.

В Сургуте мороз

В Сургуте мороз. И в гостинице тесно.
У солнца о нас не болит голова.
Я тоже застрял, и пока неизвестно,
Когда отопреют к полёту «Ан-2».

Ну, как тут не вспомнишь крестьянские сани,
Возницу в тулупе, себя на возу,
Как прямо с мороза в натопленной бане
Сияет распаренный веник в тазу.

Ну, как не заметишь, что город в запарке,
И в орсовской лавке не продан товар,
И густо под крышей вон той кочегарки
Клубится совсем не избыточный пар.

В такую бы пору за чаем семейным
Посиживать мирно, не зная хлопот.
Но требует «шайбу» на поле хоккейном
Охочий до зрелищ сургутский народ.

В глубины уходят долота и буры,
Вот только железо – серьёзный вопрос –
Нет-нет да не выдержит температуры.
И снова руками разводишь – моро-оз!

НАТАЛЬЯ КУВАЕВА

*Н*анталья Леонидовна Куваева (Дробязко) родилась в деревне Шонорово Вологодской области. В 1994 году с родителями приехала в Сургут. Окончила филологический факультет Сургутского государственного педагогического института. Работает в газете «МК– Югра», воспитывает дочь. Живет в г.Сургуте. Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009).

Я живу очень просто...

Я живу очень просто:
От ночи до ночи,
От дороги к дороге,
От лета до лета...
Я живу очень просто
И всё, что ты хочешь,
Отдаю без вопроса
«Для чего тебе это?»

Я живу очень просто:
Я не чувствую лени,
Я не помню обид,
И вечерней порой
Я спокойно встаю
Пред тобой на колени.
Потому что ты есть,
Потому что ты мой.

Сухие губы солоно-невинны,
Прозрачны руки на плече стола.
Сегодня, слишком холодны и сини,
Звонят по нам с тобой колокола.

Ты тронешь лоб спокойною ладонью
И скажешь: «Ветер. Зря ты належке».
Мне хочется, чтоб всё это спросонья –
И боль, и память о твоей руке.

Детское

Дай мне твою ладошку –
В линиях тёплый бег...
В среду принёс мне кошку,
Что ты за человек?

– Ну, человек, так просто.
Двое нас. Я да ты.
А эта смешная кошка
Лучше, чем все коты.

Двое нас. Только двое.
Линий беспечный бег.
Знаю я всё такое,
Маленький мой человек.

Знаю твою дорожку,
Ножек твоих труды...
Знаю, что этой кошке
Верность хранят коты

Изгибы дорог словно вышиты гладью,
Уходит земля из-под ног пядь за пядью.
Уходит земля в ковш молочного неба.
Сто лет без жилья мы, без сна и без хлеба.

Тебе тонкость ивовых прутьев с пелёнок
Дарована Богом, волшебный ребёнок.
Рубашку последнюю с плеч – мне на плечи.
Сто лет перед нами склоняется вечер.

Нас в путь провожают могучие сосны.
Не знают нас в мире уставших и взрослых.
Не знают, не помнят, не просят ответа.
Мы бродим по жизни – от лета до лета.

Захвати бутылку текилы
И лимон. И в порядке бреда
Ключ от чьей-то пустой квартиры
И скажи мне: «Сейчас приеду».

И пока я воюю с чёлкой,
Непослушно скользящей на бок,
Обнимай меня. Слишком тонкой
Я с тобою бываю рядом.

Не сломаться бы, не разбиться,
Не признаться б во всём и сразу.
Третий месяц уже не спится –
Не бессонница, а зараза.

Тело легче и плечи уже,
Под глазами круги рассвета...
Ты мне будешь так жёстко нужен,
Когда кончится это лето.

Мы расстанемся с этим ветром
завтра вечером у такси.
Я, конечно же, буду в светлом,
а ты – в тёмном... Ну что ж, носи
эти джинсы, рубашки, куртки;
я ж, как облако без штанов...
На балконе твои окурки
в грязной банке и эхо слов,
непрочитанных писем пачка,
недопитый бокал с вином...
Мы расстанемся. Я чудачка,
раз так верила, что вдвоём
можно с этим смириться ветром,
подружиться, остаться жить...
Я, конечно же, буду в светлом,
и ты скажешь мне: «Хватит ныть»

Верить тебе бессмысленно и нелепо.
Я открываю сумку и достаю «на чай».
Что наши чувства? Всего лишь киношный слепок:
«здравствуй», «приеду завтра» и «не скучай».

Время играет в игры. Они не новы –
выверены, просчитаны до мелочей...
Был бы к лицу тебе плащ самого Казановы,
если бы ты до сих пор оставался ничей...
Если бы ветер трепал золотистые пряди,
губы твои целовал на паркетe моста,
я бы могла подойти и обнять сзади,
и задохнуться, и, всхлипнув, шепнуть: «Красота...»

Только вот верить бессмысленно и безнадёжно —
Я закрываю сумку и возвращаю счёт.
Время жестоко, холодно и бесслёзно.
Плащ Казановы, детка, тебе не идёт.

В стотысячный раз не больно
Сказать тебе: «Бог простит...»
Ах, стать бы мне своевольной,
Распущенной — и на Крит.

В какую-нибудь бы Грецию,
Где зреет вино в горах.
И платье надеть бы детское
С ромашками на рукавах.

И чтоб рыбаки шутили,
И каждый мне был бы рад.
И может, тогда б простили
Заочно на облаках.

Как в городе тихо —
никто не услышит,
никто в эту ночь не придёт.
А где-то в лесу
отцвела земляника
и пчёлы собрали мёд.

Как в городе тихо...
И пахнет грибами.
Ты, кажется, их собирал?
Так хочется плакать,
так хочется к маме
или пешком на вокзал.

А лучше в бездонную
призрачность лужи –
на самое-самое дно.
Как в городе тихо
и как ты мне нужен –
увы, не узнает никто...

Мне не хочется плакать, честно,
В этой осени нету слёз...
Просто в городе стало тесно,
Просто искры из-под колёс,
Ветер, дождь и лохмотья снега
На ступеньках у джаз-кафе...
Просто щёки горят от бега,
Просто это не то шоссе...

Не бывает таких, а если
Попадают – то не нам,
В этом мире так много женщин
И у каждой второй – изъян:
Червоточинка, ямка, пропасть
От ресниц до тепла колен...
Просто это такая осень –
Без столбов, частоколов, стен...

Просто это, когда внезапно,
Как с катушек – с координат,
Просто это, когда обратно
Не возьмут уже, не простят...
Когда вечер ещё в четыре
Ночи, утро в двенадцать дня
И внутри как в пустой квартире,
Что буквально вчера сняла:
Горы платьев, стаканов, вилок
Хламом, мусором на полу...
Я целую тебя в затылок,
Я, наверно, тебя люблю...

Вирус

В эти глаза – как в море,
в небо, в бездонность луж...
Разве любовь не горе?
Выучи наизусть,
как заклинанье, заговор,
чтобы вот так без слов
только губами...
Надо бы
переключить любовь
на малолеток в бантиках,
на городской гламур,
на «ТНТ» – там мальчиков
хватит на всяких дур...
Там во всю прыть строительство
дома, себя, любви...
Только уже не скрыть его –
вирус уже в крови,
в венах, под кожей, в кончиках
пальцев, в корнях волос...
Кто из нас сделал гонщиков,
вымотал на износ,
выжал, сломал и пятнами
чистый заляпал пол?..

Маленький мой, обратно бы,
чтобы никто не нашёл...

Мой мальчик, за нами следят из проклятых глазков,
из окон и с крыш, телевизоров и мониторов.
Давай отвернёмся-вернёмся, ноябрь-то каков –
морозен и чуден... Укрой, застегни мне ворот.
Дыши на ладони, озябшие пальцы целуй...
Нас видят, нас слышат, нас знают уже все соседи.
Запястья окрашены алым – бинтуй не бинтуй...
А может, сорвёмся-напьемся и просто уедем?

Мой мальчик, все трещинки на раздражённых губах
затянутся, станут невидимы и незаметны...
Во сне мы летаем, но путаемся в проводах
и падаем, и обрубаем последние метры
нечаянной радости, боли, свободы, судьбы...
За нами следят, нас отыщут, поставят на место...
Когда-то потом... А пока до утра не буди,
Ты лучший, ты самый, и я – я люблю тебя, честно...

Ну, что, мой зайчик, по снегу ночью
опять куда-то... Скажи – куда?
Я снова плачу, слезами – точно –
зовётся эта из-глаз-вода...

Ну, как, мой милый котёнок в шубке
из двух заношенных свитеров,
как пахнет воздух, когда из трубки –
бесперебойный набат гудков?

А было холодно и за полночь,
пустые банки, уставший взгляд,
я обещала весной – ты помнишь? –
тебе подснежники показать.

Ты мне не верил – чудес, мол, нету,
к тому же климат, туман болот...
Ну что ж, мой славный, пройдёт и это,
как то, что было, как всё – пройдёт...
И будет утро, маршрутка, книжка,
рюкзак, кроссовки, «когда назад?» –
«пока не знаю», и словно вспышка –
а ведь хотела с собою взять
тебя когда-то, зимой, в морозы,
любила, кажется, без ума...

Вода вот эта зовётся слёзы.
Ну, так, солёненькая вода...

Это всего лишь вечер –
 снег по-январски колкий,
 где-то хлеба из печи,
 где-то степные волки
 плачут, оскалив зубы,
 слёзы слюной разбавив.
 Это всего лишь вечер –
 что на него поставить?
 Бусы, колечко, брошку,
 феньку с заветным словом,
 и на носочек ножку –
 так, а не по-другому.
 Спинку чуть-чуть ровнее,
 глазки светлей и шире,
 это всего лишь время
 в снятой на час квартире.

Зеркало, столик, свечка –
 счастье... А на кону –
 В каждой случайной встречной
 Видеть его жену.

Зима как обморок. Были силы,
 забыли адрес, совсем ушли...
 Я целовала тебя в затылок
 и говорила зачем-то «мы».

В прозрачном небе дремали крыши,
 им снились чьих-то подошв следы,
 а мне казалось, что мы не дышим
 и двадцать тысяч миль до беды.
 А мне казалось, что пальцы сводит
 от неистраченной на тебя
 наивной нежности, что-то вроде
 церквей, построенных без гвоздя –

весь наш отчаянный смех без правил,
смех вместо плача и глупых сцен...
И ты поверил, что я такая,
такая точно, как ты хотел.

С таким вот лёгким весенним шагом,
с такой вот чёлкой – с ума сойти,
что вот бы только всегда бы рядом,
смешным воробышком бы в горсти,
хорошей девочкой, доброй сказкой,
ладошкой с запахом молока,
в карманах семечки и фисташки,
в глазах свобода и облака...
И платье в ягодку и в горошек,
зелёный чай, тёплый плед, покой...
Зря, мой любимый, зря, мой хороший,
я никогда не была такой...

Зима как обморок... Были силы
и было время без слёз уйти,
а ты целуешь меня в затылок
и шепчешь: «Маленький мой, прости».

Слышишь, девочка, без истерик,
Без надломов, надрывов, драм.
Ничего, что не видно берег,
Соль полезна молодым губам...

Надышись этим ветром пьяным,
Нахлебайся морской воды,
Ничего, что с такою раной,
Развороченною в груди...

Ничего, что все зубы в крошку,
Не таких ведь пришлось терять...
Леди, вы обронили брошку,
Леди, стойте, ещё тетрадь...

Да, и сердце... Как много крови!
Юнга, где же вы, чёрт возьми?!
Леди, это ещё не горе,
Горе, девочка, впереди...

Это глупости всё, цветочки –
Незабудочки, васильки...
В смс не хватает строчки,
На колене – твоей руки...

Перебираю кипы старых книг,
Ловлю глазами след ушедших истин...
В углу сердитый паучок притих
И загрустил. Он тоже что-то ищет
В огромном доме, где прохладно спать
И пахнет можжевельником и тиной...

Мне хочется уехать отдыхать.
Куда-нибудь на юг. Вдвоём с Полиной.

Рецидив

И вот ты ходишь с дурацкой стрижкой,
И вроде отпуск – но от кого?
Молчишь, валяешься, смотришь в книжку,
Не видя, в общем-то, ничего...
Смеёшься, дуешься и не веришь
В рассвет над морем, в капель, в мороз,
Но вот приснится – и холодеешь
И шепчешь: «Только бы не сбылось».

Он двести лет как с твоих радаров
Сошёл, состарился, лёг на дно.
Тебе свобода почти что даром
Досталась, так береги её.
Лечи бронхит, возвращайся в русло,
Довольно средь облаков плутать.

И ничего, что в квартире пусто,
Что страшно думать и засыпать.
Он научился, и ты не хуже.
Он спит давно и не видит снов.
И каждый вечер – кино и ужин
Секс без претензий, игра без слов.
Журнал «Максим», «Ягуара» банка,
Жена и дочь, темнота и тишь.

И навсегда затянулась ранка,
Та, о которой ты так грустишь.

Это как будто бы просто отрезали руки.
Сразу по плечи, без жалости и на живое.
Что у нас в будущем? Разве что общие внуки –
Дочка сказала, их будет, наверное, двое.

Горе. Беспомощность напрочь выносит за рамки –
Не удержать, не обнять, не коснуться волос.
Даже «Delet» не нажать, чтобы сбросить останки
Где-то несказанных, только подуманных слов...

Так вот и ловишь израненным ртом поцелуи –
Яблоки с ветки, задачка – увы – нелегка.
А где-то в горле насмешливо слёзы танцуют...
«Ладно, увидимся завтра, зайчишки, пока».

Посмеяться

Сколько их, тех, кто рождает тебе детей,
гладит рубашки, готовит невкусную пиццу,
смотрит раскованней, проще и веселей,
сколько их, тех, от которых так тянет отмыться?

В чём их загадка, какие на коже крема,
сколько им минуло вёсен, закатов, рассветов?
Как ты справляешься с ними – я знаю сама,
и, если честно, не жду от тебя ответов.

Просто хотелось немножко побыть не собой,
пооткровенничать под шерстяным одеялом –
видно, в программе опять незначительный сбой,
памяти на жёстком диске, наверное, мало.

Так что не бойся – в окно только ветки стучат,
точки над «i» как-нибудь на досуге расставим...
Лучший мужчина из нынешних – это Аршавин,
впрочем, и он безвозвратно на ком-то женат.

Замолкаешь на всхлипе. Словно
это было уже когда-то.
Мы расстанемся, безусловно,
мы разъедемся без возврата.
Без оставленных ссылок, стрелок,
адресов, номеров мобильных...
Выпьем «Колдрекс», займёмся делом,
погрустим, но чуть-чуть – несильно.

Я куплю себе плащ и кепку,
ту, что ты заценил в витрине.
И уже никогда так крепко
ни к какому уже мужчине
я привязываться не буду.
Распиарюсь, отдам кредиты,
А про ту – в банке счастья – ссуду
Мне напишут, что всё забыто.
И однажды подруга скажет:
«Я тут с ним невзначай столкнулась
И поверь, не узнала даже.
В общем, ты далеко не дура.
Как-то сник он, ушла та сила,
Выбрит тоже не очень гладко.
И за что ты его любила?
До сих пор для меня загадка»...

Я нахмурюсь, глаза закрою,
Опрокину случайно чашку...
Нас ведь было когда-то двое –
мы могли бы не расставаться,
не страдать, не мечтать о мести,
не смеяться картинно в зал...
Жаль, о том, как остаться вместе
так никто и не рассказал.

Постновогоднее

Кажется, было недавно две тысячи восемь –
чудные цифры, ладошка в твоей руке...
Мы провожали куда-то волшебную осень
и целовались на маленьком пяточке
под фонарём, навсегда разучившись прощаться,
крупными звёздами путался снег в волосах,
ты говорил, что хотел бы со мной потеряться
где-то на необитаемых островах...

Было так просто, что я даже думала в рифму,
кашель лечила малиной и молоком...
И повторяла заученно, словно молитву:
«Мне так легко не писалось ещё ни о ком».

Счастье длиной в сигарету,
время – шутник и вор.
В прошлое нет билетов,
но контролёр ушёл
пить растворимый кофе,
детка, скорей – нас ждут.
Мы же с тобою профи
в выдумках – проскользнуть
нам ничего не стоит,
выкрутимся, легко.
Мы ведь с тобой герои,
слышишь, не абы кто.

Это про нас же в книгах –
глупо искать подвох.
Видишь, я бью на выдох,
ты добивай на вдох.
И собирай по крохам,
капелькам, волоскам...
Детка, мне очень плохо,
больно и страшно там,
где так светло стучалось,
билось, цвело, рвалось ...
Я не давлю на жалость,
я давлю на «авось»,
на «ну ещё немножко»,
на «ну ещё чуть-чуть»...

Падает фильтр в ладошку –
время не обмануть.

Клубное

Этот мальчик,
он младше меня на восемь
или даже на десять лет,
у него никогда не спросят,
где он спал и во что одет
был в тот миг, когда вышел в город –
двадцать точечных до такси.
Перебежками, перебором,
самолётом, что без шасси
на посадку зайти пытался –
опознают по ДНКа...
Кукловод от души смеялся,
не дрожала его рука...

Мальчик бледен и страшно тонок,
будто сорок недель в плену, –
из каких выползал воронок,
на каком замерзал снегу?
Кто выкручивал локти, плечи,
жизнь по капельке выжимал,

чтобы в этот обычный вечер
просто бросить на пьедестал,
попрочнее приладить нити
и пальцами отщёлкнуть – брейк...

Ребятня, вы ещё хотите?
Будет жёстче и горячей.

Он совсем не устал, он может
так, на ниточках, до утра,
он снесёт мосты, уничтожит
боль
и память сожжёт дотла,
все долги одним взмахом спишет –
будет, что вспоминать потом.

А сейчас он немного выше
и чуть ниже, под ним – танцпол.

АНАСТАСИЯ ПУШКИНА

Пушкина Анастасия Александровна родилась в Томске. Окончила Сибирский государственный медицинский университет. С 2003 года живет в Сургуте. Работает в городской поликлинике №2 педиатром. В 2008 году в альманахе «Голоса Сибири» №8 (г. Кемерово) опубликован рассказ «Многопочие». Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009).

ОТЕЦ

...Лето жарко пылило ветром. Дождя не было больше месяца. Люди измученные, вспотевшие, толпились на остановках, чтобы затем, превратившись в единый сгусток, злясь и ругая друг друга, шофера, кондуктора, погоду, трястись в душном транспорте, и, в конце концов, выплунуться из недр его огромной массой малинового желе в конечном пункте своей поездки. И уже тогда, на секунду замерев, и глубоким вздохом облегчения впусив жгучий ветер в легкие, разойтись в разные стороны, забывая лица, взгляды, прикосновения тех, кто только что был с тобой одним целым.

Переполненные пассажирами автобусы, поскрипывая и переваливаясь с боку на бок, медленно ползли по городскому шоссе. Утро. Час пик. Все куда-то спешат. Молодежь, возбужденная сво-

ей свободой и здоровьем, торопится к новым свершениям, к новым знаниям, будь то наука, или всего лишь ощущения от чего-то, только что постигнутого, от мыслей, только что пришедших в голову, от улыбок девушек, будоражащих кровь, или оценивающих взглядов парней, смущающих сердце. Люди постарше спешат на службу, пребывая в состоянии полуреальности, от все еще тревожащих разум снов, которые волнами ожидания чуда с самого дна души всколыхнут, кажущийся к усталому вечеру наивным, но сейчас под вуалью утра дарящий надежду вопрос: «А быть может?..» Старушонки с хмурыми лицами в вечных заботах о пенсиях, пособиях, квартплатах едут по своим старушечьим делам, с тоской наблюдая через мутное автобусное стекло, как новый день на влажных от утренней росы ладонях несет им старые проблемы, старые болячки, старые уже не пу-гающие мысли о смерти.

Садиться в автобус не хотелось. Ну, во-первых, его надо ждать, а во-вторых, пешком будет больше времени для того, чтобы в очередной раз прокрутить мысленно разговор: ...он скажет... а я отвечу... он спросит... Эти последние минуты до встречи казались самыми важными. Было страшно и в то же время радостно. Сердце от волнения замирало и проваливалось в воздушную яму, а потом вновь выпрыгивало оттуда, бешено ускоряя ритм...

Прошло почти две недели с тех пор, как Лена нашла старые фотографии. Они лежали забытые, ненужные среди остального домашнего хлама, коего нет разве что у патологически аккуратной хозяйки. Что же она искала в тот вечер на антресолях? Кажется, молоток. Ведь был где-то. Подставила стул, взгромодила на него табурет. И, подражая отчаянной цирковой гимнастке, взобралась под самый потолок. Но, открыв дверцу, тут же забыла про пропажу: столько интересного, с тоскливым ароматом уходящего детства, было там. Вот коньки. Белые «снегурочки». Неужели бывают такие маленькие ножки?.. Вполне подойдут пятилетней Кристинке из соседней квартиры. А это мамин любимый ридикюль, когда-то вышедший из моды, но ... если стереть пыль... так... теперь Бузыкина обзавидует! Коробочка с погремушками (милая, милая мама), ползунками, распашонками, здесь же пластмассовая пустышка с разгрызанной до основания резиновой соской. Старая книга незнакомого автора – это можно и в мусорку – не задумываясь скинула на пол. Книга неаккуратно полетела вниз, расправив тяжелый переплет, как два крыла. А освобожденные страницы, видимо возмущенные таким нахальством, раскрылись, выпустив вложенную когда-то

между ними стопку черно-белых снимков. Карточки с глухим шлепком упали на пол.

Не сразу поняла, кто на фотографиях. Ребенок... мама... чужой мужчина... Отец?.. Догадка приходила медленно, спотыкаясь о нежелание принять открывшуюся действительность. Будто предчувствие, что сделай она еще шаг, поверь, и кубарем полетит привычная жизнь, нарушится гармония семейного счастья, в котором место только двоим – дочке и матери. Мама, скажи, зачем нам кто-то третий? Пусть бывший в далеком прошлом... такой ненужный сейчас... отец...

Долго, с липким любопытством, словно наблюдая за чужой жизнью в замочную скважину, рассматривала пожелтевшие снимки, перебирала их, перетасовывала, опять и опять возвращаясь к только что просмотренным карточкам. Вот она на качелях. Вязаная шапочка съехала набок, смешно открывая левое ушко. Папа раскачивает её. А вот единственная в стопке цветная фотография, на которой маленькая девочка смело держит на руках наряженную в юбочку мартышку. Макушку девчушки украшает большой красный бант. Рядом стоит красивый молодой мужчина, с дерзким взглядом чуть прищуренных глаз и носом с горбинкой. На его губах застыла самодовольная улыбка. Густой шелковый чуб легкой волной спадает на лоб. Черный цвет волос подчеркивает удивительно красивого оттенка глаза, пристальный взгляд которых гипнотически завораживает, ослабляя волю и затягивая на томительно бирюзовое дно.

Лена с интересом изучала каждую деталь лица мужчины. Пристально вглядывалась в крепкие жилистые руки, высоко над головой поднимающие маленькую и беззащитную, но беспрельдно доверяющую им девочку. Отец и дочь на фотографиях смеялись друг другу. И Лене казалось, что вдалеке слышится мужской голос – раскатистый бас, с легкой хрипотцой. И мама рядом улыбается, счастливая, молодая, без сеточки сегодняшних морщин. Мамино платье (обязательно небесно-голубое) развевается на ветру, открывая стройные ноги чуть выше колен. А взгляд мужчины, обращенный на неё, напоминает взгляд закормленного кота, снисходительно позволяющего своей хозяйке нежно трепать себя за ушком. В первые минуты Лене это показалось забавным...

Но постепенно, будто приходя в сознание после глубокого обморока, она понимала, что не может вспомнить, когда ее милая добрая мама вот так в последний раз улыбалась. Грустное

лицо, уставшие руки, сутулые плечи, натянутая улыбка всплыли в памяти, и обида, безотчетная обида на незнакомого мужчину, на маленькую девочку и счастливую молодую женщину на фотографиях застонала, завывала противную протяжную песню где-то глубоко-глубоко за грудиной.

Сколько ей на снимках? Три года, не меньше. Удивительно, но ничего не осталось в памяти. Лена тщетно пыталась вспомнить взгляд, улыбку, руки отца. Воспоминания вертелись где-то рядом – казалось, вот-вот и поплывут картинки – как они, дразнясь и хихикая, прятались за более поздними событиями, не позволяя себя ухватить и оставляя лишь легкую дымку едва осознаваемых ощущений. Вот её ведут в детский сад. Она весело напевает смешную песенку: «Тили-тили это нам не за-да-вали...» Лена держится за чью-то взрослую руку. А потом, обхватив чуть выше локтя, виснет на ней и легко перелетает через очередную лужу. Кто рядом? Отец?.. Лишь уверенность, что надежная рука донесет до «следующего берега» и мгновение полета, захватывающего дыхание внезапным ветром в лицо... А вот какой-то праздник, морозный, пропахнувший липкой хвоей и мандариновой свежестью, принося с собой подтверждение чуда (а соседская Машка говорила, что Деда Мороза не бывает. Вот вруша!), врывается в дверь зеленой макушкой только что срубленной елки. Кто несет красивое пушистое дерево? Кто поставит его по-среди комнаты в большое наполненное водой ведро? Кто единственный сможет дотянуться до верхушки лесной красавицы, чтобы там под потолком водрузить яркую игриво подмигивающую пятиконечную звезду? В памяти остались восторг и щиплющий язык вкус апельсина...

Но никогда больше не было такой великолепной елки. Следующей зимой мама принесла коробку с конструктором. Разлапистые ветки, ветки поменьше, и совсем маленькие растроенные на концах веточки по четыре втыкались в отверстия на складном стволе, собираясь, таким образом, по принципу пирамиды в небольшое деревце. Лена хорошо помнила, как украшали гирляндами и шарами зеленые лапы, развешивали фонарики и игрушки на ветви, осыпали блестящим дождем пластмассовую хвою, создавали ватные сугробы у основания искусственной ели. А потом, нарядив в шубку из фольги, посадили куклу Снегурочкой рядом с бумажно-ватным Дедом Морозом. Яркая пятиконечная звезда оказалась очень крупной для слабенького самодельного деревца. При попытке ее установить, елка опасно накренилась и

чуть было не завалилась. После этого главное украшение надолго запрятали в самом дальнем углу темной кладовки.

А цирк? Конечно, Лена помнила цирк. Клоуны, звери, воздушные гимнасты и таинственный магиллюзионист, даже маленькая мартышка, вертевшаяся на ее руках, когда их фотографировали – все это было действительно похоже на волшебный сон. Помнила Лена и свой страх, когда обезьянка, оскалив зубы, недовольно зарычала. И то, как стараясь не показать, что испугалась, лишь крепче прижала к себе животное и, чуть не плача, все-таки улыбнулась. А дрессировщик за храбрость подарил ей воздушный шар такой же красный, как бант на Лениной макушке...

Странное дело, она никогда не задавала маме, казалось бы, неизбежных вопросов. Никогда не испытывала ни грусти, ни зависти, если детишки в детском саду расхваливали своих пап. И в школьные годы материнского света и теплоты Лене было вполне достаточно. Просто жила, приняв как факт отсутствие мужчины в доме.

А тут вдруг нахлынуло... Сначала любопытство, затем озлобленность. Но чем дольше Лена рассматривала фотографии, тем сильнее тянуло где-то в желудке. Обида уступала место другому чувству, непонятному еще ей самой, неосознанному. Ей нравилось рассматривать лицо и глаза отца, придумывать ему голос и манеру разговаривать. Какой он? Чуть-чуть смешливый. Видите, как лукаво прищурил левый глаз? А правая бровь, напротив, приподнята. Добрый? Конечно. Сколько нежности в движениях огромных, и от этого кажущихся неуклюжими, рук, когда он завязывает шнурки на маленьком ботиночке. Он ходит уверенно, расправив плечи. Он весело вскидывает девочку, сажая ее к себе на плечи. И-и... раз!.. земля осталась внизу, а ты летишь к облакам, поддерживаемая сильными ладонями... всего мгновение полета... секунды невозможности вдохнуть или выдохнуть... и ты уже высоко, выше мамы, выше всех прохожих... даже выше самого отца... и так весело смотреть на всех оттуда и... держаться за папины уши...

Долго не решалась начать разговор с мамой. Боялась обидеть. Не могла найти нужных слов. Но, измучившись сомнениями, просто отдала матери найденные фотографии, ничего не говоря при этом. Мама, так же молча, принесла свою записную книжку и остро заточенным карандашиком выписала оттуда адрес. «Тебе уже шестнадцать, ты поймешь».

Адрес... Отец, оказывается, все это время жил с ними в одном городе. Не искал их?.. Он не мог не искать их. Искал. Волновал-

ся. А может, даже болел из-за этого, и чуть не умер от отчаяния. И только, потеряв надежду, смирился, но не забыл... Он и сейчас нет-нет да и возьмет в руки телефонный справочник и бросится обзванивать однофамильцев... Потерялись? Ну, конечно же, ведь они часто переезжали с квартиры на квартиру, до тех пор пока мама от завода не получила комнату в малосемейке. Лене тогда было уже почти десять лет. И теперь у Лены есть его адрес. А если он давно съехал, то она знает имя-отчество, фамилию отца. Теперь она узнает его в толпе. Теперь она будет искать его...

...Дом нашла быстро. Напротив – школа: типовое здание, дворик с невысоким кустарником. Возле дома игровая площадка. Дети в песочнице. Мамы и бабушки на скамейках.

Лена обошла дом кругом. Постояла возле подъезда, подсчитывая, куда выходят окна. В окне – судя по занавескам кухонном – мелькали тени, и всё было так буднично, что стук взбесившегося сердца казался неуместным. Ото-гнав сомнения, девушка подошла к старушкам, давно наблюдающим ее метания. Уточнила. Да. Действительно, проживает. Лена зашла в подъезд. Вот дверь, богато оббитая дерматином с мозаичным рисунком разноцветных клёпок. Номер четыре. Кнопка звонка утонула под давлением тонкого пальца.

Открыла девочка лет тринадцати и с интересом и как-то по-свойски посмотрела на Лену. А глаза такие же бирюзовые, как у мужчины на фотографии. Как и у самой Лены... Вдруг подумалось, что младшая сестра – это здорово, и от этой мысли стало весело, и неуверенность сразу прошла. Лена была приглашена внутрь. Сейчас она увидит отца. Высокого, симпатичного мужчину, черные волосы побеленные на висках, голос с хрипотцой, полуулыбка на губах... Конечно, он не бросится к ней, не обнимет ее, по крайней мере не в первую встречу – столько времени прошло... Но, возможно, по его глазам, слегка подернутым легкой дымкой грустной радости, она поймет всё, и ничего не будет дороже для Лены, чем этот взгляд отца...

– Вы ко мне? – забежали глазки, с заискивающей надеждой заглядывая ей в лицо снизу вверх: «Ты ведь ошиблась, девочка?.. Мы не знакомы...»

– Здравствуй, папа... – прозвучало слишком пафосно. Голос Лены дрогнул на последнем «па».

– Мама рассказывала мне о... – Лена поперхнулась остатком фразы, закашлялась.

Лицо отца менялось стремительно от испуга до усталой досады:
– Давай пройдем в комнату.

Отец суетливо, чуть подпрыгивающей походкой, прошел по коридору вглубь квартиры. Лена последовала за ним.

О чем они говорили, она не запомнила. Что-то незначительное. Она пыталась сказать про маму, он сбивался на общие фразы. Потом молчали. Тяготились. Отец все время оглядывался на двери или терзал часы на руке, проворачивая браслет на запястье. Говорил еле слышно, быстро, задавал вопросы, но, не дожидаясь ответа, тут же спрашивал о чем-нибудь другом. Лене не покидало ощущение, что кто-то зло подшутил над ней, и что сейчас откроется дверь, и войдет отец, тот, которого она представляла себе, которого видела на фотографиях.

– Мне пора – едва слышно проговорила Лена и направилась к двери.

– А... – выскочило неправдоподобно звонко, но отец тут же нарочито понизил голос. – Может, тебе денег надо было?..

Лена обернулась в недоумении. И так ей жалко стало этого съезженного мужчину с бегающими глазами, с тонкими поджатыми губами, с виноватой улыбкой, уже готового вздохнуть с облегчением, но застывшего еще в ожидании подвоха, что она только усмехнулась.

– Я теперь часто приходить буду! – громко сказала Лена.

...Она вышла на улицу. Утро, словно песок в часах, плавно перетекало в день... Лена вдохнула горячий воздух... Не было обиды, и разочарование осталось в квартире номер четыре. Спокойно и радостно. Пусть ждет...

ЦЕРБЕР

Во дворе ее не любили за великанский рост, грузную походку и скверный характер.

Откуда она взялась? Да, кажется, была всегда. Люди в доме менялись, съезжались, разъезжались, оставляя после себя тени, тепло или сырость, а она все мела двор да ухаживала за газонами. Имени ее никто не знал. Конечно, где-то в документации отдела кадров она значилась как «такая-то такая-то», но теперь это мало кого интересовало. На вид ей было около шестидесяти.

Десятилетия проходили, а она не менялась: носила ту же одежду, покрывала голову все тем же черным платком. Это мы,

делая первые шаги по едва пробивающейся весенней травке, приводили в восторг вечно курлыкающих бабушек на дворовой скамейке; это мы лепили замки в песочнице, падали с качелей и, разодрав в кровь колени, прятали слезы обид от девчонок, чтобы потом, лет через десять, вскружить головы соседским Ленке или Наташке, и, получив право первого поцелуя, собственнически приобняв их за талию, слушать темными вечерами нескладные переборы шестиструнной Митькиной гитары; это мы влетали, запыхавшись, в двери подъезда и, миновав три-пять-девять лестничных пролетов, как ураганы, врывались в роди-тельскую кухню и, бросив на обеденный стол синенькую книжечку с много-обещающей надписью «Диплом», кружили мам в своих крепких уже мужских руках, а отцы, утирая невольной набежавшую слезу, открывали бутылки игристого вина; это мы, гордо задрав носы, привозили домой маленький белый сверток, обвязанный голубой или розовой лентой, и уже родная Ленка или Наташка, с открытым только ей таинством рождения новой вселенной, загадочно улыбаясь, медленно шла рядом; это мы, выгуливая в песочнице на-следников и наследниц, снисходительно слушали умиленные вздохи соседских старушек. Это наше время летело...

Но всё так же, как и тридцать лет назад, едва утренний свет пробивался сквозь наглухо зашторенные окна, со двора доносились знакомые и такие неугодные ранним утром звуки.

– Ш-ш-шух!.. Ш-ш-шух!.. – метет метла, собирая не успевшую унести с попутным ветром опавшую листву.

Но дворничиха будто осталась вне времени. С годами она лишь приобретала все более грозный вид. Ее черные брови все больше срастались к переносице. Глаза все глубже впадали в глазницы, а темные линии под ними становились резче. Ее серые, как городской снег, волосы выбивались косматыми прядями из-под платка. Нос заострялся, крючковато нависая над крепко сжатыми нитями бескровных губ. И только ее спина не гнулась от времени: дворничиха ходила прямо, тяжело ставя стопы в мужских сапогах огромного размера и переваливая свой вес то на одну ногу, то на другую, от чего ее походка казалась еще более угрожающей. Подметая дорожки во дворе и собирая мусор большими ладонями в грязных брезентовых рукавицах, она что-то бубнила едва слышно хриловатым голосом. А нам казалось, что эта мрачная женщина шлет проклятья на наши ветреные, не знающие покоя, юношеские головы.

Занимала дворничиха небольшую подсобку, оборудованную в маломальски приемлемое жилье. Еще мальчишками мы с улицы заглядывали в окно ее каморки. Но, к нашему сожалению, почти весь вид перекрывало прибитое гвоздями к оконной раме байковое одеяло. И лишь видна была запыленная лампа, одиноко висевшая на потолке. Что творится в ее комнатухе, как обустроен ее быт – никто не знал. К себе старуха никого не пускала. Сама ни к кому не ходила. Не было у нее ни родных, ни друзей. А животных дворничиха не любила. Гоняла котов и собак с газонов, не обращая особого внимания на возмущенные окрики хозяев.

Говорили, будто она слабоумна, однако наверняка утверждать никто бы не стал, потому, как на любую попытку с ней заговорить она угрюмо отворачивалась и поспешно уходила прочь, оставляя «собеседника» с неприятным осадком недоумения на душе. Но закрепленная за ней территория всегда содержалась в чистоте и порядке. Да и не могло быть иначе. Уж она то за этим страстно следила. Бывало прохожий, не задумываясь, бросит окурок, а дворничиха уже тут как тут: затмевая всей своей мощью солнечные лучи, грозно впиваясь в самую душу леденящим взглядом, медленно, как грозовая туча, надвигалась на пойманного с поличным беднягу. Хочешь, не хочешь, а сор свой поднимешь. А то еще и рядом лежащую бумажку прихватить в тягость не считаешь. На всякий случай.

Особое внимание дворничиха уделяла клумбам. В мае яркими желтыми бокалами распускались тюльпаны. Летом возле каждого подъезда наполнялись насыщенным багровым цветом пионы, и тигровые лилии кудрявыми веснушчатými лепестками радовали глаз соседей. К осени дворничиха всегда высаживала луковичы гладиолусов.

Но более всех остальных цветов она любила розы. Сажала их старуха под окном своей каморки. С самой весны холила она и лелеяла небольшие кустики. То удобряла, то увлажняла землю, ухаживая за цветами, как за малыми детьми. И нередко, проходя мимо ее палисадника, можно было слышать невнятное, но ласковое бурчание старухи. К июню распускались бутоны. Источая нежный, призывно манящий аромат, цветки наполнялись жизненным соком, становясь с каждым днем все соблазнительнее для влюбленных мальчишек. И как только распускался первый бутон, дворничиха ревностно следила за розами, не подпуская ни завистливых старушек, ни проказников-мальчишек, ни просто восхищенных любопытствующих зевак. Как хищница, защи-

щающая свое потомство, она яростно гнала прочь любого, кто подходил к невысокой оградке. Оружием мог стать любой предмет, находящийся в тот момент в ее руках. Без предупреждения летели в «противника» грабли, лопата, комки сырой холодной земли. Не совсем уверенные в ее адекватности, мы, напуская равнодушный вид на лица, старались ничем не выдать своего интереса к цветам.

Но что это были за цветы! Сиреневые кружева окаймляли бархатной дорожкой розовые лепестки, а от самой сердцевины, как маленькие лучики, шли три тонкие белые прожилки. К середине лета кустарник, будто накрытый цветастым платком, полностью был усыпан бутонами. Цвели розы, сменяя друг друга, до самых заморозков. Уже увядшие, вот-вот готовые осыпаться соцветия, дворничиха, едва касаясь, освобождала от тяжести одеяний, оголяя маленькие коричневые головки. Складывая лепестки в подол фартука, она заносила их в свою комнату. На что шли полуувядшие лепестки? Готовила ли она из них какое-то зелье, или просто сушила, раскладывая на все возможные поверхности? А, может, варила сладкое розовое варенье? Никто не ответит теперь.

Как-то раз Митька, местный поэт и музыкант, выждав минуту, когда дворничиха, подметая дорожки в дальнем углу двора, оставила свой цветник без присмотра, изловчился и срезал три розы в подарок своей новой девчонке. Все бы обошлось, возможно. Да перелезая обратно, он задел ботинком стоящее тут же ведро с дождевой водой, и, загремев с ограды, больно подвернул ногу. Старуха, увидев, что мальчишка посягнул на «святая святых», издала рык раненого льва. И (откуда только взялась такая скорость в дряхлеющем теле?) замахиваясь метлой, пустилась наперевес удирающему Митьке. Что стало причиной того, что она чуть было не догнала воришку: то ли его больная нога, то ли ее ярость и жажда возмездия, но дважды все, находящиеся в тот момент во дворе, затаив дыхание, ожидали плачевной для поэта развязки. Не убила бы, конечно, но покалечила уж точно, если бы Митька не додумался бросить цветы под ноги обезумевшей старухи. Она остановилась. Тяжело дыша, подняла розы. Разгладила лепестки и нежно прижала к груди, закрыв соцветия большими ладонями. Она шла медленно к дому, боясь потревожить покой погибших растений. Так дети, встречаясь впервые со смертью, несут в своих руках бездыханное тельце воробья или жука. По ее мрачному лицу катились слезы. Не стесняясь их, дворничиха рыдала монотонным «Ы-ы-ы-ы».

А Митька, поняв, что преследование прекратилось, возбужденный случившимся приключением, обернулся и, зло, грозя кулаком, на весь двор крикнул старухе в спину: «У! Цербер!». И, как водится, это имя крепко привязалось к ней. Теперь уже не только шпана, но и люди взрослые, серьезные нет-нет, да и просят в сердцах страшное прозвище.

После того случая дворничиха неделю не появлялась во дворе. Митька получил от родителей «по первое число». Кажется, даже ходил в ее каморку, чтобы попросить прощения, но она не впустила его.

Всё забылось. Дни опять потекли своим чередом. Дворничиха всё так же будила нас по утрам звуками своей метлы, а днем ухаживала за цветами на клумбах и гоняла бездомных кошек. Мы вырастали, но никто больше не покушался на розы.

...Это случилось первого сентября. Для многих это был обычный будний день. И лишь девочки и мальчики, вступающие первый раз в мир науки, торжественно неся перед собой букеты, переживали в этот день первые свои взрослые эмоции. Конечно, не меньше волнений досталось и их мамашам. Да и учительница, принимая на три-четыре года новый класс, глядишь, и утрет уголком платка набежавшую слезу.

Возле школ толпились первоклашки с родителями, нервно поправляющими своим чадам воротнички и бантики. Старшие ученики, тоскуя о прошедшем лете, но все же радостные от встречи со старыми друзьями, громко обсуждали пролетевшие каникулы. Скоро начнутся школьные линейки, и звон старинного колокольчика ознаменует начало нового учебного года.

Двор был пуст. Редко кто выходил из подъезда но, торопясь на автобус, тут же скрывался за углом дома. Дворничиха угрюмо собирала граблями листву. Вчера прошел дождик, и опавшие листья липли к зубьям граблей, что затрудняло работу. Это раздражало. Старуха ворчала. Но постепенно газон очищался, и теперь виднелись то тут, то там небольшие кучки опавшей листвы. Дворничиха хотела быстрее закончить это дело. Ей надо было еще утеплить стебли роз, обмотав их ватином: скоро придут холода, но укутанные цветы еще недели три до заморозков порадуют ее.

Вдруг она услышала, как кто-то всхлипнул за спиной. Обернувшись, старуха увидела маленькую девочку, сидящую на скамье. Девочка была нарядно одета в новенькую школьную форму, ее фартучек будто хвастался своей белизной. А тоненькие косички были завернуты в смешливые каралики, и красивые белые

банты, как две распутившиеся розы, гордо сидели верхом на них. Девочка плакала, закрыв лицо руками. Ее маленькие плечики вздрагивали при каждом всхлипе. Дворничиха нахмурилась. Подойдя к ребенку, она осторожно толкнула граблями ее ногу.

– Ну? Чего? – спросила старуха.

– Девочка, открыв заплаканное личико, посмотрела на старуху полными слез глазами.

– Мама... цветы... – сказала она, всхлипывая. – Я в первый класс... у всех цветы... а я... – не договорив, она вновь уткнулась лицом в ладони и заплакала, теперь уже не сдерживаясь, навзрыд.

Дворничиха постояла еще минуту. Потом, ничего не сказав, переваливаясь с ноги на ногу, медленно пошла к дому. Она срезала самые красивые, самые дорогие её сердцу последние цветки. Лицо её было мрачно. Какие мысли в этот миг посетили её? Может, в глубине души она понимала, что это были её последние цветы: всё чаще болели ноги, всё глуше стучало сердце, всё тяжелее становилась одышка. Кто знает? Аккуратно собрав букет из одиннадцати роз и срезав ещё несколько веточек с хорошо сохранившимися листьями, она перевязала их небольшой бечёвкой и также молча пошла обратно к скамье. Куст сиротливо провожал свою хозяйку, печально раскачивая обезглавленными стеблями.

– На! – дворничиха грубо сунула в руки девочки букет и, подняв грабли, продолжила скрести пожелтевший газон.

Девочка взвизгнула от радости и, наспех вытерев рукавом глаза и нос, крепко прижимая к себе цветы, побежала со двора.

Весной следующего года дворничиха умерла. Никто не видел, как ночью приехала «скорая» и увезла холодеющее тело великанши.

– Жила не по-людски, и ушла, как тень – незаметно ночью, – вздыхали соседские старушки. – Бедная ее душа. Никто добрым словом не помянет.

НИКОГДА НЕ БЕРИ ЧУЖОЕ

...Манечка резко открыла глаза. Будильник! Сколько времени он звонит? Электронное табло показывало пять часов сорок четыре минуты. «Тили-тили-ти... Тили-тили-ти...» – раздавалось на всю комнату. Манечка вскочила с кровати. «Опоздала!

Опоздала!» – вертелось в голове. Сдернув ночную рубашку, девочка наспех накинула халатик и, завязывая на тоненькой талии пояс, оглядела комнату. «Ну-у где-е же -о-о-ни-и? Ой-й, мамочки!» – чуть не плача тянула девочка. Шерстяные колготы мирно висели на спинке стула. Манечка схватила их и, на ходу толкая ногу, подпрыгивая, выбежала в коридор. Не вглядываясь какая именно куртка оказалась в руках, натянула ее, затем, сунув ноги в сапоги, выскочила на лестничную площадку.

Лера уезжала с родителями в другой город. Она была лучшей и единственной подругой Манечки с самого детского сада. Кроме того, они жили в одном подъезде. Ходили в одну школу и один класс – пятый «Б». А Манечка проспала! «Хороша подруга! – ругала себя Манечка, сбегая по ступеням. – Опоздала!»

Девочка вылетела на улицу, где родители Леры уже загружали в такси чемоданы и сумки. Лера стояла рядом, понутив голову. Но подъездная дверь хлопнула, и, повернувшись, девочка увидела заспанную растрепанную Манечку. Та в незастегнутой маминой куртке и папиных сапогах, шаркая ногами и еле волоча их по земле, бежала к ней, утирая длинным рукавом слезы.

– Манечка!

– Лерочка!

Подружки обнялись. Они постояли так минуту. Потом Лера взяла Манечкины руки в свои, и они просто смотрели друг другу в глаза, стараясь запомнить последние мгновения их дружбы. Хотелось сказать на прощание, что не забудут, что обязательно встретятся, что... что-нибудь ещё очень важное и доброе, недосказанное ранее. Но нужные слова не приходили в детские головы.

– Лера! Пора ехать, – окликнула мама.

Лера, виновато улыбаясь, отпустила Манечкины руки, и сказав: «Вот и всё!», – пошла было к машине, но, вдруг вспомнив о чём-то, вернулась, достала из кармана ключи с брелоком в виде двух обнявшихся медвежат, разделив которых, одного поцеловала и протянула Манечке, а другого оставила висеть на цепочке.

Машина тронулась и вскоре скрылась за углом. Манечка еще постояла, задумчиво глядя вслед уехавшей подруге, а потом, вздрогнув, как от внезапного озноба, поплотнее запахнула мамину куртку и, шлепая ногами в огромного размера сапогах, поплелась домой. В кулачке она крепко сжимала брелок – память о детской дружбе.

Майские праздники отмечали на даче у тети Лены, папиной сестры. На участке находился особняк в два жилых этажа и

все необходимые для приятного отдыха постройки. При желании здесь можно было жить, как в пригородном доме, даже зимой. В небольшом дворике стояла беседка с круглым столом посередине и несколькими стульями вокруг. Рядом с беседкой – мангал, на котором дядя Рома и папа Манечки сразу по приезду разожгли угли.

Бросив верхнюю одежду на диванчик в просторной прихожей дачи, Манечка с двоюродной сестрой Наташей удобно разместились под высокой берёзой возле беседки и просто болтали ни о чем. Девочки, в общем-то, не очень ладили. Но погода сегодня была по-весеннему теплая, легкий ветерок охлаждал запыленные городской усталостью ноги, кое-где сквозь зеленую травку весело желтели первые головки одуванчиков, молодая, еще пахнущая липкой смолой листва шелестела, навеявая мысли о предстоящем лете.

Девочки щелкали кедровые орешки, сплевывая скорлупки на пластмассовые тарелочки. Наташа проворно помещала орешек между верхними и нижними резцами и затем, крепко удерживая его таким образом, двигала, слегка надавливая, нижнюю челюсть слева направо и обратно, от чего скорлупка трескалась точно посередине, а сочная белая мякоть оставалась нетронутой. Одну часть нераздробленной скорлупки Наташа легко снимала с ядрышка и, быстро переворачивая языком орешек, освобождала его от оставшейся шляпки.

У Манечки так не получалось. Как бы она ни старалась, но вкусное ядрышко дробилось вместе со скорлупой на несколько мелких частей или же вообще размазывалось по передним зубам лепешечкой. От скорлупы во рту оставались острые треугольнички, которые приходилось долго выплевывать иногда вместе с молочным содержимым.

Перед Наташей быстро росла аккуратная с ровными станчниками кучка. А Манечкина тарелочка была лишь наполовину наполнена перетертым, как после кофемолки, коричнево-беловатым месивом.

Наташа со злорадным превосходством смотрела на старания сестры. Ее раздражала неуклюжесть Манечки, прочно связанная с застенчивостью. Наташе не терпелось сделать что-либо такое, чтобы ощутить превосходство над гордячкой, побаловать свое самолюбие и в полной мере прочувствовать свою власть над наивной дурочкой. Но теплый день истомил ее, щелкание орешков убаюкивало, хорошая мысль не приходила в голову. Это раздражало еще больше.

– Выбрось! Пожалуйста! – попросила Наташа у Манечки, протягивая наполненную скорлупой тарелочку.

Девочка безропотно встала, взяла мусор и пошла к дому. Когда она уже была на пороге, Наташа, будто бы спохватившись, кинула вслед:

– Захвати мою куртку! Пожалуйста!

Но Манечка уже заходила в дверь и слов Наташи не слышала. Минут через пять она вернулась под березу.

– А моя куртка? – удивилась Наташа. – Я же попросила её принести.

– Я не слышала, – просто ответила Манечка и принялась вновь за орешки.

– Ну, ладно! – Наташа резко встала. – Попроси же меня теперь о чем-нибудь.

– Наташа, но я в самом деле не слышала твою просьбу, – начала было оправдываться Манечка.

– Да я поняла, поняла! – раздраженно крикнула в ответ Наташа.

Влетев в прихожую, Наташа неаккуратно дернула свою куртку, вытаскивая её из-под Манечиной одежды. Вещи упали на пол, и из кармана плаща, громко звякнув, выпала связка ключей с брелоком в виде лохматого медвежонка, мордочка которого была грустна, как у обиженного ребенка.

– «О-о-па!» – заинтересованно произнесла Наташа, поднимая ключи.

Она повертела их в руках, внимательно рассматривая брелок, потрогала, как-будто протянутые для объятия, мягкие лапы медвежонка, затем, хмыкнув, взяла ключи двумя пальцами за кольцо, и, неся их в чуть вытянутой руке, вышла на улицу.

– Что это? – Спросила девочка, подойдя вплотную к сидящей на скамье Манечке.

– Ключи. – Ответила та растерянно.

– Я вижу, что ключи! – Раздраженно сказала Наташа. – Вот это что? – Она демонстративно дернула кистью руки так, что брелок качнулся на цепочке, едва не задев лицо Манечки.

Девочка машинально отдернулась.

– Это брелок, ты что ли не видишь? – испуганно произнесла она.

Родители, не обращая внимания на разгорающуюся ссору, продолжали заниматься своими делами. Папы, потягивая холодное пиво, лениво перево-рачивали шампуры с насаженным

на них мясом. Мамы, беседуя о чём-то своём, резали овощи для незатейливых закусок.

– Ну, и где ты его взяла? – Наташа с трудом сдерживалась, чтобы не перейти на крик.

Манечка сжалась, будто ожидая удара.

Манечка боялась ссор с Наташей, всегда старалась обойти углы и пре-дугадать настроение сестры. Чаше уступала ей. Только бы Наташа не начала кричать. Но избежать скандала редко удавалось. Ссора могла состояться на пустом месте, буквально из-за ничего. То Манечка села не там, то смотрит не так. Наташа цеплялась к словам, к движениям. Даже если девочки пару минут назад играли спокойно и, казалось, были обе в хорошем настроении и полностью увлечены игрой, Наташа вдруг могла вскочить, начать обвинять Манечку в чём-то понятном только ей, бросить всё и обязательно, выбежав из комнаты, грубо хлопнуть дверью. Манечка в такие моменты чувствовала себя виноватой, но, силясь понять в чём именно ее вина и не находя ответа, винила себя ещё и в глупости, в недалекости, очень расстраивалась и плакала. Иногда она бежала за Наташей с вопросами, которые в какой-то мере могли объяснить обиду сестры. «Ну, что я сделала? Ну, скажи, что? Может, ты хотела эту куклу? Давай поменяемся. Или тебе нужен карандаш, который я взяла? Забери его. Я другим порисую». Наташа обычно на вопросы не отвечала. А если отвечала, то это были унижительные, ещё более удручающие ответы: «Ты совсем тупая, раз сама не понимаешь» или «Дружить с тобой не хочу после этого!». В конце концов подключались родительницы, и ссора приобретала масштабы междусемейной катастрофы. Тетя Лена, успокаивая дочь, говорила, что они больше не хотят видеть Манечку у себя в доме; что с другими Наташа ведет себя спокойно, без ссор, но стоит придти Манечке... Либо, если «полем военных действий» оказывалась квартира Манечкиных родителей, что сами больше не придут к ней, раз та не умеет общаться и играть, как нормальные дети. Манечка же, прижавшись к своей маме, оправдываясь, от слёз только и могла произносить: «Ну, что я такого сделала?»

Мамы, защищая каждый своё дитя, начинали вспоминать собственные взаимные невысказанные обиды, забытые долги, завидные удачи. Всё заканчивалось полным разобщением семей на две-три недели.

Примирений как таковых не было никогда. Просто, как ни в чем не бывало, мамы опять начинали перезваниваться, семьи

– ходить друг другу в гости, и спокойствие продолжалось до следующего каприза Наташи.

– Где ты взяла этот брелок? – нависая над сестрой, спросила Наташа.

– Мне подружка подарила. А что?

– А то! – взвизгнула Наташа.

Обе мамы, оставив недорезанные огурцы и помидоры, предчувствуя начало бури, устремились к дочерям. Папочки тоже застыли в напряжении.

Наташа секунду помолчала. Заметив краем глаза, что «зрители» собрались, она громко, срываясь на высокие нотки, продолжила:

– А то, что месяц назад у меня пропал точно такой же мишка!

– Ну, а я то тут при чем? – недоумённо произнесла Манечка.

– Мишка у меня пропал сразу после дня рождения. Ты приходила к нам, помнишь?

– Манечка, откуда у тебя этот брелок? – мама обняла девочку за плечи.

– Мне Лера подарила, – тихо проговорила Манечка.

– Мама, посмотри! Это же мой брелок! – Наташа протянула ключи своей матери.

– Да? А, ну да. Кажется, он, – взяв связку, тетя Лена pokrутила ключи в руке.

– Это тот мишка, которого я купила в «Пассаже». Папа, помнишь, ты мне двести рублей давал? – Наташа повернулась в сторону мужчин.

– Начинается, – буркнув под нос, дядя Рома нехотя поднялся.

Встал и папа Манечки. Недовольные прерванной беседой, они присоединились к обществу женщин. Как ни старались не вмешиваться, всё же пришлось поучаствовать в дамских разборках.

– Да не помню я, может, и давал тебе двести рублей. Вчера двести, сегодня триста, потом еще пять раз по двести... – лениво ответил дядя Рома. – Ты не докладываешь, куда их тратишь.

– Я же тебе тогда и брелок сразу показала, – возмущенно сказала Наташа.

Отец пожал плечами.

– Это мой брелок!... – повторила упрямо Манечка.

– Украла, так признайся честно, – настаивала Наташа.

– Ну, что ты, Наташа, Манечка не могла украсть. Что ты такое говоришь? – в голосе манечкиной мамы появилось сомнение.

– Ты не волнуйся, Юля, такое со всеми бывает в их возрасте, – тетя Лена мило улыбнулась.

– Маня! Зачем же ты без спроса взяла? Если тебе понравился брелок, надо было попросить. Наташа бы сама подарила. Правда, доченька?

– Я не брала! Это мой брелок! Мне его Лера подарила!

– Так-так! Девочки! Давайте разберемся во всём. А уж потом обвинять будем, – вмешался папа Манечки.

– Вот именно! Давайте позвоним Лере и все выясним, – предложила мама.

– Мама! Но Лера переехала в другой город. Я не знаю её номер. И адрес тоже. – Манечкины глаза заблестели от набегающих слез.

– Конечно, прости, я забыла. Две недели назад...

– Очень удобно! – Наташа зло рассмеялась, – теперь ещё и Лера в другом городе. Украла, так признайся честно!

– Я не брала, – произнесла Манечка тихо.

– Ну да, ещё скажи, что не видела у меня такого медвежонка, – взорвалась Наташа.

– Да! Не видела! – призналась Манечка.

– Конечно, я так и думала! Зачем ты врешь? Рассматривала, нахваливала. А потом и стащила, – съехидничала Наташа. – Я после своего дня рождения всё перерыла – брелок искала.

– Действительно, такие совпадения не часто бывают, – отец Манечки строго посмотрел на дочь. – Я ругать тебя не буду, если ты скажешь правду.

– Папа! – голос Манечки задрожал.

– Девочка моя, давай вернем мишку, – мама нежно провела рукой по Манечкиным волосам.

– Мама! – слёзы катились по Манечкиному лицу большими солёными каплями. – Это мой брелок.

– Наташенька, ну, прости ты Мане этого мишку. Она уже всё поняла и больше так не поступит. Правда, Манечка? – тетя Лена с теплом посмотрела на Манечку.

– Ага! Щас! Не хочет возвращать медведя – пусть отдаёт деньги! – Наташа стояла распрямив плечи, гордо вскинув голову и смотрела на сестру сверху вниз.

– Это мой брелок... – тихо плача повторила Манечка.

Но Наташины пальцы уже разжимали кольцо связки, освобождая его от висевшего на цепочке брелока. Мама Манечки, казалось, вздохнула с облегчением: сегодняшняя ссора девочек не стала

причиной конфликта между взрослыми. Отцы вернулись к мангалу, на котором уже подрумяненные куски мяса издавали пряный аромат маринада, смешанного с дымком прогорающих березовых углей. Тетя Лена, поцеловав дочь, отправилась в беседку.

Обняв Манечку, мама шепнула на ухо: «Доченька, конечно, ты не брала брелок, но нам сейчас никак нельзя ссориться с тетей Леной. Я куплю тебе такого же медвежонка».

Наташа вернула освобожденные ключи Манечкиной маме. И когда та отошла от скамьи, девочка, вполне довольная собой, с легкой укоризной посмотрев на сестру, сказала:

– Никогда, слышишь, никогда не бери чужого!

НИНА СЕРГЕЕВА

Сергеева Нина Энриковна родилась в Сургуте. Окончила среднюю школу № 24. Студентка Сургутского государственного университета. Публиковала стихи в «Эринтуре», сборнике «Бульвар писателей». Участник Всероссийских совещаний молодых писателей (Ишим, 2004; Сургут, 2009).

ИЗ ЛИРИКИ МИНУВШЕГО ДНЯ

Автопортрет

Светает...

Ванная...

Кофе...

Зеркало...

Кошка...

Ну, с добрым утром!

Очень приятно.

Будем знакомы...

Кто я?

Сплетенья эмоций да снов немножко

И глухая броня глубокой
медитативной комы.

Зачем я?
Этот вопрос тревожит меня всё больше.

Но!
Эмоции – беспричинны,
смиряюсь,
значит – я тоже.

Впрочем, нет смысла с утра осмысливать Смысл дольше,
Чем происходит процесс гримирования рожи.

«L'eau par Kenzo» – эссенция ветра в парижском флаконе,
Ветер Парижа в моих волосах и
забытых
дома
перчатках.

День.
Это проще всего.
Можно выйти из утренней комы
И оставить бумаге в present бессмысленных чувств отпечатки.

Сумерки...
Я в глубине себя
ожидаю какой-нибудь праздник,
Чувствую – там,
ещё глубже – жутко,
а в целом – гадко.

Ведь как ни крути,
каждая ночь
в молчаньи таит разгадки...
А каждое новое утро – утро стрелецкой казни...

Легенда

Она скиталась средь зеркал –
Она и сотни Отражений –
И прошлогодний краснотал
То тут, то там сердцебиенье
Замёрзшей веткой оплетал.

Влёт по плащу лупил сквозняк,
Но ей до ветра нет и дела.
Лишь как молитва Пастернак:
«...По всей земле, во все пределы...»
Да по углам стаился мрак.

Они скитались в зеркалах...
В их позах плавала усталость
И в их склонённых головах
Едва угадывалась старость –
Но ни морщинки на челах.

Их волхованью нет конца,
Ни памяти, ни отпечатков.
Оправа ртути и свинца
Да Время бархатной перчаткой
Скрывает Лица от Лица.

Печаль с кошачьими глазами

Печаль с кошачьими глазами
Без стука в дверь мою заходит...
Печаль с кошачьими глазами:
Она одета не по моде.

Она крадётся незаметно,
Хотя не прячется углами.
Моя хрустальная соседка –
Печаль с кошачьими глазами.

Она горда и молчалива,
Собой заполнит все пространства,
Перекуёт нетерпеливо
Непостоянство в постоянство.

Она светла, юна годами,
Я рада ей... Но только знаю:
Печаль с кошачьими глазами
Однажды в зеркале узнаю...

Мы промахнулись в море Одиночеств,
Нацелив абордажный крюк друг другу
В железный борт. Не слышали пророчеств,
Всё заглушая канонадным гулом.

Не отвели ладонь от глаз, и светом
Лучи не ослепляли, но не грели.
Не оттого ль, не слушая советов,
Мы заблудились и идем без цели?

Штурвал осклиз и в трюмах ветер рыщет...
Когда же вдоволь нас потреплют грозы,
Ты на мели пристанище отыщешь,
И Южный Крест на мне поставят звёзды...

* * *

Россыпью алых монет разбивался закат,
Россыпь обломков сердец – и кто виноват?
Серое небо с багровою полосой
Где-то озвучилось россыпью голосов...

Белая кромка рассвета разбила тень.
Белые ритмы стихов открывали день.
Мы распахнули двери в свои миражи...
Чёрные листья деревьев пели про жизнь.

В россыпь истертых дублонов разбился сон,
В мареве ломких лучей растворился он.
Серые тени что-то шептали: Внемли!
Серые тени в серый рассвет ушли.

Сонные блики ржавели на мутной воде.
А тишины такой не узнать нигде...
Лишь уходили из бухты два корабля,
В разные стороны света, как ты и я.

Сценарий одного сентября

Сентябрь. Смеркается. Вдоль улицы пустой
Кружась и каркая, летают низко птицы.
И вновь дорога манит за собой.
Вдали чуть слышен шум и рык мотора.
Здесь – лишь деревья, кроной шелестят
Обзор. Пейзаж: дорога. У забора
Листва скрывает выводок опять...
Ступая мягко, медленно, уныло,
В расстёгнутом плаще из-за угла
Идёт Она... За ней неторопливо,
Небрежно развевается пола.
Поникла чуть. Дошла. Остановилась.
Стояла долго, (несколько минут).
Вдруг – пламя рыжим языком забилося.
Сменили ракурс: руки письма жгут.
Порывный ветер шарф её уносит.
По грязной жиже, вымокшим кустам.
Ей все равно, в её глазах – лишь осень.
Её глаза. В них слёзы, (крупный план).
Пейзаж: льёт дождь. И снова крупным планом
В зале намокшей жёлтое письмо.
Одно, в подпалинах. Размыто как в тумане...
Стоп. Снято. Дублей нет.
Ей всё равно.

Посвящение Никому...

Когда город откроет глаза
И захлопнет плотнее двери,
Когда город, продрогший с утра,
В запромозглom тумане молчит,
В тишине прохочет слеза
Про забытые злые потери,
И над серой площадкой двора
Сонным облаком грусть пролетит...

Если ветер отыщет пути
 И не выберет бездорожье,
 Если ветер не рвёт провода,
 А тихонько мне плещет в лицо,
 Мы не сможем тогда разойтись,
 И не станем швыряться ложью
 И, быть может, уйдут холода,
 И сомкнутся две жизни в кольцо.

Весна

Я, как старик Нострадамус,
 Глаза не прикрывши ладонью,
 Хмурясь, на небо уставлюсь,
 Чтоб позабыть всё, что помню.

Нам я весну напророчу:
 Знаю, что солнце поможет!
 Лёд между нами не прочен,
 Но расколоть его может

Только сердцебиенье,
 Его зашифрую по Морзе –
 Точка-тире – каплейю:
 Так я дарю тебе солнце!..

И лёд захрустит под ногами,
 Когда к тебе двинусь навстречу:
 Это я
 разбудила Весну между нами...
 Ну! Давай же!
 Окликни меня! Я отвечу...

* * *

...Что будет завтра? Кофе не в постель.
 Бессмысленное звукопостоянство
 Часов и чайной ложки. Канитель
 Прохожих, несерьёзных как паяцы.

Ну, а сегодня просто тишина,
Наполненная жизнью и весельем
И в небесах нечёткая луна,
И у соседей празднуют рожденье...

Здесь сумерки бывают так нежны,
И фонари в окне, как карусели...
Сегодня мысли просто не важны...
Что будет завтра? Кофе... Не в постели...

* * *

Облицованность мыслей летит над заснувшим проспектом,
Окольцованность пальцев скользит по изгибам гитары,
Ускользая легко в темноту от метели и пепла,
Обдавая случайных прохожих сиреневым паром
Это нежность забытого солнца, замёрзшего света,
Это страх промахнуться, дрожь в руках перед выстрелом в тире,
Это тайна луны, луч, который запутался в ветре,
И влетает в открытую форточку старой квартиры.
Я краду тишину у забытой безлюдной аллеи,
Я ловлю расшалившийся луч под стекло циферблатов,
Я люблю услышать в тишине отзвук давней затеи,
Отсвистевшей безвольно, сгоревшей в объятьях заката...
Отзвучавшая песня гуляет над сонной Невою,
А над лентой воды вьются птицами ноты и рифмы.
В этой снежной полуночи воздух пропитан тоскою,
А туман Петербурга вальсирует с невскою нимфой.

Падший Ангел

Я наделён судьбой любить.
Я это знаю от рожденья,
И всё же ритм сердцебиенья
Веками не могли разбить
Ни красота, ни преступления.
Но счастлив не был я. Смятеньем
Всегда пульсировал висок.
И вот, когда я изнемог,

Ко мне пришёл пресветлый Бог
И разрешил ступить на землю.

Так я покинул Райский Сад.
Грехопадений не бывает!
Себе мы сами выбираем
Сойти на землю или в ад...
Тогда – я поступился Раем.

Теперь я привыкал к земле,
Пытаясь сладить с притяженьем,
И с непривычным раздраженьем
Тебя не мог найти, в толпе
Шатаюсь до изнеможенья.

– «Quo vadis?» – кто-то восклицал,
А я не знал тому ответа...
Пытаясь мглу расцветить светом,
Я ночь от дня не отличал
И забывал про все Заветы.

И мой свинцовый дар не звал.
Он потешался надо мною,
Легко сравнив меня с землёю...
Укрытый ею, я лежал,
Так и не узнанный Тобою.

Бессонница

Ночь. Светотени на полу,
И что-то мрачное в углу
Таится,
Ему скрываться ни к чему,
Ему бы к свету и уму –
Бойтся.
Смотрю в квадратик потолка...
Цвет не меняется пока
Лилово-рыжий;
Полночный трепет облаков,
Лучи на латах у жуков

Сквозь стёкла брызжут
Сон ... луномаски на полу
И что-то старое в углу
Вздыхает,
Свои ли тайны рассказать
Или забиться под кровать,
Не знает.
Мысль... Не поймать... Пускай бежит...
Мне ночь со всех сторон про жизнь
Бормочет.
В углу таится чёрный зверь,
Но темнота скользит за дверь
В мир ночи...
Луч...Светоласки на полу...
Сон наползает поутру,
Мерцает...
Нырок в предутреннюю мглу.
А что-то мудрое в углу
Страдает
Лето.

Нынче солнце не редкость,
Уставшие люди от зноя
Забывают любовь, вспоминают ревность.
По шкафам запрятаны шубы,
Нафталин и лже-хвоя
Гуманных пластмассовых елей.
Пересыхают губы.
Мысли о релевантном покое
Источают под солнцем мирро
И медово – янтарный елей.
Вечера ждут даже сонные чёрные мухи.
Оживают неон и машины.
Приглушённые маревом звуки
Не режут настойчиво ухо.
Улицы
Снова покрыты снегом, мягким и тополиным.
Коричнивеют руки
И лица.
В бокале яркое солнце тонет.
Ночь-покровительница

Благословляет прохладой город.
Асфальт под колёсами стонет...
Вперёд, водитель!
Зной ушёл. Просыпается голод.
По электрической метке просто
Разгадать, где в квартирах
Расположены кухни.
Там мельтешат силуэты –
Чёрны и рослы.
Потом наползает Сон... Окна потухли.
Всё скрывается в чёрных дырах.
Цикады твердят свои мантры.
Да ещё еле слышно где-то
Мягко танго играют Звёзды.
Голосом Фрэнка Синатры
Им подпевает Небо.
Смотри! Так танцует Лето!

Так сжигают корабли...

Ну, здравствуй... Я пришла...
И что это изменит?
Всё прошлое увито чёрной лентой,
И на пути рыдает можжевельник,
Раскинув лапы в траурной, нелепой,
Безумной межсезонной распродаже
Моих воспоминаний о тебе...
А я уйду, не оглянувшись даже,
В закат, по невзрыхленной борозде.
Зачем тебе моё прикосновение,
Зачем тебе моя немая боль?
В гортани зародилось возражение,
Надуманному нашему прощенью...
Снимаю маску... Надоела роль.

Ты хлопнешь дверью, не со зла, конечно,
А чтоб телеграфировать обиду.
Я сяду на гранитном парапете,
Я знаю, что со мною будут вечно
Твои глаза, мелькнувшие за шторой,
Я их почувствую быстрее, чем замечу.
Но встану, отряхнусь, не подавая вида.
На станцию сверну, чтобы с разбега в скорый.
И дома у открытого пространства
Заподоконничной, чуть сизой атмосферы
Крошу куда-то вниз кусочек хлеба,
Следя за переменчивостью фона.
В который раз клянусь
своё непостоянство,
В который раз я призову слепую веру,
Что ты вот так же смотришь в это небо,
Что ты сжимаешь трубку телефона,
И сквозь секунды долетит ко мне твой голос ...

А солнце ухмылялось лишь сквозь облачную прорезь.

* * *

Не могу уложить я стихию в стандартный размер,
Не дается она – грозит молчаливой истерикой,
Существует повсюду, не терпит граней и мер,
Захвативши весь мир от Югры до Южной Америки.

Я, прильнув к батарее, которой жалко тепла,
Точно так же, как жалко тебе для меня даже взгляда,
Никому не признаюсь, что выгорела дотла...
Не признаюсь себе, что хочу быть с тобою рядом.

Снова белая ночь пустотой обнимает меня,
И последний всполох заката свалился на плечи.
А на небе – антенны с нок-реями без корабля
Чёрной трещиной вдрызг разрывают сегодняшний вечер.

СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА

Светлана Александровна Тюрморезова – постоянный автор нашего альманаха. Творческие интересы разнообразны: пишет стихи, рассказы, в последнее время все чаще выступает с критическими статьями. В четвертом номере альманаха «Сургут литературный» была опубликована литературно-критическая работа С. Тюрморезовой «От русской поэзии к отчету дому». Эта статья была перепечатана под другим названием в журнале «Литература в школе» (2008, №6). Светлана Тюрморезова стала лауреатом премии журнала «Литература в школе» за 2007 год.

КРЕПКИЙ СОН

Санька ехала в поезде и думала свою горькую, безрадостную думу. Перекатывала её в усталой голове, как корова жвачку. Вспоминала деда. Ей позвонили его соседи и сказали, что старику совсем плохо. Она приехала и прожила у него два месяца. Ухаживала за дедом, готовила, ходила в аптеку и за продуктами бабе Фросе и тётке Полине, соседкам деда по коммуналке. Летом он перенёс инсульт, и вот в осень сказались последствия болезни. Дед как-то разом ослабел, стал плохо соображать, забывать всё, перестал выходить из дома. Раньше дед не любил, когда Санька

много разговаривала, часто осаживал её, спрашивал, когда она трещала без умолку: «Санька, ответь, почему у человека один рот и два уха?» Санька не знала, что сказать в ответ, а дед отвечал сам: «Это потому, чтобы люди поменьше говорили и больше слушали». Потом, когда Санька, став взрослой, приезжала к нему в гости, он любил слушать её, сетовал, что она ничего не рассказывает ему о себе. Когда же он стал безразличен к её рассказам о своей жизни, тогда Санька вдруг поняла, что дед скоро умрёт. Потому что он всегда интересовался её делами. А тут впервые – такое равнодушие. За день перед смертью старик слёг. Позвал Саньку и сказал: «Ну вот, Санька, пора мне домой, ты уж сделай всё, как положено». Санька воспротивилась слову «домой», но по послушанию пригласила священника, который исповедовал и причастил деда. Исповедь по времени была короткой. Видно, мало было у деда грехов. На другой день он умер. Санька порылась в шкафу, достала похоронный узелок, который приготовила ещё живая бабка, чтобы деду не пришлось заботиться о своём последнем дне самому. Достала утюг, погладила рубашку, брюки, бельё, саван. Дед, лёжа в гробу, за одну ночь преобразился. Одутловатость, изменившая лицо деда во время болезни, исчезла, выражение лица стало таким умиротворённым, каким Санька его давно уже не видела. Сидя с соседками и Саввишной на стульях возле гроба, она глядела на бумажный венчик вокруг его лба, на закрытые глаза, которые уже никогда не взглянут на неё с теплотой и участием, на чуть улыбавшиеся ей губы деда, слушала псалмы с заупокойными молитвами на каждой «славе» и смирилась, успокоилась.

После похорон – поминки, поездки с тёткой Полей на кладбище, суета с документами, раздача по соседям оставшейся от деда одежды и продуктов из скопившихся за последний год ветеранских пайков. И вот теперь, закрыв комнату на ключ и отдав его соседкам с наказом поглядывать за комнатой, она возвращалась назад, в другой город. На работе ей предложили уволиться, так как она слишком долго отсутствовала. Родни больше у Саньки не было. Был ещё Виталий, но почти семилетние отношения с ним у Саньки разладились, когда она сообщила ему, что хочет усыновить Игорёшку из детского дома. Дело это было хлопотное, требующее много времени и сил. Кинуть ребёнка было легко, и спроса с кукушек у государства не было. А вот процесс усыновления был долгим и болезненным. Санька знала семьи, которым приходилось психологически тяжело проходить многочислен-

ные медицинские обследования, брать справки о несудимости, материальном положении, о жилищных условиях, обращаться в суд с заявлением об усыновлении ребёнка. Одиноким же вообще давали неохотно. Виталий выслушал Саньку, а потом пошутил: «Бери от жизни всё, но только для себя». На этом разговор и закончился. И сейчас она ехала к нему и не знала, на что надеяться. Но всё-таки ехала и на что-то надеялась.

Перед отъездом к ней забежала Саввишна, директор детского дома: «Может, останешься, нам повар нужен». Санька вспомнила детдом, воспитателей, ребятишек, маленького смешного Игорёшку, ходившего за ней по пятам, но прогнала эти мысли. Надо было ехать. «Не останусь», – сказала она. И поехала. Поезд где-то внизу, уныло и глухо, словно огромный одноногий старик, переваливавшийся с боку на бок, с ноги на протез, временами хронал, издавая свое монотонное «тук-тук», потом набирал скорость и, раскачиваясь, как пьяный по переулку, замедлял ход, останавливался на пустынных, безлюдных станциях. За окном была дорога с изредка проезжавшими по ней серыми грязными автомобилями, а за дорогой – зимнее, белое, мёртвое пространство, усеянное низкими перевернутыми вениками кустарников, перемежаемое высокими соснами и елями, плотно набитыми серым снегом; и казалось, от какой-то безысходности опустившими свои мохнатые бессильные лапы. У самого окна перед дорогой мелькали маленькие осинки в серых лохмотьях юбок старого снега и поднятыми вверх омертвелыми от холода ветками-ручками, похожие на детдомовских сироток, выбежавших из тепла и голосующих машинам на дорогах. Сквозь грязные разводы мутного, неумытого оконного стекла вагона весь мир казался тусклым, серым и неухоженным.

Санька ехала в поезде вторые сутки. В первую ночь пассажиры вагона, где она ехала, едва не помёрзли из-за проводника, который пил беспробудно всю дорогу и перестал топить вагон. Мужики, ехавшие в вагоне, терпели недолго и бабий крик по поводу пьяницы-проводника, и угрозы вызвать начальника вагона, и нестерпимый холод: оделись и пошли топить сами. Теперь в вагоне было жарко, и народ, разомлевший от духоты, разделся до исподнего. В вагоне ехали строители из Харькова, неопределенного вида женщины и мужчины, с огромными сумками и чухалами, нанятые в Харькове одной из многочисленных строительных фирм, ехали на север, строить жилые дома, оставив семьи и жильё, ехали на заработки.

Санька, сидя на боковом месте, смотрела прямо перед собой и всеми силами старалась не думать. Она знала, что если всё время читать про себя «Господи, помилуй», то мысли не успевают пролезть в то тесное межфразовое пространство, которое она сокращала до секунд. Но они упрямо и противно появлялись сразу тяжелым строем бесконечного предложения, и нельзя было разбить их железобетонный строй.

В вагоне играли в карты и нарды, читали газеты, говорили о политике и разгадывали кроссворды. Проводник крутил назойливую попсу, и музыка неотступно, нестерпимо вкручивалась в мозги, и хотелось встать и расколотить её надоевший источник. Хотелось есть. Но денег не было. Пока была у деда, все вышли, а Санька не любила одалживаться. Когда она садилась в поезд, промерзшая от вокзальных сквозняков и измученная долгим стоянием в зале ожидания, у неё было только 45 рублей: 35 – она оставляла на бельё, а 10 – чтобы доехать от вокзала домой на маршрутном автобусе.

Соседи ели. Доставали из сумок и пакетов домашнее: куриные яйца и сало, вареную курицу, вкусно пахнущую чесноком и лаврушкой, картошку, щедро политую подсолнечным маслом, огурчики, заботливо положенные жёнами мужьям-кормильцам с собой в дорогу, ещё какие-то соленья и маринады. Пассажиры сновали туда-сюда с лапшой, супами, стаканами с горячими чаем и кофе. Запах этой еды, человеческого пота и одежды, давно не стиранных подушек и одеял, влажный, затхлый запах разворачиваемого и застилаемого белья раздражал, мучил Саньку, и она закрывала глаза.

На большой станции весь вагон ринулся покупать копчёную рыбу, кедровые орехи, ягоду, запастись продуктами и семечками, постоять на морозном свежем воздухе, потолкаться по торговым рядам и киоскам, выстроенным вдоль железнодорожных путей на целый километр. Хлопали двери, холодный воздух врывался в вагон и неприятно холодил спину и ноги. Санька подоткнула тонкое клетчатое одеяло под влажный матрас, натянула на голову штампованную простыню и снова начала молиться. Но мысли путались и снова возвращались в прежнее русло. Она вспоминала похороны деда, его комнату, где на столе, сколько она себя помнила, стояли тяжёлые часы, подарок деду работников детского дома к юбилею. Над кроватью висел старенький ковёр. На полу – вытертые дорожки. В углу на деревянном двухъярусном иконостасе под стеклом икон – потемневшие лики в об-

рамлении восковых цветов. Санька помнила, что такие цветы из воска делала в деревне бабушка на продажу.

Уже неделю она пила лекарство, чтобы спать по ночам. Открывшаяся бессонница изнуряла и выматывала из неё оставшиеся силы, не давала покоя. Несколько ночей она лежала без сна, потом купила дономил в аптеке и стала, наконец, засыпать хоть так. Вот и сейчас она растворила в стакане с водой лекарство и мстительно подумала о том, что через 15–20 минут переставший слушаться её организм получит необходимую дозу, и она провалится в спасительный сон. Санька долго лежала с закрытыми глазами, пытаясь сосредоточиться и поймать то мгновение, когда начинаешь засыпать, но снова пропустила его, сознание отключилось в какой-то неуловимый момент мгновенно, и она проснулась уже утром с тяжёлой, больной головой.

Подъезжая к городу, она в оставшиеся полчаса переоделась, переобулась, сдала проводнице бельё, собрала сумку и стала ждать остановки поезда. Проводница открыла дверь, и Санька, взяв сумку, пошла к выходу. Подойдя к дверям вокзала, она вышла на ступеньки, огляделась и поняла, что её никто не встречает. Привычно вздохнув и поправив ремешок от сползающей сумки, вверх и вперёд привычным жестом (чтобы не украли сумку), она потихоньку пошла, не глядя на таксистов, предлагавших назойливо свои услуги, по скользкому утрамбованному, покрытому наледью снегу на маршрутный автобус. Людей в нём было совсем мало, и Санька долго ждала, пока он заполнится пассажирами и поедет по тёмным улицам. Она с напряжением всматривалась в обледеневшие окна и никак не могла понять, где ей выходить. Она боялась проехать свою остановку, потому что тогда ей пришлось бы идти назад пешком; последние 10 рублей, лежавшие в сумочке и отложенные на маршрутку, были отданы шофёру микроавтобуса. Она поразилась тому, с какой небрежностью, не глядя, он взял деньги и кинул перед собой на площадку у переднего стекла.

Наконец, она разглядела свою остановку, вышла и пошла под холодным, ледяным, напористым ветром к новой девятиэтажке. Тупо глядя перед собой, она старалась не думать о том, что ждёт её в этом доме. Но всё равно думала, потому что ей нужно было решить сейчас важный для неё вопрос: как жить дальше? Она подошла к подъезду, и где-то внутри неё всколыхнулось давно забытое чувство радости, оттого, что ей ответят по домо-

фону, откроется дверь, и она, наконец-то, сможет согреться, поест и отдохнуть.

В новой квартире Виталий встретил её отчуждённо-холодно, и молча стал куда-то собираться. «Проходи, – сказал он, одеваясь, – там, на кухне, поешь, если хочешь. Я – на почту». Он ушёл, а Санька, так долго ждавшая встречи с ним, бессильно опустилась на стул в прихожей. «Ну, вот и всё, – сказала она себе, – вот и всё». Надо было уходить, но она всё медлила, перебирая пуговички пальто. Потом всё-таки решилась: разделась, поставила свои стоптанные сапоги рядом с неизвестно откуда взявшимися женскими тапочками, аккуратно стоявшими на коврике в прихожей, прошла на кухню, открыла холодильник, вытащила кастрюлю с гречкой и сосисками, не разогревая еду, поела и застыла у окна, дожидаясь Виталия.

Мысли снова возвращались к деду. Вот они вдвоём в лесу. Он собирает дрова для бани, укладывая их в люльку старого мотоцикла. Санька вытаскивает из дырявого, проржавевшего ведра с верёвкой вместо ручки картошку, дед обещал запечь её в костре.

«Деревья в лесу, внучка, – говорил он, – как люди. Все разные. Глядишь: человек с виду белый да крепкий, а заглянешь внутрь: сор один, труха». Саньке было понятно, о чём говорил дед. Собирая в лесу ветки на костёр, она приносила на поляну целые деревья. На самом деле это была только кора берёзы, сохранившая форму ствола. В лесу со стороны кажется: дерево лежит. Подойдёшь поближе, поднимешь за один конец, встряхнёшь, а там одна сухая тёмная труха. Выбьешь её и несёшь пустой цилиндр коры к костру. Пока Санька таскала кору на растопку, дед носил из подлеска небольшие деревья. «Вот, Санька, – указывал он на молодую поросль перед ним, – кажется, крепко деревце стоит, а легко вытащить». «Смотри, – дед без усилия вытаскивал из земли деревца и продолжал, – почему легко? Корень сгнил, нет корня. Так и человек без роду, без племени. Ткни его легонько, он и повалится». Дед называл эти разговоры уважительным словом «беседа».

Вообще дед часто беседовал с ней. Порой Санька прибегала с улицы, плакала, жаловалась на соседских ребят. «Спроси с себя – и хватит с тебя», – отвечал ей дед. «Ох, и двоедушна ты, Санька», – говорил он, видя её желание выглядеть в глазах людей так, как хотелось бы им. «Ты гляди, какова ты в глазах Божьих». У самого же никогда не было страха осуждения. Ему было всё равно, что говорят о нём. Санька же криком исходила порой от обиды.

Дед смотрел, помалкивал. Потом вертел головой, вставал, снова садился: «Не плачь, Санька. Где там твоё средство связи? Ну-ка, прочитай акафист». Она доставала молитвослов, открывала акафист Божией матери, читала, а слёзы лились рекой. Дед смотрел на неё внимательным взглядом, вздыхал: «Невольник – не богомольник, а ну-ка, поставь тесто, что-то пирогов захотелось». Пока Санька месила тесто, колотя по нему изо всей силы руками, обида уходила, забывалась, слёзы высыхали, (дед знал, что посоветовать), и она лепила на противень пироги. «Эх, девка, девка, – повторял дед, глядя на неё, – с виду-то всё проросло, а в голове ещё не посажено».

Санька жила и училась в детском доме. Забрали её туда от матери, лишённой родительских прав, давно. Ей было тогда одиннадцать лет. Сколько помнит она свою жизнь там, дед всегда был рядом. Из-за неё он, чувствуя свою вину за дочь-пьяницу, и работал в детдоме дворником и сторожем. Оставив деревенский дом родне, жил в городской коммуналке на три семьи. Жильё ему предоставил тот же детдом. Когда наступали каникулы, он забирал девочку и увозил в деревню. После окончания школы встал вопрос о том, как ей устраиваться во взрослой жизни. Тогда-то дед и забрал её насовсем. «Пошли, – сказал ей он, – пожила на государственном пансионе, будешь жить на моём полном обеспечении».

Дед никогда не шпынял Саньку, не читал наставления. Опровергая все разговоры о том, что детдомовские всё умеют, Санька мало что умела по хозяйству. Дед глядел на Саньку глазами мученика, но помочь не пытался. Он знал эту нехитрую подростковую логику: чем хуже человек справляется с делами, тем больше поддержки получит. Поэтому он никогда не вмешивался в процесс уборки комнаты, стирки белья или готовки пищи, как не хотелось ему помочь внучке. И Саньке приходилось справляться самой. Понемногу она приняла на себя все домашние дела и стала хозяйничать.

В осень Саввишна увозила трёх детдомовских в округ, в училище, учиться на поваров. В их число попала и Санька. Дед, провожая внучку на станцию, смахнул слезу и остался один. Через три года она закончила учёбу, устроилась на работу в столовую училища, к деду не вернулась. Приезжала в отпуск. Виталий тогда работал охранником и жил в том же общежитии при училище. Там они и познакомились...

Виталий пришёл почти сразу. «Боится надолго оставлять», – подумала Санька. Раздеваясь, он аккуратно повесил в прихожей новенькую добротную куртку на плечики, расправил её, застегнул замок, не торопясь, прошёл на кухню.

– Как съездила?

– Нормально.

– Что дед?

– Похоронила.

– Деньги остались?

– Нет.

– А как дальше жить будешь? На какие вши?

– Проживу.

Говорить было не о чем. Санька встала:

– Ну, я пойду.

– Давай. Деньги будут – заходи.

Уже когда Санька была в дверях, напористо и деловито спросил:

– Ты хоть знаешь, сколько мне должна?

– Да.

– А с чего отдавать будешь?

– Отдам.

Виталий выглядел таким сытым и благополучным на фоне всех, свалившихся на Саньку бед, что ей стало страшно оттого, что ещё совсем недавно они понимали друг друга. К горлу подкапала тошнота, пробормотав слова прощания и собрав остаток сил, Санька открыла двери и вышла в подъезд. В животе у неё образовался какой-то тяжёлый, шерстяной ком, и она почувствовала, что не может идти дальше. На лестнице её чуть не вырвало. Согнувшись пополам, она отдышалась, медленно спустилась, толкнула плечом дверь подъезда и пошла по дороге. Она шла, а в её голове оглушительно хлопали двери, за которыми была пустота. Она срывалась и падала в эту пустоту, поднималась по каким-то серым, грязным, замусоренным лестницам, снова натываясь на двери, открывала их и снова падала вниз. Наконец, она увидела впереди ещё одну дверь. Открыла её из последних сил и оказалась на улице. Санька пришла в себя и побрела в общежитие. Чтобы сократить путь, она старалась вызвать в памяти хоть какие-нибудь воспоминания.

Санька вспомнила деревню, детство, когда самым вкусным лакомством был белый хлеб, политый подсолнечным маслом и густо посыпанный сахаром, а купание в большущей луже возле

рыбокомбината доставляло детишкам огромное наслаждение. Часто сидя с ребятами в саду за домом, под большой старой грушей, на кровати с железной сеткой она смотрела на улицу и ждала, когда можно будет бежать встречать с выгона коров и овец. Своей скотины у них с матерью не было.

Санька вспомнила всю их интернациональную улицу, на которой жили разные семьи. Слева через забор от них был двор Наны Арамовны, которая не раз защищала девочку от хворостины матери. Спасаясь от её гнева, Санька бежала через калитку в заборе к старой армянке, у которой не было детей, а был только один муж, весь седой и больной дед Володя. Он часто сидел на лавочке возле дома, а к вечеру, когда холодало, Нана Арамовна выносила мохнатый плед и укутывала его, как большого ребёнка. Баба Нана жила в старом колхозном доме. В маленькой, уютной её комнатке стояли швейная машинка фирмы «Зингер» и большой сундук с разными разностями. Она открывала этот сундук, доставала оттуда шёлковые лоскуты ткани удивительно яркой расцветки, кнопки, пуговицы, тесьму, ленты и шила Саньке обновки. Нана Арамовна обшивала нарядами не одну Саньку. Она была хорошей портнихой, но почему-то шила только на детей, и никто не помнил, чтобы она взяла хоть раз за свой труд деньги. Целыми днями маленькие заказчицы и заказчики сидели у неё в комнате на стареньком, продавленном диванчике и, вывернув наизнанку только что сшитые вещи, обмётывали швы. Баба Нана неукоснительно придерживалась правила, что все швы кофточек, юбочек и платьев должны быть обмётаны самими хозяевами новых вещей. Вся уличная детвора ходила в одежде, сшитой ею.

Справа от Санькиного дома жил Салман, чеченец с острым орлиным носом, похожим на клюв какой-то хищной птицы, которого все боялись за его хмурый, угрюмый вид. Его жена Касима была молчаливой и носила под платьем штаны. У них было много скотины и большой гурт овец. К ним часто приезжали бородатые мужчины, и тогда она бегала в магазин за продуктами и на колодец за водой. И одноногий, всегда в меру пьяный дед Степан, по прозвищу Стёпка-философ, живший от них через двор, хромя и покачиваясь, (вместо левой ноги у него был протез с войны), брал у неё тяжелые сумки или вёдра и нёс их по переулку до дома Салмана. Дед Степан жил один, выпивал, был плохо одет. Работал он в клубе сторожем, а когда-то был киномехаником. По вечерам ребята бегали к нему в клуб, где он облюбовал себе место в старой киноаппаратной, и он рассказывал им, как в де-

ревню привозили по случаю выборов бесплатные кинофильмы, и пересказывал их содержание. Рассказы были живописными. У него была замечательная память. «И вот сидит Тося за столом, в руках огромный батон, – рассказывал он содержание фильма «Девчата», – а сверху полбанки вишнёвого варенья». Санька сразу представляла себе красавицу и модницу Тосю, вкусный батон с вишнёвым вареньем, и, глотая слюнки, переживала за главную героиню фильма. День за днём дед пересказывал им «Восемнадцатый год», «Стряпуху», «Сестер» и другие фильмы, которые он помнил. Санька любила слушать деда Степана. Она спросила его как-то, отчего он так плохо одет, он что, бедный? Дед Степан помолчал, а потом ответил ей: «Бедность, Санька, – это состояние ума, а я умный».

Касима часто поджидала голодную Саньку и совала ей через забор горячие лепёшки, которые назывались чепалгаш. «Не спорь, Санька, с матерью, – говорила она девочке, – скажет на солёные помидоры, что они свежие, соглашайся. Она твоя мать. Родителей уважать надо». Как бы в ответ на её слова с песней из дома выходила мать Саньки: «Мне бы дьявола-коня да плёточку заветную, и тогда искать меня в поле не советую», – горланила она на весь двор. У забора появлялся Салман. Обе женщины разом исчезали.

Салмана Санькина мать боялась. А он постоянно, примерно раз в месяц, когда резал скотину, подходил к забору и гортанно звал её. Мать цеплялась за Санькину руку, говоря: «Ох, дьявол косоглазый, как я его боюсь». А он, размахнувшись, кидал ей через забор кусок бараньего мяса и грозил: «Пить будешь – зарэжу ночью, как собаку». Когда он отходил от забора, Санька с матерью брали мясо и шли готовить еду.

Напротив, через дорогу, жила семья азербайджанцев Мурсалиевых. Дядю Омара вся детвора улицы звала папа Комар. Особенно ждали день его получки. В этот день малышня отслеживала весь путь папы Комара от старого сельсовета до дома. По дороге домой он заходил в магазин и выходил оттуда с большим кульком, в котором лежали конфеты и орехи. Идя по улице, он угощал всех ребятишек гостинцами.

Однажды, когда наступила осень, Саньку увезли в город. Тогда и приехал к ней дед. Поговорил с девочкой и остался в детском доме. Так у Саньки появилась рядом родная душа...

В общежитии никого из её соседок не оказалось, и Санька обрадовалась, что сможет побыть одна. Она постояла, присло-

нившись к притолоке дверей, отогреваясь в тепле комнаты. «Что ж я стою на одном месте», – подумала, спохватившись, она. «Там, где ты стоишь, Санька, там и поле Куликово», – вспомнила она слова деда. «Ну, воевать завтра будем, а сейчас отдыхать. Утро вечера мудренее», – решила она.

Ночью ей приснился дед. В чистой, белой, выглаженной рубашке, в новёхоньких похоронных брюках он сидел на скамейке веранды детдома в окружении малышей и держал за руку двухлетнего Игорёшку. Мальчик смотрел на Саньку заплаканными глазами, а рядом стоял Салман и говорил: «Пить будешь – зарэжу».

Утром Санька сдала комнату комендантше, получила на работе расчётные, сходила на вокзал, купила билет и поехала назад. Поехала туда, где были могилка деда, коммуналка с бабой Фросей и тёткой Полиной, и в интернате её ждали Саввишна и Игорёшка...

В поезде Санька крепко уснула и проспала всю дорогу.

МАЙЯ РАХИМОВА

Рахимова Майя Вильевна родилась в селе Летняя Ставка, затем в раннем детстве с родителями переехала в г.Сургут. Закончила ГИТИС (РАТИ) с красным дипломом, училась у театрального педагога, режиссера Б.Г. Голубовского. Работала в Сургутском музыкально-драматическом театре, преподавала театральные дисциплины в детской театральной студии при ДИ «Нефтяник». Лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады – эстрадный вокал. Снялась в эпизодической роли в сериале «Тайный знак». Стала лауреатом международного фестиваля любительских театров мира в Монако (спектакль «Безлепица»). Работает в Сургутском государственном педагогическом университете на кафедре философии и культурологии, аспирант кафедры эстетики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009).

РАДУГА ЧУВСТВА

Я в красном платье стою
Одна на перекрёстке...
Всё больно!
Ангелов молю:
“Посыпьте на главу мою
Прощенья блёстки!”

Как мне простить себе самой ошибки встречи роковой...
Прошу Вас: «Научите!»
Я всё хочу начать сначала,
Увидеть радугу и лес,
Из пепла, из огня и ада –
Воскреснуть – и –
Найти...

Трепещут ставни...
волнуют лица...
Сегодня я мечтаю... – вновь
Небесной птахой обратиться и
Обрести свою любовь...

Шепну подругам – берёзкам милым:
«Прошу оставьте мне в изобилии
мои надежды, мои скитания, мои –
на встречу с Ним ожидания!»
Подруги милые, подруги верные,
Услышите стон мой:
«Я не отвергнута! Ещё не найдена!
Ещё не поймана!
У ставень трепетно жду колокольного
Почти набатного – сердцу заветного –
Звона Любовного,
Зова ответного...»

И в красном платье стою
Одна –
На перекрёстке,
И тихо на небо смотрю,
Когда же на главу мою... посыпятся
Прощенья блёстки...?

За спиною моей – никого,
Никого, кроме Господа Бога!
Впереди меня – ничего,
Только верная сердцу дорога.

А по правую руку – перо,
Чтобы мысль обращалась в птицу,
В левой – меч,
Чтоб врагам назло
Я умела и левой биться!

Не смотри в мои глаза –
В них сегодня много боли...
Не смотри в мои глаза –
В них сегодня нет ответа...
День пройдет – наступит завтра –
Ты уедешь...
День пройдет – наступит завтра –
Я останусь...
Где-то будет плакать птица –
Я услышу...
Где-то будет плакать ветер...
Я с ним вместе...

Влюбленная стрела

Влюбленная в Амура, стрела летела хмуро,
Стрела летела хмуро, мечтая не попасть.

«Ах, если б промахнуться, и девой обернуться,
Тогда смогла б Амуром я налюбоваться всласть.

А может развернуться, в колчан родной вернуться?
Иль просто в ноги к милому беспомощной упасть?

Пусть он меня поднимет, прижмет и приголубит!
А я любовь безумную в душе его зажгу...

Ах, голова кружится от счастья безмерного,
Боюсь, что я от радости вот-вот сейчас умру».

Стрела пронзила Сердце, и истекая кровью,
Успела лишь три слова в истоме прошептать:

«Люблю...и ...умираю...»

.....
И я себе желаю –

Всегда в любви к мужчине в полете умирать.

Холмы и долины,
Вулканы и впадины!..
А это всего лишь –
Ладони вмятины.

А это всего лишь
Волшебная кожа,
Которая странно
На Космос похожа...

(Особенно после принятия ванны –
– не правда ли, странно?!)

Мое Небо не пахнет птицей,
Мое Небо водой струится.
На макушку, на самое темечко,
Где покоится Божье Семечко...

Мое Солнце не знает пахаря,
Мое Солнце сильнее знахаря...
Неустанно дрожит над темечком,
Над подаренным Богом Семечком.

Мои Ветры не верят Бремени,
Мои Ветры – посланцы Времени –
Учат Радости Божье Семечко,
Что живет на макушке, в темечке....

Мое Сердце – оно огромное,
Неприкаянное, бездонное –
Одарило Любовью темечко,
Чтобы пело Душою Семечко.

Я умру. И я воскресну –
Сон во сне меня разбудит.
Я увижу Мать Небесну.
Бездна – комнатой мне будет.
Вечность – кошкой изогнется,
Вкруг меня клубком свернется,
Чудо – лоном обернется,
И, родив меня опять,
Неожиданно взорвётся,
Чтоб других в себя принять.

Я о Белой Богине с опаской пишу –
 Не поэт я – всего лишь Женщина.
 Она – Вечность! Я – вздох...
 Мимо чаши её проскользнуть захочу –
 А уйду навсегда «раскрещенной»!...

... ... Я к Воде прикоснусь,
 Что в колодце живет у Богини –
 и времени старше...
 Я забуду себя...
 стороною пройдет
 Ненасытная жадность «Упавших»...

И тогда –
 В глубине потаённо-запретной Воды
 Я «увиджу» Леса...
 И родных...
 Мы Узнаем друг друга,
 И я запою
 Сквозьвременную песню о них!

Мы обнимемся!
 Кони сорвутся вперед –
 Сколько нужно ещё повидать!
 Сколько спеть!
 Сколько в мыслях своих сохранить –
 Перед тем, как «Края» покидать...

Дом родной!
 И родные Мои,
 Я люблю,
 Я Вас помню, и жду нашей Встречи,
 Потому и к колодцу Богини хожу
 Каждый День...
 Каждый Вечер...

Он сказал: «Спасутся единицы!
Остальные, как солома, погорят!»
Вот Ты и представь: пред Ним, без репетиций,
Сам себе и прокурор, и адвокат...

Он не заключит с тобою Сделки,
Притворяться,... тоже смысла нет...
Вот Ты и представь – слетит «побелка»,
И в два счета Ты – по-настоящему раздет.

Ни друзья, ни связи не помогут.
Ты – наедине с самим собой.
Вот и призадумайся немного,
Нужен ли Тебе души «покой»?..

О, поэтический,
– бессмертный зуд!
Слова, что просятся наружу,
Как скоро я вас обнаружу?
И что слова мне эти принесут?

Нелепыми штрихами – рвано –
Мысль на бумагу... – словно –
В саван.
Но, по веленью моему,
Строка к строке примкнет,
И снова,
Задуманное небом – Слово
Увидит мира красоту.

Его прочтет не Поколение, а
Сотни Поколений!
Так...
Поэт готовит Возвращенье
Нетленного Поэта!
Так...
Свершается закон Вселенной:

Что наверху, то и внизу!
О, дар
Поэтом быть!
Отчаянно и вдохновенно
Тебя в душе своей я факелом несусь.

Бог – дал,
Бог – взял
Вот в чем весь смысл.

Так есть.
Там – здесь.
Аз – есмь – лишь мысль.
У Врат
Звезд ряд...
Ты сам простишь
Боль – гнев,
Духа – плен да о-щудишь.
Но Дух
Не тлен,
Как Вечность
Нов,
И ты лишь Там,
Лишь только Там –
Освободишься от оков.

Ученикам...

...Меж трупами Они бродили
Тропами – страшными и странными,
Долго...
Так – как назначено! И по велению внутреннего Долга.

Спасали – Успокаивали – Плакали,
Не зная как еще помочь; Знаками
Дарили силы и свободы всякому –
Не погребенному еще под плато Мрака.,
И...

Смиренно ждали Участи Великой, –
Дарованной – Непознанным Владыкой!

Такой отчаянной тоски
Не ведала еще Планета,
Глухим свинцом на дне реки
Покоится любовь...

Запета
тысячью молитв,
До дыр мечтаньями затерта, –
Она теперь одна,
За бортом, –
Ей храм – не сердце, но гранит.

Там, в глубине подводной дали,
От мути сумрачных песков,
Любовь не ведает печали,
Не помнит боли и страданий –
Не откликается на зов.

Не ищет больше утешенья
В объятьях нежных теплых рук,
Ей больно все!
И Памяти любое воскрешенье
Доносит сердца погребальный стук.

Открыт финал у этих страшных строчек,
Так верить хочется, что засияет вновь
Не знающая запятых и многоточий
Великая и нужная –
Любовь!

ЗИНАИДА БОГДАНОВА

Зинаида Васильевна Богданова родилась в пос. Ульбастрой Восточно-Казахстанской области. В 1953 году окончила Усть-Каменогорский кооперативный техникум. Долгое время работала в Казахстане, в Киргизии. В 1978 году – на Уренгойской трассе. Затем – в качестве инженера отдела капитального строительства в РЭУ «Тюменьэнерго» – трудилась на строительстве жилого микрорайона «Энергетик» в г. Сургуте. Здесь и живет с 1980 года. Произведения З.В. Богдановой публиковались в «Литературной России», в альманахах «Эринтур» и «Сургут литературный». **23 мая 2009 года Зинаида Васильевна Богданова отмечает свой семидесятилетний юбилей. Редколлегия альманаха «Сургут литературный» сердечно поздравляет нашего постоянного автора. Желаем Вам, дорогая Зинаида Васильевна, доброго здоровья, долгих лет жизни и творческих успехов.**

ЧЕЧЕНЕЦ

Часть вторая

Узкая грунтовая дорога, слабо высвеченная фарами, то и дело ускользает в густую темень дремлющих трав. Иногда кажется, мы сбиваемся с пути и едем куда-то далеко от подмигивающих огней Джеломбета; я нетерпеливо дёргаю за рукав шофёра:

– Сауткин, ты не спишь?

– А чё, машину-то ты ведёшь?

– О-о... А это что там? Заря что ли среди ночи разгорается? А? Не степь ли горит? А то ведь приедем...

– Где-е? А-а-а....То щас глаз золотой из-за закрайки небесной выскользит, подглядывать зачнёт, что без его ведомо на Земле творится?

– И что? – стараюсь всё-таки разговорить шофёра, дабы не задремал.

– А это Сауткин невесту незнамо кому доставляет.

– Да иди ты! Где-то, небось, степь полыхает, – настаиваю, уцепившись за поручень в кабине, приподнимаюсь, как будто что-то можно разглядеть вдали.

Осыпая нежной позолотой притаившуюся во тьме землю, всплыла дородная луна.

– Вот-те и улочка при луне... Теперчи твоя будет, и дом, што поперёк ей – твой. А хозяин-то дрыхнет, однако, и не чует, что невеста уж на пороге. – Сауткин на секунды выпустил из рук баранку, хлопнул в ладоши и, потирая их, метнул радостно-хитроватый взгляд.

– Ща-ас скину тя с рук на руки жениху и развяжу свои руки! И айда – домой!

– Не радуйся, Сауткин... Жених меня, сам знаешь, сроду никогда не видел... Так что погоди орать «гоп!» пока не перепрыгнул.

Дом ещё издали показался мне не просто погруженным в полуночный сон, а пустым, каким-то пустоглазым, с оконцем, будто затянутым серым бельмом, короткими занавесочками. Отодвинув по-хозяйски пролёт мелкого штакетника, едва обозначавшего грань двора, водитель подогнал машину ближе к низеньким сараюшкам и с силой захлопнул дверцу кабины, наверняка рассчитывая разбудить хозяина, но только испугал

собачонку, покоившуюся на крыльце. Взвизгнув, роняя на бегу писклявых щенков, отваливающихся от натянутых сосков, коротконогая скрылась за углом дома.

– Во-оо, примета добра! Это ж, знать, каждая собака хозяйку заботится. Да и то в примету – не бесплодна будешь.

– Сауткин, ты что разошелся-то опять? – неловкая робость запеленала меня – шага сделать не могу. Вспомнилось, – кстати ли?: всё чуждо мне в подлунном мире, – то ли в царстве... то ли... Да, соображаю плохо.

– Ох-х! Едрить твою мамку! А? Дверь на замке! Ах, ты ж...

– И ночь глубокая. К соседям-то неловко стучать, спрашивать...

– Спрашивать?! Едрить твою! Вчерась председатель при мне с ём договаривался через рудничного хозяина... То ли заблуждал иде? Мужик оно и есть мужик; спросу-то с ево.

Ворча под нос, Сауткин сгрёб охапку сухой травы с курятника, побеспокоив кур чуть не до крику, и, раструсив душистую по широкому крыльцу из толстенных плах с густой теменью под ними, застелил поверх вонючей кошмой, пожизненно валявшейся в кузове.

– Торба писаная! – ложись рядом... Тока не с краю, не с краю! Ко двери. Ишо упрут! Век буду в ответе! Сдохну вить!

– Я так и хотела, – улеглась, дрожа всем телом.

– Хоте-е-ла она... Хотела она. Спи! Заря уж вона намечается.

По горячему, уже от высокого солнца, утру соседка из другой половины дома, пришедшая покормить собак, обнаружив спящих на крыльце «молодых», поведала:

– Ждал, ждал гостей-то Андреич, сокрушался шибко. В Киров он уехал. Со старшим братом штой-то приключилось, не-то как бы не помёрли... Ой, не введите ж во грех! Чой-то сурьёзное... Не раньше двух недель будет; на хозяйстве меня оставил.

– Вот-те, едрить твою мамку, жизнь! Не знашь, кому и хуже. В како время-то уехал?

– Да в одиннадцатом по вечеру...

– Тьфу-ты! Разъехались... Я грунтовой ехал, вот и разминулись.

– Отвези-ка ты меня, Сауткин, на станцию – все тебе дела! Ты домой, и я домой. Кто теперь-то что спросит?

– Ду-у-ра! Зала-дила! Нет браку – нет диплому! И книжки трудовой нет! Засудят и засадят! И тебя, и меня! И других. А-а-а... Да-иди-ты! Бестолочь!

Пожалковал-пожалковал шофёр, что не скинул невесту жениху с рук на руки; проспал ещё пару часов. Накормленные доброй соседкой свеженьким борщечком с густой сметанкой, мы отправились в обратный путь в полном безутешном молчании.

Ночью, полуживая, явилась в свой постылый барак.

– Пешей шла? Машина сломалась? – допрашивает «политическая» бабуля.

– Не-е-т, – с досадой отмахнулась я, рыдая, повалилась в её кровать.

– Нельзя – не говори... Молочка попьёшь? – одарила лукаво-пытливым взглядом. Прикрывая за собой дверь, безобидно-звучно прихлопнула по ней ладонью, будто боялась, что значимый её взгляд вылетит, как бесполезный, за ней следом. Но он остался со мной на всю ночь, прибавляя горечи к безысходности, пережитой за последние сутки.

На работу явилась с опозданием, проспала.

– Ты где была? – прошипела Анна, не отрываясь от счётных костяшек. – Худо было? Почему меня не разбудила?! Аббас сказал, тебя ночью в райбольницу увезли...

– Откуда ему знать-то? – зашипела и я. – Под порогом спал, что ли?

– Девчата, девчата, утром в район с балансом ехать, – заметила старшая.

Поздним вечером после работы горбоносый, как под конвоем, сопровождал к бараку, ядовито высмеивая.

– Чё тыбэ бистри роди били, да?

– Переживаешь за меня? За меня есть кому переживать. Забыл? – И радостно мне, что никто даже не подозревает о моём неудавшемся побеге; пожалуй, сразу и не хватятся – если повторить. – И я улыбаюсь сквозь горечь.

– А-а-а...Тыбэ хорошо биль, да? Бистро поправили тыбэ. Эщ-що хотели? Да? Давай я тыбэ...

А мы уже у барака. Бабуля, поджидавшая меня у входа, подслеповато-слёзно жмурясь, грубо толкнув в спину, загнала меня в коридорную темень, преградив чеченцу дорогу.

– Чё-ты?! Чё-ты мынэ, а? – Выдав наглую физиономию, чеченец драчливо растопырил пальцы. – Дэвичка гулат хочет! Каки тыбэ дэли?!

– Мотай отсюдова! Иди к своим девочкам!

И так, или почти так, каждый Божий день. Тоска. Хочу к родным, в родной город. Наверное, Иванушка мой – там.

Вот и опять прошла ещё одна тягостная неделя. Общение в бухгалтерии – через «не могу». Начальство, слава Богу! – просто не замечает. Анна все вечера проводит в компании бабулиного внука Эдика. Абубакар теперь в мою сторону даже не смотрит; прошмыгнёт от дверей конторы к дверям пекарни, как старый мудрый тушканчик от норы в нору, – и был таков!

Сегодня воскресенье. Раннее утро, тёплое ласковое, какое-то тихо-радостное... Побрякивая крышкой пустого, почти ведёрного бидона, выхожу на едва заметную тропу, продираясь сквозь путаницу ковылей с ещё не огрубевшим молодым подшёрстком, попадаю в заросли берёз на подъёме к огромным валунам степного кургана. И чем дальше ухожу от жилья, тем сильнее страх, навязчивее – крадётся ведь кто-то за мной ... Тревожно озираясь, поднимаюсь по валуну, по его мелким выбоинкам-ступенькам. И вот она! – прозрачная дождевая вода, скопившаяся в огромных каменных углублениях-чашах, греется на солнце, нежась и искрясь живой мелкой рябью. Эта вода – спасение для жителей поселения. От обычной солончаковой воды при мытье головы волосы скатываются в кошму, ломаются, покрываются липким серым налётом – не расчесать! Испытавшая однажды подобное, – по незнанию, теперь хожу к тебе за водицей – Величавый курган! Единственное место в степи, радующее сердце и душу.

Присела на удобный тёплый выступ, подумывая, а почему бы прямо здесь не накупаться, бидончик воды хозяйке принести – рада будет. Неспешно расплетаю косы. Их шаловливо подхватывает ветерок. Путаюсь в длиннющих волосах, опасливо озираясь, медленно раздеваюсь. Испытывая лёгкий озноб, с замиранием сердца, я как будто сама растворяюсь в природе. Угнетавшиеся во влажных расщелинах берёзы перешептываются густой сочной листвой, небось осуждают мою девственную наготу. Ну и пусть! Ох-ты-ы... Птахи, которых, вообще-то, сколько здесь живу – не видела иль не замечала, суетливо ходят по-над водой. И ти-ши-на-а... И всё-таки, тревожно – не подглядывают ли кто за мной?... Спускаюсь в воду: миг! – соскальзываю в обманчивую ледяную глыбь, оглушая себя и мир пронзительным визгом. Беспорядочно хлопаю ладонями по воде, не видя из-за брызг ничего, опускаюсь и не достаю дно ногами: страх сковывает, судороги подтягивают колени к самому подбородку. Ещё соображаю, но не в силах сопротивляться, медленно то опускаюсь, то поднимаюсь к поверхности, я чувствую её. Вокруг всплывают волосы, отвратно-колюще заливается в нос и рот вода, вытесняя

воздух, он гулко пузырится надо мной – задыхаюсь; дёрнулась, поплыла куда-то в сторону... Всё... Всё...

– А-а-и-и-и, вай-ва-а-и-и...Пи-лю-юй вады-ччку... Пи-и-люй! Бистра-а-а...

– А-а-гы-ы-ы...

– Да-вай, да-ва-ай! Таки да-ва-ай, ду-ши мо-и хороши...

– А-а-гы-ы... – до боли отвратно раздвигается горло, колет в носу, судорожно-тяжело подтягивается живот.

Лёжа поперёк полусогнутых абубакаровых длинных ног, приходя в себя, слабо киваю головой – мол, хватит, я уже всё понимаю. Смертельно уставшая, бочком скатываюсь с его ног.

– Какы тыбэ, дэвычка мои, а? – заглядывает старик в глаза, бережно повернув к себе виноватое моё лицо, плотно зажатое в жилистых руках.

– Испугалась я, Абубакар, – просипела с трудом, – ты шел за мной? Ты следил?

– Малчи-и, малчи, дэвычки мои. Отдыхны давай... Тыбэ одын болше не ходы; Анычка просы. Тыбэ нелза хадыт, крассый. Нелза! – сострадая и выговариваясь, Абубакар вытянулся во весь рост на покато буром камне, сложив сплетённые руки на лицо, прикрыл глаза от яркого солнца. Из-под него с мокрой одежды тоненькими струйками, испаряясь, текла вода... Я сижу рядом. Заботливо накинутая стариком тонкая великоразмерная хэбэшная кофточка, прилипнув к телу, смокла, нескромно обозначив грудь. От лёгкого дуновения, уже горячего степного ветра, взлетают сухие растрепанные волосы, опугывают, щекочут лицо. И ти-ши-на-а. По-прежнему искрится вода, будто какое-то время назад я вовсе не тонула; только вот тошнотворный страх то выкатывается, то снова вползает в беспокойный желудок. Я безотчётно, почему-то даже не приподнимаясь, двигаюсь по шершавому валуну к воде. И вдруг – не могу. Зацепилась что ли?

– Сы-ды. Нелза тыбэ водычка, – переворачивается мой спаситель на живот, не выпуская из руки мои волосы.

– Не пойду, Абубакар. Теперь не пойду, хороший мой, – не успела договорить и что хотела сказать – забыла! Пустой бидон, поставленный на неровную поверхность, от налетевшего ветра упал; крышка с дребезжащим звоном, подпрыгивая на выбоинках, покатила и, как бы боясь попасть в воду, задержалась на самом краешке. Бидон же, грохоча по спуску, плюхнулся в воду, и, покачиваясь, поплыл, подгоняемый ветром, скрылся в солнечных бликах. Абубакар подскочил, в момент сгрёб меня в охапку;

бормоча по-чеченски, беглым взглядом выискивал кого-то вокруг. Поняв, что гремел всего лишь бидон, – успокоился, молча приложился к моей груди.

– Да отпусти ты меня!

Чуть отклонившись от него, как-то опасливо дотронулась ладонью до давящей головы, сама не понимая своего намерения – погладить или оттолкнуть; старик этого не заметил.

– О-ё-й, ва-а-ай, – страдальчески улыбаясь, бережно выпустил из рук, похлопывая по камню, предложил присесть, снова лёг рядом, подставляя солнцу всё ещё мокрую одежду. Но едва блаженно растянувшись, вскочил на четвереньки и, словно приносящаяся-прислушиваясь, высоко поднял бородатую голову. Мгновение – и я у него уже под мышкой, благо – во мне было веса всего сорок восемь килограммов. Он суетно схватил тапочки, на бегу – юбку, скрученную ветром, прибившуюся к чахламу кустарнику среди почти сплошных камней; упругий рывок чеченца – и мы уже в густом березняке! Ничего не понимая, задыхаясь от страха. Абубакар будто забыл опустить меня на землю, сунув в мои руки подобранные на бегу вещи; прислушивался, присматривался осторожно отодвигая свободной рукой ветки.

– Отпусти! Что ты со мной, как кот с мышкой!

– Ты-ы-хо...

– Да иди ты! Разыгрался, как...

– Ты-хо, ты-хо...

Сквозь скороговорку возмущённой ветром листвы послышались обрывки громкой, но не ясной речи. На валуны по тропе с противоположной стороны одна за другой в свободных одеждах со взлетающими светлыми шарфами поднимались молоденькие чеченушки. Звонко гремя опускаемыми с плеч на плоский камень металлическими сосудами, смеялись не по-девичьи грубыми голосами, перекрикивая друг друга. Абубакар, плотно прижимая меня к себе, глазами указывая наверх, вдруг прилип к щеке губами – надолго замер. Я вспыхнула. Ужас подсознательного бесстыдства жаром плеснул в лицо, я представила, что издалека за мной наблюдают мои родители.

– А-и-и-и, дэвичка-а-а мо-и-и, го-ра-чи-и мо-и-и...

– Абубакар, Абубакар, – отталкивая, повторяла я, пытаюсь сообразить, как вырваться из тесных объятий старика, в какой стороне бараки-то? Куда бежать?

Чеченец сам оттолкнул меня...

– Бэ-гы-ы! Здэс бэгы бараку! Бистра-а-а!

– Спасибо, Абубакар! – бросила на бегу, угадывая просвет в берёзах, мечась меж ними, цепляясь за тонкое белостволие, обдирая руки...

Высоко поднимая колени, до крови разрезая травами ноги, размахивая тяжелыми, всё ещё сырыми башмаками, вырвалась в степь! Отбежав довольно далеко, обернулась. Старик, сидя, утупал в ковылях; как хищник, зорко следил за мной, как за только что упущенной добычей. Всё! Больше не могу! Измотанная присела, заплакала, уронив голову на дрожащие окровавленные колени. Рыдая, распутывая свалевшиеся волосы, приподнялась ещё раз взглянуть, где же Абубакар? А он сидел всё на том же месте... Но теперь мне кажется – он поёт... Я чувствую, я улавливаю, как плывёт над степью тоска, тоска горца, раненного в сердце женщиной, – и, может быть, в последний раз в жизни; поёт по-своему о душевной боли, о любви. Ой! От такой любви, пожалуй, дети могут быть! – не искушённая в подлинности подобных дел, содрогнулась, – нет уж, Абубакар! У меня Ваня есть, ему и дары мои! Тебе же сердечное спасибо моё... Если бы я утонула, люди бы не стали приходить сюда за водой... Спасибо тебе...

А на работе дела плохи. Отчётность запущена, главбуха вообще нет, сплошной завал. Откуда-то прислали в качестве главного немца Цейса. Маленький, щупленький, постоянно красноглазый, как с похмелья, он работал от темна до темна, спал в конторе на своём рабочем столе. Оказывается, восстанавливая огромные пробелы в отчётности, он зарабатывал свободу. Всё-таки работать без сколько-нибудь нормальных условий, наверное, лучше, чем отсидка в тюрьме. За что? – не рассказывал никому. Едва появилась в конторе, Цейс демонстративно перевернул полный ящик с документами за прошлые месяцы на стол передо мной:

– Разбирайся! Зарабатывай диплом!

– Они, небось, раньше меня родились... Что я с ними делать буду? – растерялась от столь неожиданного поступка главного.

– Тебя учили, меня – нет! Думай!

А за окном, под козырьком длиннопалых ладоней, придавив добела к стеклу длиннющий нос, выкатив наглые глаза, всматривался молодой чеченец.

– Ма-а-моч-ки...

Приподнялась и снова бухнулась на стол закрыв лицо руками.

– Что за дела – работа!? Женихи одолевают, глаз не спускают, – шипел Цейс, осторожно отводя взгляд от окна.

Однажды все заметили, день к вечеру – чеченцев нет, а они тут как тут!

Объявились вместе с турком Фердусом. Стоя перед окном, стали изображать, что меня ожидает... Цейс, ругаясь полушёпотом, ворчал, что беды не миновать, что из-за меня он никогда теперь не выберется отсюда, что его найдут крайним и что вовек ему не видать своей семьи, до которой осталось-то рукой подать! Мне стало совсем плохо. Пытаясь положить часть документов в шкаф, упала в него лицом; кружилась голова, сильно тошнило.

Раньше чеченцы в контору не заходили, а тут вдруг Яхья явился. Поставил на стол передо мною новенькие чёрные, начищенные до блеска тапочки, больше похожие на туфельки – вызверился:

– Тыбэ эты, обувай! Ну! Я самы шыли.

– Зачем? Я не просила, – не спуская глаз с горбоносого, достаю из столешницы рубли и, пододвигая их к краю стола, просипела:

– Больше нету.

– И-иххы! – зло дёрнул головой Яхья, схватил мои рубли, швырнул в лицо, задыхаясь понёс околесицу:

– Уныжайш!? Уныжайш!? Нэ подходят? Даа!? Кыто тыбэ хороши дэлит!? А? Убию! Только допусты кыто! Убию! – и, прохрипев что-то по чеченски, схватил и вышвырнул тапочки в коридор, спугнув любопытных чеченят, подкрававшихся к дверному проёму. – У Анкы будэшь ночеват. – Ушел.

Цейс, вытерев пот со лба, отправился в пекарню отпаиваться квасом, – тайно получить успокоительный совет-поддержку Абубакара.

Ночь прожила в сдвинутых главбухом шкафах с убранными фанерными перегородками, зарывшись в папки, душно пахнущими клейстером. Мертвенно слабый лунный свет, едва пробившись в неплотно прикрытые створки шкафа, медленно куда-то уплывал. На старом, чуть поскрипывающем длинном столе с протёртым зелёным сукном, что днём скрывалось под бумагами, всю ночь, вздыхая, ворочался несчастный главбух; мне казалось – он плакал. Сопrotивляясь сну, я где-то там далеко-далеко цеплялась за догадку – откуда Яхья прознал, что мне край как нужна летняя обувь? Я ведь только маме писала... Он читал? Значит, письма до родных опять не доходят. Надо с завклубом отправлять их в районную почту. Явь и сон путаются: «Абубакар, у тебя

сердце болит? Да? У меня тоже». Я ловлю его взгляд, не поймав, вздрагиваю, просыпаюсь.

Немец уже сидит за столом и как ни в чём не бывало работает. Мало-мало пригладив волосы, сажусь за работу и я.

– Сходи домой, умойся. Иди, говорю – пока женихи спозанку не объявились.

Бегу в барак.

– Да, тут он у неё был! Сама видела.

– А-ну! Смотри хорошо! Может, тряпьем переложила?

Анна сильнее вытягивает мой чемодан из-под кровати, перетрясает небогатые пожитки. Притаившись, стою на пороге...

– А что вы ищите? Я чужого никогда сроду не беру.

– Ой! – вздрогнула Анна, захлопнув чемодан, осталась сидеть на корточках. Рыжий председатель обернулся, беспокойно шмыгнув крупным носом, уставился на меня синевато-выцветшими глазками, глубоко упрятыми в длинных белёсых ресницах. Анна снова запустила руки в чемодан.

– Да куда уж тебе чужое брать? Своё бы не утратила. А, вот, Яковлевич, нашла!

Чтобы удостовериться, взглянула на меня и на развёрнутый паспорт, не поднимаясь, передала председателю. Он исчез.

– Зачем паспорт отдала? Он же мой!

– Чтоб не сбежала! Ты теперь много дорог знаешь. Да ладно! Не артачься! В сейф положит, сохранней будет. Мой тоже у него. Завтра Первой – дежурить в конторе будешь, Яковлевич так сказал. Мы все по родне, а тебе всё одно ехать некуда.

Под лучами ласкового солнца, под небесной синью мелкие облака пятнисто скользят тенью по степи. Скучная, ещё не прогретая поутру пыль на тропе холодит, щекочет босые ноги. Смеясь, я обмахиваю их в мягкой щетинистой зелени росной травы, по которой струится, извиваясь, тропинка. От неустойчивости взмахиваю руками со старенькими босоножками и мешочком с едой.

На двери, сколоченной из неоструганного тёса, к пристроенным к конторе саманным сеням – огромный амбарный замок; припрятанный ключ в траве на углу под залежалым камнем. В самой конторе прохладно, но пол, выскобленный до золотистого ворса, приятно согревает ноги; чисто, светло, уютно. «Слава Богу! – никто не мешает, письма всем напишу».

Достаю из столешницы бумагу, конверты, перочинный ножичек и припрятанный новенький химический карандаш с

красивым иссиня-голубым стерженьком, затачиваю остренько-остренько... В сенях шорох... Лёгкие шаги... Как крадётся кто?.. Гулко забилося сердце, перехватило дыхание.

В открытых настежь дверях появился Яхья. Сверля исподлобья черными, сверкающими глазами, завсхрапывал:

– Да-ви-но-о-о тыбэ нэ видэли... Тыбэ...

И, наверное, обругался по-чеченски, сбрасывая на пол за-тасканную куцую безрукавку, медленно пошел к столу, загоняя меня в угол.

– Уходи, скотина!

Вдруг – как толчок в спину, – рванулась, пулей вылетела в сени, обломив при ударе о косяк остриё карандаша, вогнав его глубоко в ладонь. Насмерть перепуганная, юркнула за распахнутую щелявую дверь пристройки, поднявшись на цыпочки, затаив дыхание – влипла в угол.

Матерясь по-русски, чеченец пролетел мимо, путаясь в безрукавке.

Видела в щель – исчез в бездверном моём бараке. Я же метнулась в барак с другой стороны, где жил завклубом Володя со своей мамой. Едва я появилась на пороге, она сообразила в чём дело; густо покраснела, молча затолкнула меня к спящему сыну под одеяло, спешно вышла на улицу, прихватив из угла железный совок и метлу.

Володя проснулся, сел, крутя головой, явно ничего не понимая. А разглядев, кто перед ним, обхватил горячими руками, пытаюсь заглянуть в лицо. Я разрыдалась. Собирая жаркими губами слёзы, торопливо, не давая слово сказать, объяснял, как долго он ждал этого момента, но не смел даже подумать, что вот так... Вошла мать. Он сразу же начал поглаживать, успокаивать, заверяя, что ни за что на свете не даст меня в обиду:

– Да, мам?

– А может уж свадьбу играть? А? Сынок?! Быстро ты сговорился! Одного чёрного посадили, так за ей вона другой горбоносый сколь кругами ходит. Была б уродина, давно б объездили...

– Ну хватит тебе, мам!

– Не затыкай рот-то матери! Хватит не хватит, ты смотри, сынок! Оне ить чё задумали – всё равно сделают! Не тот, так другой! Ищо к имя в компанию попадёшь; подлость изделают – на тебя свалют. Оне изворотливые! Я тебя, сынок, ни за што ни про што терять не хочу. Шибко непросто ты мне достался, кровинушка моя, – негодуя, задыхается мать.

Сидя рядышком с Володей на широченном топчане, неловко поджав ноги, съёжившись, я молча пытаюсь вытянуть руку, крепко прижатую его ладонью к постели, виновато гляжу на неё. Бедная мать!

Встревоженная, она не находит себе места в этой тесной комнатухе-клетушке, где один-то топчан – и то на двоих: то повяжет платок, то сбросит его, и тогда седой крендель волос мигом раскручивается на иссохшей груди, она снова скручивает его трясущимися руками.

– Ма-ам, ну что ты всё причитаешь!?

– А то! Езжай после праздников в район и как хошь, вымалывай-выпрашивай ейный диплом, – притопнула. – Пуцай катится отселе покуда ешо каго не загубила... Она вона, перепуганная, как на беду, ешо красивше делается...

– Да ладно-ладно, поеду, – согласился Володечка. – А пока покорми нас да сходи закрой контору... Пожалуйста...

В первый же рабочий день недели завклубом уехал в район по делам. Вконец измотанная за праздничные дни, я пришла на работу без провожатых. Вечером, горлопая непристойные песни, припожаловали к конторе поляк Ёська с Яхьёй, уселись на пороге. Поляк мощно-нагло затянул: «Была бы тока ноцка, да ноцка потемней», чеченец уродливо-матерно дотянул: «...Ники-то би нэ мишалы...».

Работа никому не шла на ум. Завклубом, которого я так ждала втайне с болезненным нетерпением, вернулся из района на следующий день только к вечеру. Прошел в кабинет председателя, даже не глянув в мою сторону.

Председатель вызвал к себе главбуха. Он скоро вернулся и, наклонившись над Анной, кивнув на меня, пробормотал:

– У ей сегодня именины, получается... Сходи в столовую, пусть приготовят хороший ужин за счёт председателя; прикинь – на сколь человек.

– Девчата, пойдёте праздновать?

– А что? Пойдём!

Через несколько часов с сотрудниками я вошла в комнату, где жила в одиночестве Аня и где я должна была прожить уже почти год. Меж кроватями стол, сооруженный из маленького столика и чемоданов, покрытых простынёй вместо скатерти.

– О, как! Пельмешки вкусненько парят... Уксусом, чесночком припахивают, аж слюнка бежит...

– А ликёры-то... ро-о-зовый, зелё-ё-ный, – нетерпеливо потирает ладошки Сауткин, не замечая косого взгляда жены.

Хватив поздравительных чуть более по полстакану, все повеселели. Анна первой вспомнила обо мне, забившейся в угол томкиной кровати за спинами председателя и главбуха, протянула неуверенной рукой гранёный стакан с розовым ликёром; председатель отвёл её руку:

– А ей нельзя! – съязвил. – Ножки ослабнут... Чёрные вокруг бродят...

– Дак, Яковлевич, чё сказать-то хочу... А-а-а... Ну чё хочут, ой, хмельная я.

Из столовой прислали ещё и пирожки с мясной начинкой и наскоро испеченный торт.

– Торт на стол! Пирожки только имениннице! Все пирожки, с котелком вместе! Видите, как смотрит на них? Любит с мясом-то...

– Ешь-ешь, да так, чтоб и завтра ещё не хотелось кушать, – смеялся Цейс.

Душа моя наполнялась искренней благодарностью и вместе с тем каким-то непонятным тревожным теплом; вроде как подвох какой улавливаю.

– Подставляй карман пошире, «красывий», конфет насыплю, – уколол главбух почему-то каким-то непонятным прощальным взглядом.

– Спасибо, Эрнст... Ой-ой... Зачем так много-то?

Бабушка-немка старалась напоить свеженьким вечерним молочком. Девчата пели, не обращая на нас внимания. А за окном, поверх марлевых занавесок, на светло-чернильном небе – полная луна. Прячась в лёгких облаках, она летела, летела, спешила куда-то, будто звала за собой.

Председатель взглянул на часы, быстро встал, взял Цейса под локоток:

– Пора бы оставить молодёжь, – пошел к дверям...

Завскладом и уборщица тоже решили выйти на улицу – «охолонуть»...

– Елена! Накинь-ка чего потеплее, проводи нас, именинница. Обувку-то чеченскую носишь?

– Нет, Яковлевич. Мы ей из сельпо танкетки принесли – подарок наш!

– А-ну! Покажь! Добротные, ловкие? По ножке пришлишь?

– Да... Удобные, – улыбнулась я, ожидая, когда же «прилежит подвох».

– Ну, пошли...

– Далеко не уходите! – хмельно орёт Анна. – Чёрный подкараулит, враз своей сделает! Слышь, Елена?

Ночной ветерок холодит. Завпекарней и Володина мама, постояв у входа в барак, тихо пошли вокруг него. Мы за пустыми разговорами поднялись на взгорочек за бараком. Вдали слабо перемигивались сбившиеся в кучечку огоньки. Луна, уже на чистом от облаков небе, щедро просеивала мягкий свет на затаившуюся равнину, на таинственно-призрачную громадину кургана, распластавшегося на груди спящей земли, в лоне которого и притаилась моя неудачница-смерть. Интересно, где сейчас Абубакар и что он делает. И вдруг, оборвав тонкую нить тягостных воспоминаний, вздрогнула от глухого, как надтреснувшего, председателевого голоса:

– Пора! Давай!

Резко встал с берёзового пенька.

– Пора, Яковлевич, пора... Щас-щас, – проскрипел вполголоса Цейс; скособочившись, поспешно сунул руку во внутренний карман старенького кителя.

Я заволновалась, замерла, не спуская с него глаз. А он достал какую-то плотную бумагу, свернул вчетверо, поспешно вложил в мою похолодевшую ладонь и, сжав её крепко в кулачок, наклонился к уху:

– Видишь огни вдали? Беги на них напрямиком!

– Слышь, дочка?! Никуда не сворачивай! Поняла? Здесь поле ровное. Беги, сколь духу есть!

– То полустанок светится; поезд стоит одну минуту. Не успеешь, звони со станции! Ну!!!

Сорвалась, полетела на зовущие огни, не поблагодарив, не попрощавшись. Ковыли, высветленные луной, хлестали по голым ногам. К поезду – успела! Влетела в ближайший вагон набравшего скорость поезда «АКМОЛИНСК – НОВОСИБИРСК».

Усатый проводник, только что задёрнувший меня в тамбур, спрашивает билет, а я не могу разжать кулак, заплакала... Оставив меня в покое, он пошел по вагону, оповещая пассажиров: «Подъезжа-а-ем... Акмолинск... Акмо-о-линск. Стоянка полчаса». Вернулся, угостил сладким горячим чаем, справился, почему совсем без багажа, и снова спросил проездной документ. Предъявила изрядно помятый билет, переживая, что окажется негодным.

– О-о-о... Так это не ко мне, милая девушка... Через три вагона будет. В Акмолинске перейдёшь по перрону.

Улыбнулась, легонько дёрнул за косу.

– Спасибо Вам!

Только теперь я стала приходить в себя. Переходя по перрону в свой вагон, нос к носу столкнулась с Володечкой. Обрадовалась и даже не заметила, что в его руках мой чемодан.

– Ну, здравствуй, свет-Елена! Не выхлопотал ведь я тебе диплом; отпуск добился... Понимаешь? Говорят, что и так работать некому, а ей, мол, диплом подавай! Нет-нет! Пусть отрабатывает – и всё тут! Мол, по замужеству – ещё куда не шло... А я сдуру, понимаешь ты, чуть женихом не объявился, да вовремя спохватился!

– Да ты что?! Володя! Да я ж на всю жизнь здесь бы прикипела, не то что в отпуск! Ой-ой, не убивай меня!

Володя вспыхнул, что маков цвет...

– Вот так вот... Привёз только бумаги насчёт отпуска; заглянул, конечно, в них – с какого числа будет... Получилось, как просил, сразу же и билет на поезд купил. Во-от... Обговорили с председателем, как тебе исчезнуть. Да тут вот день рождения твоё как-то совпало.

– Ну-да, совпало... Как же, – вымученно улыбнулась я.

– Да ладно! Всё ладно получилось... Возвращайся... За дипломом... Ждать буду.

Передал чемодан из рук в руки.

– Спасибо тебе, спасибо!

– Полчаса прошло; иди-иди... Поезд сейчас тронется!

– Что-то чемодан потяжелел?

– Это ты обессилела, – неуклюже-торопливо обнял. – Возвращайся! Яковлевич ждать-переживать будет; слукавил, конечно, как мог.

– До свидания!

Вошла в вагон, устроилась. Упала в постель, уснула, как провалилась.

– Соседка-то твоя, Алексеич, жива? Спит и спит. Знать, твоя постеля...

– Жива-жива... Да пушай спит. Пользительно. Глянь! Эк разморилась-то.

Явилась в дом родительский, а никто не ждал!

– Откуда свалилась-то?! Почему не писала!?

– Писала – да ещё как и сколько!

– Ванюша-то писал-писал нам, а мы с отцом молчим... Што ему отвечать? Душа у нас с отцом изболелась...

Дома хорошо-о. Обо всём переговорили... только вот насчёт чеченцев родители напрочь отказались верить: «Что там – Советской власти нет?! Да ты просто раньше соплей на кулак не мотала! Жила себе при маме, при папе! Из родительского гнезда выпала, сразу холодно стало. Нет-нет, дочь, не дрейфь! Давай-давай, сама обживайся, самостоятельно! И не придумывай негожих историй».

Сплю на открытой веранде, купаюсь в родительской заботе...

Поскрипывая раскладушкой, лениво-сладко потягиваюсь. Утренняя свежесть, нежные переливы цветочных запахов, бойкий щебет юрких, хлопотливых птах ласкают радуют душу... И голос отца:

– Катюш, ты это... Сходила бы с дочкой по магазинам, купила б ей чего на ноги.

– Да я и сама думала... Деньги на обратную дорогу у ей есть, а обувку купим.

Дальше не услышала, сестричка подкралась:

– А чего сказать-то хочу, – хитровато стреляет глазками. – Ты это... только родителям не говори, мне не велено. – Как тебе приехать, Ваня у нас был, он где-то сейчас в городе...

– Что говорил? – скрываю волнение, как могу.

– Попрощался с родителями... Сказал, что больше не придёт к нам, не будет больше беспокоить... Воот...

Целыми днями брожу по городу в надежде увидеть Ивана или же кого-нибудь из знакомых... Да всё это зря... Ну, конечно, зря... Горестно размышляла, побалтывая уставшими ногами, сидя на скамье в тени под огромным ветвистым деревом напротив танцплощадки... Последний «отпускной» вечер... Пожар вечерней зари угасает... Небо охладело до приятной синевы. Затеплились первые одинокие звёздочки. А парк оживает. Вокруг танцплощадки вспыхнули гирлянды ярких электролампочек. Под аккуратным тесовым ярко окрашенным навесом разместился духовой оркестр, и поплыла над городом щемящая мелодия вальса «В городском саду играет духовой оркестр...»

От входа в парк, из тенистых аллей весёлыми толпами подтягивается к танцплощадке молодёжь. Пожалуй, пора уходить...

– Ленка! Ленка! Генка, идём, идём к ней!

– Где? Да не она это! Откуда ей здесь? Она ж замуж выскочила. Да куда ты меня тянешь? – но они уже преградили мне путь...

– Лен, Ленок, идём на танцплощадку, там поговорим, а то нас народ с аллейки столкнёт.

Валентина нетерпеливо дёргает меня за руки, совсем забыв о Генке.

– А Иван сегодня утром с Руфкой в Лениногорск уехали. Знал бы...

– Ну и что?!.. Знал бы? Они же скоро с Руфой «венчаться» будут. У них давно печки-лавочки вместе. Не видишь, что он с ней и с ней всю дорогу.

– Ген, ты что говоришь-то? Они просто в одном городе живут! Понимаешь? Да у него только и разговоров о Ленке! Что-ты!?

– А разговоры-то о чём? О Ленке-изменщице...

– Запомните! Я никому, никогда, ни в чём ещё не изменяла, – понятно?! Вахоня просто лопух! Если я ему нужна была, взял бы да и приехал, чем чужим письмам доверять! Он что, не видел, когда читал, что не моим почерком написано? Не сообразил, что письма могут просто перехватывать и отвечать на них кому как угодно. Там ведь не город – поселение спецпереселенцев. Да и настоящей любви всегда завистники найдутся. Увидите, так и передайте ему... – Замуж не собираюсь. Завтра же – уезжаю. И очень даже надолго.

– Как хочешь... Идём, идём, Валюша; нам это неинтересно. Что такое – отпуск три недели? Пролетели, как и не было...

И снова вокзал «Акмолинск» с огромным корявым тополем на краю перрона, как бы отделяющим крошечную тьму по полуночи от тусклого света фонаря над бледной вывеской «Чайхана». Ничего не изменилось. Также аппетитно пахнет жареным. Зайти перекусить в чайхану? Но нет уж... А то нарвусь, как год назад, на какую-нибудь воровскую шайку, лучше уж по своей надобности пойду в милицию... И я смело направляюсь с потоком пассажиров в город, минуя арку. Где-то здесь ютился в саманной зарешеченной камере милицейский пост. Надеюсь, и теперь поможет мне добраться до постылого посёлка. А-га-а, вот он. Из чуть-чуть приоткрытой двери выбивается свет. Зажав меж ног чемодан, помня о воровских шалостях в этих краях, тихонько оттягиваю дверь на себя, чтоб заглянуть – хлоп! – Получив в лоб, отлетаю вместе с чемоданом.

– Гражданочка, так нельзя! Почему без стука?

– Зато вы меня стукнули!

Получилось, кто кого вперёд, кто к кому...

– А-а-а... Старая знакомая. По какому случаю теперь?

– По тому же, по тому. Из отпуска вернулась: до посёлка бы мне... В сторону Джеломбета... А?

– Понял. Помню-помню, в сторону Джеломбета. Ждите.

Запер дверь, исчез во тьме.

Рудничная машина с мурлыкающим себе под нос шофёром убаюкивали. Дерзко-скользящий, всю ночь выскивающий дорогу в степи, свет фар, уласканный юной румяной зарёй, слабеет, растворяясь в ней, а я против воли своей ухожу в глубину сновидений. Проснулась, когда часики указывали на полдень, машина стояла у развилки дорог, джеломбетской и моей – поселковой. Устала... Огнём горит, наверное, давно придавленное к дверце машины ухо; хочется пройтись... А почему стоим?.. И где – хоть кто-нибудь? Кто-то ещё в попутчики припрасивается?

– Слушай, Тимофей, ну прошу тебя... Здесь ехать-то всего два цыплячьих подскока; у поссовета притормозишь, я выскочу! А ты её до конторы подбросишь и – привет председателю! Лады? Я тебя здесь уже буду ждать...

– Ладно, шут с тобой! Но не больше полчасика! Понял? Устал я... Два цыплячьих подскока... Смерил, тоже мне, – бурчит Тимофей. – Да я за это время выплусь.

Тимофей шустро усаживает себя за баранку, поглядывая в зеркало, забрался ли джеломбетский в кузов. А мне смешно – «два цыплячьих подскока». Никогда такого не слышала.

– Отоспалась? Почему я раньше тебя не видел? А ты, вообще-то, ничего девах.

– Тимофей, на-ка, угости приезжую! Над стеклом кабины зависла связка вяленой рыбы, до боли вызывая голодные спазмы желудка.

– На-кось! Привет тебе с Волги-матушки, – улыбнулся, понимая мою «голодную тоску».

– Передайте ему спасибо.

– Ладно, как почту передавать буду, – хитровато рассмеялся водитель, дёрнув себя за торчащий ус. Скоро, едва притормозив у поссовета, двинулся к конторе. На шум машины в распахнутые настежь окна, придерживая створки, повысовывались девчата:

– А ведь вернулась!

– Ленка вернулась!

– Ждёт, что встречать будем, – из глубины комнаты донеслось ворчанье главбуха.

Подтягивая чемодан к окну, зову девчат на помощь и на обед; интересуюсь:

– И что здесь новенького случилось в моё отсутствие?

– Ой-ой! На три недели сбежала, – и что уж новенького случилось?..

– Чеченцы надежду потеряли, что объявишься, а ты явилась не запылилась. Они с тебя ещё спросят, умыться не успеешь!

– Я им должна что ли? Спрашивать будут они...

– Ой, девочки! Что-то Ленка осмелела прям.

Нахваливая, причмокивая, зажевали рыбку вяленую, запили чайком, отправились на работу, прихватив хвостик и Цейсу – задобрить!

Через несколько минут, предвкушая похвалу председателя, явилась в кабинет; переступив порог, почувствовала неладное.

– Чево явилась? – вот так вот с порога и огорошил, насупившись, Яковлевич.

– Ну-у, я сама пришла; ведь всё равно вызовете... Так я сама...

– Не об этом я! Почему не использовала момент? Мы с Цейсом тебе прям в руки его вложили! Бестолочь! Верну-у-лась она... Прокую-то с тебя! Одна маята!

– Так вы же сами говорили... Писали даже...

– Говорил, писал! Я отвечаю! С меня спрос, в конце концов, – за всех! Я не могу натолкнуть на противозаконие, понимаешь ты или нет? Я не хочу под суд!.. Ну ты, вообще, хоть что-нибудь в этой жизни понимаешь, а?! Мы с Цейсом за тебя в ответе! День и ночь ты у нас как заноза в горбу: ни вытащить, ни сбросить! Скажи, ты почему там замуж не вышла? Где твой Иван, черт бы его побрал!

– Я не нашла его.

– Плохо искала! К его родителям бы шла; обсказала всё ладом. Или ты сама хочешь здесь под чеченцами вертеться!? Ну и вертись, мать-твою!

Разбередил душу, довёл до слёз.

– Иди работай! Кукла фарфоровая... Да сходи, умойся допреж.

Чеченские преследования начались с новой силой. Сотрудники недовольны. Откровенно ждали моего следующего отпуска, пожалуй, не меньше, чем я.

Однажды в конце августа, на исходе рабочего дня к конторе подошел незнакомый парень, тепло поздоровался с «дежурившими» на пороге чеченцами. Увидев его в окно, девчата разом радостно подскочили: «Рафаил! Рафаил приехал! Заходи! Заходи давай!».

Яхья, зыркнув на окно, цвиркнул слюной, матюгнулся по-русски: «На намы такы нэ крычаты!». Между прочим, он не только сквернословил, но и говорил по-русски хорошо.

– Вы здесь каждый день дежурите, а я в кои-то веки заглядываю, – отшутился, улыбаясь дружелюбно, парень, попав, что называется, не в бровь, а в глаз.

Похлопав Яхью по плечу, придерживая фотоаппарат, болтающийся на боку на тонком ремешке, лёгким шагом миновал коридорчики, вошел к нам.

– О-о-о, да у вас новенькие?! Ох, ка-ка-я... Брови-то, брови, что крылья чайки в полёте, а? А глаза, что родники под синим небом! Так бы и попил из них... А? Девочки, откуда такая залетела?

– Рафаил, ты нас обижаешь...

– Да её тут Яхья пьёт; целыми днями караулит. Никто шугнуть его как следует не может! Умара посадили, так этот ей проходу не даёт.

– До мёда ещё не добрался? – отвратно-лукаво улыбается Рафаил.

– Да нет, наверное...

– Не даётся! – краснея, хихикнула кассирша, заискивающе стреляя глазками.

Парень, запрокинув голову, раскатисто расхохотался. Даже Цейс, молчун несчастный, захихикал, безотрывно роясь в своих бумагах. Ни разговор, ни парень мне не понравились; ушла бы на улицу, да чеченцы на пороге.

К конторе подходят и подходят люди, будто кто их созывает. Рафаил, болтая длинным пёстрым галстуком, выбившимся из-под строгого костюма, едва успевает фотографировать всех желающих.

– А-ну, птаха залётная! Давай тебя запечатлею.

– Не надо! Не надо... Серьёзно: я не хочу!

Наконец-то этот ретивый выдохся, выговорился, ушел, прихватив с собой Фердуса и Яхью; и это хорошо – дышу спокойней.

– Лен, а он ведь на тебя глаз положил...

– Отстань!

– Пойдём сегодня ко мне ночевать. Увидишь, как студент-фотограф искать тебя будет.

– Нет, Анна, я хочу выспаться. С ночлегом нынче я уже определилась.

– К Алмазовым пойдёшь? Видела я, Яковлевич к ним ещё с утра наведася. Зачем бы это?

– А знаешь, так помалкивай!

На мой стук в дверь отозвалась дочь хозяйки Милочка:

– А я ждала вас.

Сразу же предложила помыть руки, приглашая к столу. В дверь тихо, и даже как-то нерешительно постучали... Я юркнула за занавесочку вешалки у дверей, затаилась, готовая в момент выскочить в открытую дверь за спиной вошедшего. Мила шепнула, что если это Яхья, мамочка будет недовольна. Открыла дверь:

– А-а, Рафаил? Пожалуйста, входите.

Вошел, обернулся, улыбнулся.

– Здравствуйте, девочки...

– Пожалуйста, пожалуйста...

Рафаил был скуп на слово, скромен, вежлив. Вот хамелеон-то... Я его другим видела. Извинившись перед Милочкой, попросил разрешения пригласить меня на танцы.

– Какие танцы? По-моему, и клуб-то на замке. Нет-нет, Рафаил. Я отсюда ни на шаг, тем более, глядя на ночь.

– Так идёте просто погуляем...

– Да пойдите же, пойдите! Если бы меня Рафаил Андреевич пригласил, я бы пошла.

– Ладно. В коридор – и не дальше...

В узком коридоре темно, неуютно, пахнет мышиной сыростью, прелой мукой.

– Леночка, я договорился с Яхьёй, он вас больше не будет беспокоить.

– А другие, которых я и по имени-то не знаю?

– И другие не будут. Яхья не позволит. Понимаете... я должен уехать на некоторое время...

– И, что? Он знает, что вы пошли ко мне?

– Да, знает. Мы у него ночью будем проявлять фотоплёнки, печатать и проявлять фото, сушить и глянецовать на стекле; он эту работу любит. За ночь основательно договорюсь. Я думаю, он меня поймёт.

Утром девчата организовали сбор денег на оплату труда студенту-фотографу; снимки он принёс в обещанное людям время. И как-то уж совсем невесело, молча взял рубли, неловко сунул их во внутренний нагрудный карман, оставив девчат в недоумении, – ни похвалы вам, ни внимания за ваше старание, во как! Уходя,

положил передо мной несколько фотографий. На одной из них – «Помни». Фото на самом деле хорошие, и я на них уж больно интересная. «А ведь у него что-то не заладилось, – пробурчала я сама себе под нос. – Небось, с Яхьёй по мою душу не договорился, помрачнел».

Чеченцы кругами бродили около, но к конторе не подходили. Это заметили все. Целыми днями сидели на шатком заборе против конторских окон, вызываяще-громко разговаривали, хохотали...

– Ну как можно изо дня в день жить так беззаботно?! – возмущился почему-то только сегодня главбух. – Куда смотрят высокие власти?

Осёкся, бросив на нас настороженный взгляд. На лбу проступила испарина.

– Что правда, то правда! Да не волнуйтесь вы так! Мы о вашем недовольстве доносить не побежим.

– Да было бы о чём, Эдуардович!

Дневная жара незаметно сменилась ласковым теплом, однако же пропал, осыпался что ли где-то всегда юный румянец опаздывающей по утрам зари; она теперь больше походила на далёкий отсвет угасающего пожарища на краю безбрежной, по утрам и вечерам холодной степи. Так подкрадывается осень...

В полях вызрели хлеба. Справиться со страдой самому совхозу не под силу и председателю приходится идти за подмогой «в народ». Зашел он и к нам в контору, попросил хоть несколько дней поработать на току.

– Когда ехать? В ночь?

– Нет, девчатки дорогие, давайте завтра по утречку. За ночь отдохнёте и...

– Поедут, поедут... Наши девчатки работающие!

– О! А ты-то откуда взялся? – Анна знала, что он должен быть на элеваторе.

– Вы забыли? Я ваш ангел-хранитель. – Эдик выразительно глянул на меня.

– Ну, давайте, дорогие мои. Машину я вам прям сюда к конторе подам. Пошел я до утра.

– Ну и я пошел до утра, – вдогонку председателю беззлобно съязвил Эдик. – Ты один, а я с девчатками.

Подхватил кассиршу и меня под руки. Анна метнула на любимого настороженно-ревнивый взгляд, как петлю накинула, а она возьми да и сорвись:

– А-а-нь, ну, се-ердце ты мо-ё, у меня ж не три руки...

– И не надо! – Вспыхнула Анна, нервно ускоряя шаг, направилась к бараку.

– Только этого мне и не хватало, – вывернулась из-под руки Эдика кассирша; подалась, пожалуй, без надобности, в противоположную сторону.

– А пусть нам, Ленок, хуже будет! Мы вдвоём погуляем.

Незаметно подошли к бараку. Эдик обнял за талию, легонько притянул к себе, а я легонько упёрлась локотками ему в грудь.

– Вот недотрога! А?

– Знаешь, как я боюсь?

– Кого? Анны что ли!?

– Да и тебя...

– Так не будь такой красивой, не первый раз говорю. Меня, Ленок, не надо бояться... У меня Анна есть – по-серьёзному... Знаешь ведь ?

– Нет. Ничего не знаю.

– А я думал, она давно тебе рассказала, по-дружески. Мы, Ленок, с ней живём...

– А-ну, глянь... Осрамить хочешь?

– Ладно, слушай... Когда она приехала, её тоже чеченцы обложили, как Томку... Ну, та, что рожать в район уехала и при родах чеченёнка задушила да и сбежала. Понимаешь... А мне Анну жалко стало. Да и подруги у меня тогда не было... Зашел как-то вечером к ней да и остался до утра. Бабушка руга-а-ла меня, но уже после, как мы переспали. Чеченцы выследили, что ныряю к ней – сволочи! Били, едва оклемался. Девку у них, понимаешь ли, из-под носу увёл. Вовремя увёл... Но мне-то что? Пережил. – Эдик беспокойно оглянулся. – А так что; мне-то из дверей в двери, считай, да узкий тёмный коридор, – я дома, и она дома. Переживал, конечно, по ночам прислушивался. В коридор по ночам выглядывал, не ползут ли.

– А почему к ней не перешел? Жили бы нормально...

– Где ночевать будешь?

– Пока не знаю...

– Ничего себе! Время к полуночи, она не знает. Иди к моей бабке. Переночуешь в моей комнате. Тихо шмыгни, а я к Анне до утра, на «мирные переговоры» надо... Заболтались мы с тобой, однако, красotka малолетняя.

– Ой-ой, старик! Иди-иди, а то Анна не простит тебе твоих вольностей.

– А ведь тебе не хочется уходить, да?

– Слушай! Кто-то плачет, или стон такой... От пекарни стон...

– Ага... Коты абубакаровские сражаются.

Над миром земным спокойно разливается лунный свет, нечетко высветив покачивающуюся фигуру под стеной пекарни, оттуда стон...

– Абубакар! Эдик! Это Абубакар! Бежим!

Старик сидел на узенькой тропе, что серо змеилась вдоль глухой стены пекарни. Опершись сгорбленной спиной о стену, вытянув чуть не до колен оголённые, мертвенно белые ноги, круто выпираясь животом, он слёзно стонал, покачиваясь из стороны в сторону.

– Абубакар, родненький! Тебе плохо?! Ты заболел?

– Иды, иды от мэнэ, дэвичка май... Нэ гляды Абубакари... Нэ гляды ево.

– А ну, вставай! Вставай! Где болит? – дерзит Эдик и вдруг убегает.

– Ты куда?

Но он исчезает за углом пекарни.

– Иды-иды... Не гляды Абубакари... Ево плачет, как женщин – стыдно... Здэс... Жи во-о-та болыт, – наклоняясь, старик прячет измученное лицо.

Кинулась к председателю. Жена с досадой выкрикнула:

– Тока што с-под одеяла выдернули! Никакого покою ни в ночь, ни в день нету!

– Абубакару плохо, а вы!

Побежала в контору поднимать главбуха. Стащила немца со стола.

– Ты чево? Как это я не заперся?

– Абубакар помирает! Слышите?!

– Где?

– Под глухой стеной пекарни!. Да куда вы?! У пекарни – говорю! Куда побежал?!

Но Цейс, как колобок, уже катился по тропе к чеченскому поселению. Я же в отчаянии снова бросилась к Абубакару. А его уже нет... Машина... Вон машина... Старика уложили в кузов на солому. Яхья, наклонясь к стонущему, пробормотал ему что-то на ухо, кинулся закрывать борт. Третий, высокий худощавый человек требовательно постучал ладонью по верху кабины, и машина тихо, аккуратно сдвинулась с места, пошла, набирая скорость,

оставив выпрыгнувшего на ходу Яковлевича. Обернувшись, он увидел меня, пошатываясь подошел:

– Ты вот что, голуба... Я девчат рано увезу, а ты не приходи... На работу в контору выйдешь. Главный скажет, что надлежит тебе делать.

Тревога бьёт в душе моей «во все колокола». Наверное, в последний раз я видела тебя, Абубакарии... Абубакари-и-и... Иду, на ровном месте спотыкаюсь. Эдик, конечно же, понимает, боюсь потерять Абубакара – как заботливого покровителя... И даже может быть как любящего отца...

Прокрались в полной темноте к комнатухе мимо приоткрытых бабулиных дверей.

– Полуношник... Это ты?

– Я, я, – отозвался Эдик.

– Картошка в золе, ешь да дрыхни, полуношник...

– Иди, побрякай тихонько заслонкой, пожуй, что найдёшь в золе, и ложись спать скорей, чтоб не застучала тебя. Встанет, допрос учинит. Ляжешь, укройся с головой, я так делаю.

– Ладно, давай.

Утром, как только пришла на работу, главбух объявил, что срочно идём в столовую проводить внезапную ревизию.

– Провинились?

– Айда, не разговаривай... Получше-то не могла одеться?

– А что? Праздник что ли?

Цейс поморщился, что-то буркнул, свернул бланки в трубочку; пошли. В такую рань в дальнем углу совершенно пустого зала сидел спиной к дверям уж больно как-то сиротливо один-единственный человек. И на кухне – один человек – заведующая...

– Здравствуйте!

– Здрате, здрате вам! С ревизией припожаловали? – загадочно улыбнулась. Совсем некому работать, все в поле... Леночка, пойди-ка, спроси у заезжего, чего он хочет? Чуть не с зари тут околачивается. Давай-давай, пока вы мне все двери бумагами с печатями не позаклеили, – снова хитровато улыбнулась.

– И чему вы радуется?

– Иди, иди, моя хорошая.

Что-то тут не так. Ревизия, а она ходит улыбается; обычно волнуется, суетится, в чём-то оправдывается, интересно, – шагаю через весь зал к тихому заезжему.

– Здравствуй, синеглазка моя!

– Ой! Рафаил... Откуда ты?!

– Присаживайся; завтракать будем.

– Вот-те на-те!.. Ты что!?

А заведующая сама горячий завтрак подаёт – на двоих.

– Давай, Леночка, составь доброму человеку компанию; небось оба голодные.

– Спаси-и-бо... Что-то я ничего не понимаю... А Цейс где?

– Во дворе.

– Ленок, у нас с тобой совсем мало времени, понимаешь?

– А ничего не понимаю... Всё как-то не так, – вконец растерялась я.

– Давай-давай...

К самым дверям подъехала джеломбетская машина со знакомым шофёром Тимофеем. Рафаил помог подняться в кабину, сел рядом. Тесновато. В ногах мешает увесистая тёплая торба и горячий трёхлитровый бидон

Едва дотянувшись до стекла кабины, щёлкнув по нему, Цейс скупно помахал рукой, оставив на долгую память страдальческое выражение лица. Завстоловой, улыбаясь сквозь наворачнувшиеся слёзы, прощально кивает рано поседевшей головой. Машина тронулась, но скоро остановилась у дверей поссовета. Рафаил подчёркнуто галантно подал руку, помог спуститься; мы чуть ли не сразу оказались в крохотном уютном зале.

– Здравствуйте! Мы прибыли.

– Здравствуйте, уважаемые! У нас всё готово. Знаю, знаю, предупреждён, – суетится благообразный, услужливый старичок. – Надо, на-а-до поспешить, пока чеченцы Абубакаром заняты. Прошу, Рафаил Андреевич, пожалуйста. Вот здесь ваша роспись требуется...

– Благодарю, – Рафаил как будто что-то призабыл, помедлил и «вылепил» довольно старательно свою роспись. Отошел в сторону и, как премного уважаемый человек, сцепил на животе в «замок» тонкие длинные пальцы.

– Милая барышня, пожалуйста...

Вручили и мне ручку, с пера которой скатилась, как слеза, густая тёмно-фиолетовая капля. Подведя перо к графе под самый указательный палец сотрудника ЗАГСа, недоумевающе бегло взглянув на столь почитаемого Рафаила Андреевича, неуклюже расписалась. На напряженном, вдруг побледневшем лице Крылова, медленно заперекатывались желваки.

– А в чём дело?

Все рассмеялись. Рафаил поспешил отправить поданные ему документы в надёжноглубокий нагрудный карман, искренне поблагодарив сотрудников, сдержанно улыбаясь, витиевато объяснил моё состояние.

Машина летела в сторону райцентра. Скоро подъехали к железнодорожному вокзалу. Оставив меня в кабине, как я поняла, под присмотром Тимофея, быстренько вернулся с билетами. Через несколько минут мирно покачиваясь в почти пустом плацкартном вагоне, сидя напротив, как бы без особых помех со стороны, Рафаил в упор разглядывал меня до дерзости чужими пустыми глазами, чем вызвал глубоко и давно притаившуюся во мне неприязнь.

– Ты не рада?.. Что так?

– Я пока ничего не могу понять... Кто я, вообще-то, теперь и куда еду?

– Пока едем к твоим родителям. Что касается «кто ты»?

– Крылова Елена, по закону моя жена. Ты ж, по-моему, очень хотела быть Крыловой?

– Неправда!

– Как, неправда?! Ты же с Сауткиным ко мне в Джеломбет приезжала? Зачем?

– Так это ты и есть – жених?! Ну, ничего себе...

Рафаил неожиданно достал из кармана мой новенький паспорт и, как бы поддразнивая им, потянулся ко мне, наверняка рассчитывая не только показать, но и... А тут из-за перегородки высунулись любопытствующие физиономии.

– Где фотографию взял?

– Я как увидел тебя в конторе, сразу понял – женой будешь; за компанию со всеми и тебя, хоть ты отбрыкивалась, сфотографировал, предусмотрел на новый паспорт.

– Ты такой наглый...

Крылов как и не заметил моей дерзости.

– Если бы я знала, что Рафаил и Крылов – одно и то же лицо, я бы ни за что не ездила в этот самый Джеломбет. Это всё начальство моё...

– А если бы я знал, что такая неблагодарная, я бы со своей невестой не расстался. Я к ней тогда ездил, пожил месяц у неё – и до свиданья!

– Ну, и дурак! Хамелеон несчастный...

– А ты умная? Я ж тебя из чеченской клоаки выдернул! Вытащил на мыслимых и немыслимых условиях. Ты что, слепая и

совсем бесчувственная? А девчата все... – вон-как! У каждой для меня душа открыта, ныряй, и в любви утонешь. А ты ведь меня не ценишь...

Почувствовав гнетущее превосходство над собой, не выпив предложенного чая, отошла к противоположному окну с мыслями, что попала, однако, «из огня да в полымя»... Что-то ещё будет...

– Де-вуш-ка-а, пропусти-ка нас, – пропел один из первых молодых людей, бойко продвигающихся по вагону.

– Пожа-а-луйстаа, – пропела и я.

– Э-э-э, Ге-на! Ты не заметил, мимо кого прошел? Де-вушка, вы не поёте? При красоте такой вы петь, должно быть, мастерица, а?

– Я что? Похожа на ворону Крылова? – спросила и неожиданно для себя звонко рассмеялась.

Расхохотался и парень, увлекая меня за собой в своё купе. Он явно принял моё вдруг вспыхнувшее хорошее настроение за согласие влиться в незнакомую компанию. Да откуда ж ему знать, что в этот самый день «проворонила» я себя и стала Крыловой. А весёлая компания уже щедро, наперебой, осыпала меня лестными комплиментами. Забыв о своём неотразимом превосходстве, появился Крылов. Видя повышенный интерес к моей особе, кто-то даже запел, подыгрывая себе на гитаре, не спуская ласково-интригующего взгляда. Крылов не выдержал:

– Ребята! А ведь это жена моя...

– Да-ну ты!? Докажи!!! – пропал гитарный звон, разом прихлопнутый ладонью игрока, мгновенно уловившего мою нерешительность – уйти или остаться.

Рафаил без особых опасений подал паспорта.

– Ребя-я-та! Свадьба... Давай свадьбу!!! Подарим сегодняшним молодоженам наш студенческий трудовой концерт!

Паспорта передавали из рук в руки. Последним ознакомился студент, что так громко хохотал над «вороной Крылова». Предъявив права мужа, Рафаил Андреевич увёл меня, жену свою, до боли крепко ухватив за руку.

– Испортил всем и всё... Зачем?! Как всё было хорошо, – горестно вздохнув, подперев голову рукой, дабы не видеть из-за неё мужа, отрешенно уставилась в окно.

– Да! Я ревнивый! Не знала?! Знай! И без меня...

– Чего шипишь на весь вагон? Ты ж ещё не поймал меня, а уж ощипал. Если ты сознательно шел на фиктивный брак, – какие

права предъявляешь?.. Ты меня хоть раз спросил, хочу ли я быть твоей женой? Почему все и всё решили за меня, а не я сама?

Грустно-лирический концерт скоро угас. Студенты неожиданно покинули вагон на одной из коротких стоянок. Жаль, очень жаль, хорошие ребята...

Последних два дня пути до моего родного города Рафаил Андреевич был холоден, предупредительно строг, больше молчал, однако коротко сообщил, как довёз до райбольницы Абубакара и как он просил: «Бэрэгы Лэнычка, хорошы дэвичка».

– Он жив?

– Наверное, нет... А, может, да, – издевательски-спокойно скользил ответом по моей душе.

– Как ты оказался около него в кузове? Я тогда тебя не узнала.

– Да я и рыбёшкой вяленой угощал, не узнала. Я тогда в поссовет с заявлением на бракосочетание приезжал. А что касается, как оказался в кузове рядом с ним? Эдик прибежал к Яхье, а следом председатель с Сауткиным на машине...

– Как всё быстро... Значит, и главбух туда же, а не к Абубакару...

– Он всё равно ничем бы ему не помог. У старика камни желчный пузырь разрыва ли... Чеченцы усопшего в тот же день хоронят, поэтому нам никто не мешал ни в ЗАГСе, ни на вокзале. Чего заскорбела? Траур натянула... Ты его любила что ли?.. Старикана беззубого. За что?

– За то, чего у тебя нет! И не лезь в душу! Он и здесь мне помог... Абубакари, Абубакари-и-и... Спасибо тебе, что ты был....

– Где-то ещё помог?

– Тонула я на кургане... За дождевой водой ходила. Знаешь, я сейчас не могу об этом вспоминать, я прилечь хочу.

Тяжесть пережитого и действительность путались в хитросплетениях тревожного сна, вырисовывая одну картину страшней другой; жесткая, то и дело дёргающаяся вагонная лавка добавляла боли и страданий...

До родительского дома добрались спокойно, договорившись по дороге об уважительном отношении друг к другу. Жаркий полдень, на улицах даже собак не видно. Первой на крыльце нас встретила мама. Всплеснув руками, побледнев почти, прошептала:

– Проходите, проходите, молодой человек. К чаю поспели...

– Добрый день, мамаша...

На столе открытой веранды и правда шипел, подмигивая затухающими угольками в поддувальных прорезях, самовар. Отец, сняв крышку, выуживал из кипятка марлевый мешочек со сваренными всмятку яичками. Не оглядываясь на нас, аккуратно выкатывал их в глубокую миску, как всегда, в холодную воду: чистятся от скорлупы хорошо. Сестрёнка, облизывая поочерёдно пальцы, старательно доставала из широкогорлой банки варенье, раскладывая по блюдецкам. Казалось, им не было никакого дела до вошедших.

– А Ваня тока-што ушёл от нас. Он... Мы-ы подумали, он вернулся...

– Цыц! – папа аж покраснел. – Ну что, дочь, стоишь? Веди спутника к колодцу. Умывайтесь с дороги-то. Мать, дай-ка им полотенец посвежее. Что-то ты нынче скоро обернулась. Насовсем... или как?

– Мы, отец, проездом на Восток. Заехали познакомиться...

– Вона-как... Ну-да, ну-да... О чём боле-то...

– Паап, ну, потом! Потом про всё поговорим, ладно?

Остаток дня Крылов провёл с отцом, то в огороде, то в саду. Мать молча хлопотала по хозяйству, не допуская в помощницы. И только к вечеру позволила помочь поднять свёрток постели на чердак.

– Мам, не стели постель на двоих. Я не буду спать с ним.

– Жена завсегда должна быть при муже, – недовольно пробубнила, неласково проглаживая ладонями по простыни, нежелательной ложиться ровно.

– Я ещё не жена... Это только по документам... И, наверное, не буду.

Мамочка тихо заплакала, прикрыв лицо платком, и вдруг поспешила вниз по лестнице. Я выглянула в чердачное оконце. Мама, подхватив обеими руками широкую юбку, бежала по тропе в конец сада...

Застилая, затягивая кроваво-алую вечернюю зарю, зарожались серые облака, сбиваясь в тяжелые тёмные тучи. В доме, как предгрозовое предупреждение, погас свет; здесь так бывает. Родители тихо переговариваются на веранде. Сестричка, боясь грозы, быстренько прошлёпала босыми ножками по ещё тёплым половицам в свою спальню. Мы отправились на чердак. Мгновенные вспышки молниеносных, растрёпанных по небу золотых нитей, раскраивают, раскалывают его, будто дробят на огромные черепки; падая, они бьют по земле, гулко сотрясая её; густой, почти отвесный ливень глушит громовые раскаты...

Снегом запахло...

Где-то совсем близко лупит град.

– Во-от это погодка, – вздрогнул Рафаил. – А где здесь можно присесть?

– Садись вот сюда, – подталкиваю к постели Крылова.

– О-о-о, да здесь на двоих места хватит. Давай ко мне поближе, разогреемся...

– Мы ещё по имени-то не научились обращаться друг к другу, – разогреемся тебе... О чём ты так долго с отцом в саду разговаривал? – отбиваюсь от требовательных протянутых рук нелюбимого человека.

– Обо всём...

– О вольностях чеченцев, да?

– Да, как познакомились, как в брак вступили, и, конечно же, о чеченцах. По-моему, он в это не очень-то верит. Надо его самого туда послать.

– Ха-а, и в моё платье переодеть... Ну и что, всё-таки?

– Что-что? Дал срок на обдумывание. Посоветовал ехать на работу без тебя... Наверное, он прав.

– Правильно. Я тоже так думаю. Честно. Я от твоей ревности сгораю... У нас в семье такое не празднуют.

– Сгоришь... Ты меня спалишь, – неприятно хихикнул. – Давай забудем о чеченцах и проведём достойную новобрачных первую и последнюю в нашей жизни ночь.

– Давай! Только по-честному. Мы ведь друг другу – никто.

По крыше снова забарабанил дождь. Порывом ветра захлопнуло чердачную дверцу. Рафаил неожиданно грубо сгрёб в охапку. Вывёртываясь, неловко выкручиваясь, скользнула по его лицу губами и крепко укусила за ухо, испугавшись, отпустила.

– Ты что-о?! – заорал, хлопнул по постели кулаком. – Идиотка! Идиотка-а-а!..

Пошел к лестнице, нелепо изогнувшись, отталкиваясь ладонью от стропил, угадывая их при ослепительных вспышках рассвирепевшей непогоды.

– Смотри не свались! – Укрывшись с головой скомканным одеялом, мучительно прикидываю, чем же всё это кончится и не прокусила ли я ему ухо, дура!

Грозовые тучи на быстроногих ливнях унеслись вдаль, оставив на умытом, глубокой синевы небе, россыпи тёплых немигающих звёзд. На порожке чердачного проёма полная луна ласкает обиженного человека. Он славливает последние, медленно

стекающие по краю зазубрин шифера, крупные дождевые капли, прикладывая их к уху. Я немного успокоилась.

– Подвинься. Я спать хочу.

– Ложись.

– Ты даже не кошка, ты рысь какая-то! Драная... Ты ещё девочка что ли? Или я тебе противен до костей?

– Да! Я ещё девочка! – осмелев, ничуть не стесняясь, выдавала с гордостью.

– Оо-го! А я-то ду-у-мал... Знаешь, а ты молодец!.. Если так. Выйти из чеченского опала целёхонькой?! Э-э-э, не-е-ет, судьба мне задарила-а. А-а-а Яхьи – и-е, фи-ик. Бе-ез тебя я не уе-еду-у... Я за-кон-ный муж... не дурак. – Что-то ещё пробубнил и затих – уснул. А у меня, в отяжелевшей голове прокручивается на все лады этот русский, недобившийся желаемого... Ой-ой, спать... День был утомительно длинным. Спа-а-ть... спать., и я засыпаю.

Проснулась. Весело щебечут птицы. Солнце золотыми спицами пронзило мою обитель сквозь шифер, дырчатый от выпавших со временем гвоздей. А там, внизу, наверно на крыльце – мужской разговор...

– Вот, отец, её трудовая книжка, диплом, паспорт новенький, свидетельство о браке... И, вот, девчата конторские ей свои фото передали... Нет, отец, подожди-ка, я пожалуй, свидетельство о браке с собой заберу. Может сгодиться где-нибудь... ещё.

– Да зачем оно тебе, сынок? По белу свету-то таскать. Иль думаешь жену эдак-то удержать? Оно ведь, как тебе сказать, свидетельство не аркан. Поработаешь с годок я те уж говори-и-л, поразмыслишь, а она с нами поживёт. Присмотрим, не беспокойся... Прощаться-то с женой подымешься? Оё-ёй, дочка – жена уже...

– Нет! Я скоро всрнусь.

– Ну, как знаешь... Оно и с нами, стало быть, прощаться ни к чему, зятёк. Оно, в Приморье-то смотаться, это тебе не за сарайку по нужде сбегать. Нда-а... Ну-да... Незрелый ты ешо... Хошь и институт кончил. Жизнь тя ешо не тёрла, не шлифанула.

По голосу – вернулся отец с улицы к крыльцу, будто проводил моё настоящее в ещё не забытое прошлое, но я уже счастлива!

– Мать, иди суда. А ты заметила, чеченята-подростки окли нашего дому день-деньской околачиваются? Средь них какой-то новый, горбоносый, да видно постарше других-то будет.

– Ну и што из этого? Оне и раньше здесь крутились. Чечен-городок-то под боком. Мирные оне люди, чево уж тама... Без шалостяв...

– Дак, порассказывал нынче зятёк-то о них недоброе. Ленку-то нашу в ущерб любви своей привёз, начальство Ленкино упросило. Чеченцы, говорит, на её шибко наседали – до позору... Начальство в беспокойство вводили.

– Да слушай ты его больше!

– А не ска-жи-и, мать...

ВИКТОР ГАВРИЛОВ

Виктор Викторович Гаврилов родился в Омске в 1974 году. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета, аспирантуру. Кандидат педагогических наук. В настоящее время работает старшим преподавателем в Сургутском государственном педагогическом университете. Поэт, член Союза писателей России. Печатался в коллективных сборниках, альманахе «Иртыш», журнале «Литературный Омск», альманахе «Сургут литературный». Автор двух поэтических книг «Благослови на счастье» (Омск, 1996), «Свет, который внутри» (Омск, 2006). Участник II Форума молодых писателей России (Липки, 2002). Лауреат литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2007). Член редколлегии альманаха «Сургут литературный».

ЮДИФЬ

1

Иван Александрович, скрипач, до недавнего времени профессор консерватории, а ныне пенсионер, вернулся... Его встречал город, в котором он родился и вырос. Трудное, голодное детство, послевоенная юность... В этом городе он мог несколько раз

погибнуть. Один раз во время обстрела, второй раз – когда был погром, в третий раз... Впрочем, не горькая усмешка, но глупая счастливая улыбка озаряла сейчас его лицо. Не было ничего, кроме нахлынувших воспоминаний, кроме ощущения того, что заветная мечта, наконец, сбылась. Жизнь совершила оборот, и все вернулось на круги своя.

Он вышел из тесного автобуса и вдохнул терпкий июльский воздух родного Заозерска. Каждая деталь приводила в умиление. Как хорошо! Все хорошо: и эта гайка в пыльной траве, и бредущая куда-то по обочине лошадь, и грязные пацаны, многократно убивающие друг друга из деревянных наганов. Даже окурки, по русской традиции не долетевшие до урны, не раздражали. Все так, как должно быть. Он вернулся.

Должно быть, он бы еще час так стоял и озирался вокруг. Но лазоревые мысли были прерваны.

– Мужик, вижу без дела маешься. Сделай доброе дело, дай червонец. Тут недалеко самогон хороший есть. А то давай вместе сходим. Хороший самогон, точно говорю. Меня Митричем зовут... Кажна собака знает.

Иван Александрович оглядел просящего, но мельком, так, чтобы тот не обиделся. Митрич был весь помят: и лицо, и одежда, и руки. Но поразил общий цвет просящего. Землистый. Словно этот человек вырос из земли, вот сейчас возьмет червонец и снова уйдет в землю. И следа не останется. Как дождь, как сновиденье.

– Вот, держи.

Иван Александрович машинально достал из бумажника десять долларов и подал новому знакомому. Тот схватил деньги и бросился было прочь, но заподозрил что-то неладное. Развернул бумажку и внимательно стал рассматривать ее своими слезящимися глазками.

– Ты чё, козел, мне сунул? Фантик от жувачки? Человек попросил, а ты ему... камень... в протянутую руку. Эх, врезать бы тебе, да мараться неохота.

Митрич бросил скомканную бумажку в сторону урны, и та попала точно в цель. Сам пропойца удалился походкой гордой и независимой. «Да, что и говорить, неудобно получилось». Родина встретила героя не очень приветливо. «Истинно русский человек, не приемлет ничего заграничного. На что ему доллар и «Мартини», если есть червонец и самогон? А ведь мог бы и врезать. С похмелья они злые бывают...».

Скрипач направился по дороге в сторону серых пятиэтажек, но шел медленно. Казалось, что четкой цели у него не было. Решил осмотреться на месте. А пока шел – дышал родиной, любовался окрестностями. Идти было легко и приятно. В руках только небольшой чемодан с вещами и скрипка в футляре. Солнце, словно понимая его чувства, не торопилось падать за крепостные стены завода МТЗ. Несколько ласточек пролетело низко над землей. «К дождю! Это хорошо бы... Душно. Парит. А земле водица нужна. Только надо сначала с ночлегом определиться».

По правде говоря, была у него цель, но какая-то фантастическая, неопределенная – увидеть дом, где он вырос. Но за сорок с лишним лет что стало с этим домом? Сравнили с землей? А на его месте возвели библиотеку или уборную. Нет, Иван Александрович не был пессимистом, но его жизненный опыт подсказывал, что надо предполагать худшее – и выйдет в самый раз, без перебора. Однако ноги несли его к родному порогу, словно не было этих лет, прожитых за тридевять земель. И вот он, веселый, потрясающе юный, возвращается сейчас из школы. Дома мама стряпает оладьи. И отец, молодой и сильный, покрывает лаком очередную отполированную дощечку, мастерит гитару-семиструнку или балалайку, а может, и гармонь... Это называлось «спецзаказ». И не будет войны, и маминих слез. Не будет холодных страшных зим, картофельных очисток, сладковатого запаха помойки, окровавленных бинтов в госпитале, где мама работала санитаркой. Все будет сначала, но по-другому, счастливо.

Любому другому старику такое путешествие могло дорого обойтись. Но только не ему. И только не сейчас. Умереть от инфаркта на полпути к родному дому было бы просто обидно. Иван Александрович все прибавлял шаг, сердце радостно колотилось. И проходящие мимо женщины с удивлением оглядывались на бодрого старичка с интеллигентской бородкой, в заграничном синем костюме, отпускали фливорные шуточки. Но он не обращал на них внимания. Цель окрыляла.

Вот и родная улица. Тогда имени Калинина. Сейчас – Зеленая. Как все изменилось! Пусть будет Зеленая. Да хоть фиолетовая.

...Дом был на месте. Но это был не его дом. Другой. Со множеством пристроек, сарайчиков и прочего. Но тополь – о чудо! – все так же сторожил калитку. Правда, за это время он из маленького деревца превратился в великана и давал густую тень. Но это был тот самый тополь, который они в пятьдесят втором посадили с матерью – «на счастье». Тополь помнил их лучшие

времена, и времена тяжелые. Он шелестел будущему музыканту еще не окрепшей листвой, когда тот покидал дом, чтобы вернуться сюда только теперь.

Страх, волнение – все прошло. Музыкант решительно открыл калитку и вошел во двор, огляделся. Все было другим. Столик, скамейка, трепещущее на веревке белье. Занавески на окнах. Крыльцо. Стены. Нет, это был чужой дом. Но не зря же он пролетел полторы тысячи километров, проехал семьдесят на автобусе и четыре преодолел пешком.

– Вы кого-то ищете?

Иван Александрович обернулся. Перед ним стояла девочка-подросток: лет пятнадцать-шестнадцать. Светлые волосы заплетены в две тонкие косички, чуть вздернутый, обгоревший на солнце нос, едва заметные веснушки... Футболка с надписью «The Beatles», узкие джинсы, босоножки... Обычный тинэйджер, но глаза – грустные, большие, какие обычно рисуют куклам.

– Трудно сказать. Честно говоря, я уже нашел. Этот дом... Я здесь родился...

– Правда? Вы не шутите? Вы первый хозяин дома?

– Его построили мои родители. Вот, вернулся, чтобы увидеть родные пенаты. Но все так переменилось. А вы здесь давно живете?

– Лет десять. Папа перевелся в Заозерье, и мы въехали сюда. Вообще я всегда подозревала, что это дом непростой.

– В каком смысле?

– Необычный, особенный. Словно живой. И ставни по ночам скрипят, и половицы под ногой поют. И на чердаке что-то ухает.

– Знаешь, я в детстве представлял, что это не дом, а корабль. Нужно только зажмуриться, сильно захотеть – дом оторвется от земли и поплывет...

Музыкант смутился.

– Глупости, конечно. Маленький был, фантазировал...

– Так может, вы в дом пройдете? Я вас с мамой познакомлю. И потом, если вы надолго, то можете здесь поселиться, мы комнату сдаем. Кстати, меня Леной зовут.

– Иван Александрович...

Только сейчас путешественник почувствовал, как сильно устал. Захотелось перевести дух, он с радостью вошел в дом.

Мама Лены, Людмила Степановна, хозяйничала на кухне. Ей было лет сорок. Фигура женщины напоминала свечу, несколько оплывшую по краям. С дочерью мать роднило грустное вы-

ражение глаз, но с грустью мешалась еще и усталость, а может, разочарование...

Разговор получился бытовой и краткий. Иван Александрович принял предложение поселиться в доме, заплатил за два месяца вперед, поужинал, и прошел в комнату, которую ему отвели.

За окнами сгущались летние, ситцевые сумерки. Он остановился у окна. Задумался. Скрипач любил это время суток. Именно сумерки. Неуловимый, но неизбежный переход от дня к ночи, когда предметы становятся едва заметными. Ты все меньше зависишь от реальности, как это бывает в разгар дня, но еще не остался один на один с собой, как это бывает глубокой ночью. Душа словно плывет по какой-то странной дуге из прошлого в будущее, и от этого становится тепло на сердце, и ничуть не страшно. Приятно наблюдать, как предметы растворяются в подступающей темноте. Дыхание становится ровней, мысли отчетливее. Трудно описать вечер, как невозможно нарисовать грусть или нежность. Но можно сыграть.

Музыкант достал из футляра скрипку, вновь вернулся к окну. И заиграл, тихо, едва касаясь струн смычком. Для себя, а не для слушателей. Это был «Лунный свет» Дебюсси – вещь, которую он никогда не играл для других, вещь интимная, светлая. К старости он стал ужасно сентиментален. Но кто увидит, кто осудит его, растроганного тончайше выписанной мелодией француза?

Заозерские сумерки. Тихая музыка. Дом, где он родился.

2

Пришло утро, ослепительное, чистое. Словно и не было вчерашней меланхолии, нежного вечера... Словно бы ему опять (или все еще?) семнадцать лет: и этот, по-утреннему насыщенный, сладкий запах цветов, льющийся в окно, только усиливает впечатление. Что же снилось ему? Что-то завораживающее, приятное. Если бы не лай собаки, разбудивший Ивана Александровича, сон непременно отпечатался в памяти. Что-то из юности... Ах, да! – снилась девушка. (И это в его-то возрасте!) Будто бегут они по ромашковому полю, счастливые, молодые, влюбленные. Стрекозы, деревья, травы – все мелькает, меняется каждую секунду. Банальная пастораль, но кто бы отказался быть в центре такого сюжета?.. И вдруг – неприятный укол в сердце. Тревога. Тень, пробежавшая по лицу любимой. Скрипач оборачивается,

поднимает глаза к небу: тяжелая, бокастая туча закрывает солнце, стремительно приближается к ним, желая накрыть и этих двух, счастливых... Они же смеются, еще крепче держатся за руки, еще быстрее бегут туда, к спасительному ветвистому дереву. Оно укроет их от тучи, дождя, от всех неприятностей и тревог этого мира. Добежали? Нет, не помнит музыкант. Сторожевой пес прервал сновиденье. Но осталось ощущение этого легкого, с горчинкой счастья. Пусть оно не покидает его в течение дня. А день предстоял трудный, насыщенный...

3

Музыкант направился к калитке. Задержался на несколько секунд у тополя, затем решительно вышел за ограду и двинулся к центральной площади (раньше там был памятник вождю).

– Подождите, вы в центр?

Это был голос Лены. Иван Александрович обернулся.

– Да, Лена. Что случилось?

– Можно, я с вами? Мне надо... Город покажу. Вы ж у нас давно не были?

– Честно говоря, не хочется вас утруждать. Своих дел, наверно, невпроворот?

– Чепуха! Какие дела?.. Сейчас каникулы. И потом, если по-честному, мне кое-что спросить у вас нужно.

– Пойдемте. Вместе веселее. В самом деле, все очень изменилось.

Они долго бродили по городку, который стал районным центром, приосанился, вырос, повзрослел как-то.

А когда устали, зашли в парк и присели на скамейку под раскидистым кленом. Так что вы хотели у меня спросить? – начал музыкант.

– Это вы играли вчера вечером?.. Такая классная музыка. Только очень грустная. Я плакала.

– Да, вчера мне было неизъяснимо грустно. И я об этом рассказал. Вот вы слышали и поняли.

– Почему вам грустно?

– Трудно сказать... Вспоминал прожитую жизнь... Знаете, мне часто снится один страшный сон. Все вокруг пыльное, неподвижное, постаревшее. И воздух серый, плотный. Словно мы все в комнате, обитой войлоком. Глухие такие звуки. Кричишь, а тебя люди, стоящие рядом, едва слышат. Но главное – время

не движется. Я подумал, что мы ощущаем жизнь лишь потому, что тикают наши часики: вот будет обед, вечер, завтра... А когда этого ощущения нет, нет и жизни. Хотя ты дышишь, ходишь, говоришь. Жуткое чувство... Вы должны меня простить: в моем возрасте становишься очень впечатлительным. Радуешься мелочам, мимо которых прежде проходил, не заметив. Вот, например, тот косой луч на корнях дерева – разве не красиво? Или вот этот важный облезлый кот? Много всего... Бесконечно много. Например, вы не задумывались, почему взрослые так любят играть с детьми?

– Потому что сами были такими... Хотят в детство вернуться?

– Потому что мы хотим прикоснуться к волшебству, безвозвратно ушедшему от нас. А здесь вот оно – пожалуйста! Каждое дитя – маленькое чудо. Изумительные создания...

– У меня братишка маленький. Санька. Шесть лет. Паразит, вредный такой...

– Это бывает.

Музыкант улыбнулся, помолчал немного и продолжил:

– Или вот – мамы с колясками. Вы не замечали, что время для них течет по-особенному. Вокруг каждой такой прозрачный шар, воздушная сфера. Там, внутри время замедляется. Они с малышом живут в своем мире, в стороне от нас. Никуда не торопятся. У мам, по нашему мнению, странные заботы и печали: вот малыш не улыбается, а вот улыбается, но не вам. А где первый зубик? А почему маленький выплевывает соску? И если одна мама подходит к другой, сфера накрывает их обоих. И они общаются друг с другом в ином измерении.

– Я, кажется, вас понимаю. Когда моя мама Сашу кормила грудью, у нее всегда был такой странный взгляд, как будто она не с нами.

– А вот для меня время летит с невероятной скоростью. Я стараюсь запомнить, впитать как можно больше, хочу надышаться этой жизнью. Раньше я думал, что смысл ее в работе, точнее, в результате работы. Именно по делам оценивал жизнь.

– А сейчас?

– Сейчас мне важнее впечатления. Я, как японец, готов бесконечно, с умилением смотреть на реку, листья, облака... Облака тоже чудо... Этими впечатлениями живет моя душа.

– А люди? Ну, вокруг вас...

– Я слишком хорошо знаю себя, чтобы восхищаться другими. Именно люди сделали этот «лучший из миров» таким

несовершенным. Если бы вы, Леночка, знали, как мы слабы и неразумны.

– Значит, нужно все поменять... Разворошить эту мусорную кучу! Я вам открою один секрет. Только не выдавайте меня, ладно. Я об этом и хотела поговорить... Мой папа – дальнбойщик, и говорит нам всегда, что – в рейсе. А сам маме изменяет с одной уродиной. Как вы думаете, он достоин наказания?

– Лена, вы рассуждаете, как революционер-романтик. Мы же не можем бить палкой неверных мужей или родителей, которые издеваются над детьми, или чиновников, «поедающих дома вдов», или... А впрочем, все «или» не перечислишь...

– Значит, по-вашему, надо сдаться? Сидеть сложа ручки? Он же предатель. Это свинство!..

– «Спасись сам, и подле тебя спасется сто человек», – так, кажется, учат мудрецы. Мне в этой связи вспомнились «молчальники». Это монахи, которые добровольно дают обед молчания. Им же ругаться, драться да и судиться – не к лицу. А несовершенство этого мира ощущается такими людьми чрезвычайно остро. Вот они и молчат в знак протеста. Не видят другого выхода.

– Но ведь были всякие борцы с несправедливостью: Робин Гуд, Дубровский... Благородные, но могли и по морде дать, когда надо.

– Были, были... Вот мы с тобой про облака говорили. Я вспомнил, что у Цветаевой есть об этом стихотворение... Я прочитаю кусочек:

Нет! Вставший вал!
Пал – и пророк оправдан!
Раз – дался вал:
Целое море – на два!

Бо – род и грив
Шествие морем Чермным!
Нет! – се – Юдифь –
Голову Олоферна!

– Никогда не слышала. Непонятные стихи.

... Иван Александрович еще долго говорил о Марине Ивановне, рассказывал про Юдифь, совершившую убийство и тем спасшую свой народ. Лена была смущена. Мир из плоского и черно-белого вдруг превратился в радужный и противоречивый. Нельзя сказать, что она была этому особенно рада. Более всего не

давала покоя эта Юдифь. Прямо скажем, неординарная женщина, о которой, тем не менее, народ сложил восторженные песни.

На парк незаметно опустились сумерки. Ветер стих. Проклюнулись первые звезды. А старик и девушка все говорили и говорили...

4

Полипов проснулся от щекотки в носу. Открыл глаза и сразу зажмурился. Густое августовское утро вливалось в окно. Солнечные брызги были на дорогах обоях в цветочек, хрустальной люстре, изящном трюмо. Тут же беспокойно забилося сердце: проснулся-то в чужой квартире! Но, во-первых, у Люськи не было мужа, который мог вернуться из командировки, а во-вторых, для своих он был еще пару дней в рейсе. Так что два дня (и две ночи) холостой жизни были у него, как говорится, в кармане.

Он снова приоткрыл глаза, но теперь уже его взгляд устремился не на окно, а на пассию, сладко сопевшую слева. Ах, краля, вот это краля! Пройтись с такой по улице, мужики бы от зависти слюной истекли. Да нельзя. Женатый человек.

Но Люська и в самом деле была сейчас хороша. Раскинулась на диване – сдобная, мягкая, с каштановыми пышными кудрями, с кожей, не тронутой загаром. Французский запах ее подмышек кружил голову. Полипов сглотнул и перевел дыхание.

Рядом с ней он всегда чувствовал себя счастливым. Да и, чего греха таить, просыпалась в нем гордость – вот, мол, какая женщина меня желает. Его «внештатная жена» работала товароведом в овощном магазине. Была состоятельной, любвеобильной бабой, да и просто – яркой женщиной. Впрочем, и сам Полипов был не промах. И в семью денежки приносил, и на подарки любавушке оставалось.

Уняв сладкий приступ нахлынувшей нежности, Полипов осторожно, словно кот, выследивший мышку, наклонился над возлюбленной, поцеловал в сахарные уста. Нет ничего лучше, он знал по опыту, таких пробуждений. Словно всякий раз они с Люсей рвут яблоки с запретного дерева. И раз от разу они все слаще.

Люська сделала вид, что хочет спать, фыркнула, но потом сильно обхватила его за шею и притянула к себе. Так они барахтались еще часа два, потом вспомнили, что неплохо было бы и подкрепиться. Подуставшая в любовных баталиях боевая подруга накинула на себя легкий пеньюар и отправилась на кухню

варить кофе. Полипов, видно, еще не вышедший из роли кота, через минуту прокрался за ней. Его любава стояла у окна, вглядывалась вдаль. Что тебе «тургеневская дева»? У «кота» вновь участилось дыхание. Все ж как повезло! И красивая, и с душой. Романтичная натура – факт...

– Не, ты глянь, че делает. Мусор до бака донести лень. Бросил на тротуар и поперся как ни в чем не бывало, – зычно прокричала Люська, рассчитывая на то, что любовник все еще в спальне.

Идиллические настроения Полипова сошли на нет, но нахлынули новые чувства, даже более сильные. Приводила в восхищение, подавляла волю и разум энергия, исходившая от товароведа. Котяра подкрался и обнял свою кошечку за плечи. Она выскользнула из объятий и подошла к плите.

– Чуть кофе не упустила. Возвращайся в постель. Сегодня у нас праздничный завтрак.

– Почему праздничный?

– Полипов! Ты даже не представляешь, как тебе со мной повезло. Другая бы обиделась, что ты забыл. А я тут с утра у мартена, кофе варю. Сегодня, если хочешь знать, три года нашей совместной партизанской жизни.

– А я и не забыл, – соврал Полипов. – У меня и подарок имеется.

Он смотался в прихожую и вернулся с золотым кулоном, купленным, правда, для дочери. Но вопрос с подарком для Любы можно решить и позже.

– Ой, это мне? Спасибо, пупсик.

Своими ужимками она напомнила сейчас кинозвезду, которой вручают очередную награду. (Спасибо моей маме, брату, дяде... Хочу, чтоб был мир во всем мире... В общем, все в курсе...)

Они вернулись в постель и не спеша тянули кофе, курили, разговаривали.

– И многих ты привечаешь так в мое отсутствие? – задал Полипов вопрос, который мучил его уже давно.

– Ты сначала женись, а потом спрашивай.

– Да я так, шутя.

Полипов в самом деле испугался.

– Лучше бы за доченькой своей следил.

В глазах у любовника потемнело.

– Ты чего это? – начал он, заикаясь. – Ты мою дочь не трогай. Она у меня отличница. И теннисом занимается... этим... настольным.

– Уж не знаю, каким она там теннисом занимается. А соседи поговаривают, что бой-френд у нее завелся.

– А, так это нормально. Я считаю, пора. А что, охламон какой?

– Да нет. Наоборот. Благообразный такой... старичок.

– Ты с печки упала, Люська? Чё городишь?

– А ты жизнью отличницы-то поинтересуйся, так сам все узнаешь. Каждый день в парке гуляют. Он ей «ля-ля-ля», на скрипочке там, шуры-муры. А она прям тает, улыбается, цветет вся. Я сама не видела, а соседки сколько раз видали.

– Так чё? Он же старый. Это квартирант наш, музыкант какой-то... Вроде, известный.

– А ты «Лолиту» читал? Эти старпёры самые опасные и есть. Охмурит девку и смоеся. А та в интересном положении...

– В каком?

– Дубина. Опозоренная будет на всю жизнь. Так что притча ты теперь... во языцех. Понял, нет?

– Ага. Ты это, не выражайся тут. Завтра меня жди. Я этого музыканта «пробить» должен. Все. Побежал.

Полипов, не помня себя, оделся, схватил пиджак и бросился вон из квартиры. Оказывается, дочь он любил сильнее Люськи.

5

Полипов охотился всегда, сколько себя помнил. Сначала – когда играли в казаков-разбойников, потом – на мелкую дичь, а в зрелом возрасте и на лося, и на кабана ходил. На женщин он тоже охотился. Его донжуанский список был весьма значительным. Охота – это ведь очень личное, можно сказать, интимное дело.

И вот снова пришло такое время. Но вместо привычного азарта было чувство тревоги, страха. Не за себя, за дочку. Как маньяк со стажем, он просидел в кустах парка до самого вечера. Но все же дождался. Пришла его Леночка. И не одна, как и предсказано было...

Сели они на лавочку, стали беседовать. Он что-то с жаром рассказывает, она внимательно слушает, то хмурится, то улыбается. Иногда спрашивает или возражает. Вроде, все чинно-благородно. И пора бы сердцу папашки успокоиться, но тут, продолжая говорить, музыкантишка провел рукой по волосам девушки, убрал челку. Благородный гнев ослепил Полипова. «Ах ты, старый развратник! Я тебе устрою балет „Щелкунчик“! Ты у меня на скри-

почке поиграешь...» Он хотел уже вырваться из кустов и геройски поразить врага, но передумал. Появилась идея получше...

Были у него знакомые отморозки, которым он как-то помог починить мотоцикл. Стало быть, должны ему эти ребята. Сегодня, похоже, такой день, когда раздаются долги.

Полипов нашел ребят в гараже. Малолетки курили травку. Дым стоял – хоть топор вешай. И в этой дымовой завесе оскорбленный папашка с трудом разглядел Ваську Рябого, жожака стаи. Этот Рябой курил, похоже, дольше других, поэтому был и не «рябой» вовсе, а какой-то синеватый. Кроме того, при разговоре все время мерзко так хихикал. Полипов подавил отвращение к дегенерату и заговорил прямо о деле, поскольку дышать в гараже было трудно. Договорились обо всем, как ни странно, быстро... Пришлось подбросить волчатам денег.

Полипов вернулся к любовнице после полуночи. Люська уже бодро храпела. Полипов лег рядышком, но часа два еще ворочался, просчитывал варианты. Хотя, вроде бы, милиции зацепиться было не за что. Напали подонки, помутузили старичка, часы забрали. С кем не бывает. И разбираться никто не будет. А старперу урок... После такого он обязательно уедет. И овцы целы, и волки... Волчата, точнее... Какие волчата?.. Все, спать...

6

Хоронили Ивана Александровича в своем родном городке без особых почестей. Круг замкнулся. Он умер там, где родился. Фаталисты видели в этом перст судьбы, фарисеи тихонько вздыхали, атеисты были, как всегда, слепы. Однако на серьезный лад им всем мешала настроиться одна жалкая, но неотступная мысль: «Хорошо, что не я... Все там будем, но не сегодня. Потом». Стыдная радость согревала сердца немногих собравшихся «проводить музыканта».

Вышли в 12.00. Гроб нес Полипов с двумя товарищами и тот самый «землистый» человек, который первым встретил музыканта на родной земле. И если первые трое чувствовали себя лишними и хотели скорее отделаться от своей ноши, то наш знакомый пропойца (сегодня, по случаю, трезвый) был действительно кстати, поскольку все мы, как известно, – из земли и в землю уйдем. Лена шла в сторонке и незаметно вытирала слезы, чем приводила Полипова в бешенство.

Пошел мелкий дождик, тоже кстати. Чуть слышно перешептываясь с листьями, он проводил людей до окраины и затих. Время тоже замерло. Это было видно по облакам, которые грузно висели над городом. Серый, густой воздух был тих и неподвижен.

7

Полипов проснулся от чувства, что на него кто-то пристально смотрит. В утренних сумерках он разглядел невысокую сутулую фигуру. «Музыкант вернулся отомстить», – было первой шальной мыслью. Он пошарил в темноте и торопливо включил торшер. Перед ним босая, в ночной рубашке стояла Леночка. В руке дочери был столовый нож.

– Лена, что случилось? Это же я, твой папа. Иди спать.

Полипов слышал, что есть такая болезнь – «сомнамбулизм»...

– Лена, иди спать, – словно гипнотизер, произнес Полипов.

– Это ты!.. Мне пацаны сказали. Это ты его убил, – сквозь зубы процедила дочь.

– Кого? Бредишь? Я сказал: «Спать!»

Поначалу тихий голос Полипова вдруг окреп. Папаша справился с волнением и уже контролировал происходящее.

– Ты погубил Ивана Александровича, – закричала дочь.
– Сволочь!.. Убью...

– Ах ты...

Резко, наотмашь он ударил дочь по лицу. Не рассчитал. Лена отлетела в угол. Нож зазвенел под шкаф. Проснулась мать. Ничего не понимая, она, как сова, таращилась на домочадцев.

8

К утру у Лены поднялась температура под сорок. Ее увези на «Скорой» в больницу. Стали пичкать антибиотиками. Постепенно дело пошло на поправку. Но вот беда – она уже не отвечала ни на вопросы следователя, ни на уговоры матери, ни на угрозы отца. Говорят, с тех пор она вообще не произнесла ни слова. Одним словом, дурочка...

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА

*А*лександра Лазарева родилась в зауральской деревне Озеро-Вавилово Катайского района Курганской области. После школы в 1977 году поступила в Шадринский государственный педагогический институт, который окончила в 1981 году. Вышла замуж и уехала в г. Сургут. Работала учителем русского языка и литературы в средней школе, воспитателем в детском саду, заведующей школьной библиотекой. Живёт в Сургуте.

В 2000 году вышла в свет первая книга Александры Лазаревой «Облака детства». В 2007 году – пятый сборник «Ошиблась кукушка». Основная тема всех работ – родная деревня, земляки. Стихи автора печатались в альманахах Санкт-Петербурга и Тюмени, в газете «Литературная Россия», в журналах «Югра» (Ханты-Мансийск), «Полярная сова» (Сургут), периодических изданиях Сургута. Александра Лазарева – лауреат премии открытого творческого конкурса «Звезда полей», посвящённого 65-летию со дня рождения русского поэта Николая Рубцова, лауреат окружного конкурса «Семья года» (2006).

ИВАН И ФЁДОР ИВАНОВИЧ

Иван Гоголин считался во всей деревне самым надёжным парнем. Он и в семье был хорошим помощником, и в совхозе никто никогда не жаловался на него. Какое бы дело не поручил ему бригадир, мог быть уверен – Иван не подведёт и обязательно выполнит в срок, будь то поле с пшеницей, которую надо было молотить, или совхозный покос, что намечено выкосить в первую очередь. Иван не просто делал всё в срок, но делал это хорошо, с полной ответственностью за порученное дело.

Поле «на Архиповой полосе» было небольшое, и скосить-то его можно было легко и быстро. Да только через каждый квадратный метр то ямка, то кустик. А на неповоротливом комбайне СХД-5, не так-то просто было вырулить, объехать. Эта изнурительная работа выматывала, требовала много внимания и физических сил. После такой работы Иван, подъезжая вечером к дому, чувствовал такую усталость, что и говорить не хотелось, не то, что решать какие-то вопросы. И сегодня, в сотый раз вспоминая всю дневную работу, мечтал только о том, чтобы скорее снять сапоги, да присесть на крылечко. Но уже возле дома как из-под земли выскочил сосед – Фёдор Иванович, местный дед Щукарь лет семидесяти. Откуда он взялся в деревне, никто не знал. Да не просто появился, а присватался к бабушке Любаве. Бойкая, говорливая старушка, она, казалось, сразу помолодела лет на десять. Встретились они случайно или сосватал кто, было неизвестно. Только эти два одиночества жили уже не один год. А в деревне кто с иронией, а кто с пониманием судачили об этом известии.

– Вот неуёмная старуха, под старость лет работника себе наняла! – цинично шипели одни.

– Молодец, бабушка, самой уж почти семьдесят, а она замуж собралась! – без злости усмехались другие.

А дед и бабка словно не слышали этих разговоров, не обращали на них никакого внимания. Люди поговорили-поговорили, да и забыли о них. Лишь изредка, когда дед выкидывал что-то чудное, снова начинали судачить. Был случай, когда деда искушали собственные пчёлы, и он появился в сельмаге с опухшими от укусов щеками. Тогда у него всё выпытывали, не Любава ли огрела его ухватом.

Никто никогда не называл деда по фамилии. Да и не знали люди его фамилии-то, все звали просто Фёдор Иванович или

Любавин старик. Смешной старикан, с длинной, седой бородкой, чем-то похожий на старика Хоттабыча из сказки, он был и уморителен, и одинаково навязчив. Вот и Ивана он доставал уже несколько дней с просьбой выкосить покос за болотом, у Суварыша. Несколько дней Иван отказывался, находил всякие причины. Иной раз они были на самом деле уважительные. А сегодня разговаривать на эту тему не хотелось совсем. И чтобы скорее отвязаться от деда, Иван пообещал завтра, после Архиповой полосы помочь старику. Довольный результатом, дед ушёл докладывать своей Любаве.

Но следующий день спутал все планы и у Ивана, и у деда. С утра уже было видно, что погода не обещает никакой возможности косить ни на Архиповой полосе, ни у Суварыша. Первая половина дня, однако, была только мрачной, а уже после обеда начал моросить нудный августовский дождичек. Разочарованный, Иван ехал домой. Ещё не въехав в деревню, у ровка, он увидел деда. Тот сидел под могучим тополем и явно ждал Ивана. Комбайнёр остановился, почтительно слез с комбайна, подошёл к деду.

– Дак чё, Иванко, поедем, чё ли, на Суварыш-от? – опередил дед слова Ивана.

– Дед, ты видишь, моросит, какая тебе косьба? Тесно там, на твоём-то покосе, да по мокрети-то вовсе не развернуться мне на комбайне-то. Если б хоть на «Беларусике», можно бы ещё.

– Да ты чё, парень? Эть мы с тобой договорились! Я эть и Любаве уж сказал, что выкосим! Ты бы не сулилса, дак я бы, может, другова кого нашёл!

– Нет, дед, не обижайся, не поеду я сёдни, – упорствовал Иван.

– Конечно, я старой, да немощной, тебе нечем отплатить не могу, дак ты и можешь отказать мне, – захныкал старик. А вот ежели бы твоим родителям так отказали, как бы ты на его посмотрел?

Иван уважал своих родителей и упоминание о них, слова деда, подкупили его, и это поставило точку в его сопротивлении непонимающему соседу.

– Ладно, дед, садись, поехали! – скомандовал комбайнёр.

Дед с юношеской готовностью бойко залез на ступеньки ковраля полей. Но его планам не суждено было сбыться. Чем ближе подъезжали к покосу, тем больше была размыта дорога и поле. Уставший, рассерженный и на себя, и на деда Иван, прибавил

комбайну скорости. При всей невозможности косьбы он, однако, понимал, что деда не унять. И, отчаявшись, решился на крайнюю меру. Он круто развернул комбайн и приказал деду:

– Слезай!

А когда дед слез, Иван также бойко, на той же скорости развернулся и погнал обратно, в деревню, оставив деда на покосе.

Отец Ивана, Владимир, сидел у створки, когда мимо проходил подмоченный Любавин старик. Увидев Владимира, дед затряс в руке бадожком и прорычал:

– Я думал, Ванька-то у тебя хорошей, а Ванька-та у тебя дурак, дурак!

Владимир не мог стерпеть такого наговора на любимого сына и разразился многоэтажным возражением. Струсив, дед бросился бежать, но на бегу, оборачиваясь, не переставал кричать:

– А Ванька-та у тебя дурак, дурак!

С того момента прошло несколько дней. Погода наладилась уже на следующий день. Как-то ранним утром к деду забежала соседка-свояченица Гутя.

– Чё, дед, не идёшь сено-то грести? Давеча Тамара сказывала – высохло оно.

– Како тако сено? – возмутился Фёдор Иванович.

– Да у Суварыша-то. Вечор, говорит Тамара, проезжала на лошади, дак видала. Уж больно хорошо ноне там у тебя сенцо-то. Голимой клевер.

– Да хто мне его выкосил? – дед никак не мог поверить в чудо.

– Да, говорят, Иванко Гоголин, по собственному желанию, опосля работы. Ишшо неделю назад. Как раз с того дня и стоит ведро-то.

ЮРИЙ МИНЕРАЛОВ

*Ю*рий Иванович Минералов – поэт и учёный, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Союза писателей России. Родился 30 мая 1948 года в селе Сухая Калигорка на Украине. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1987 года работает в Литературном институте им. А.М. Горького, руководит кафедрой русской классической литературы и славистики. Автор книг лирики «Эмайги», «Красный иноходец», «Хроники пасмурной Терры», «О, солнце моё!», а также литературоведческих исследований «Поэзия. Поэтика. Поэт», «Так говорила держава. XX век и русская песня», «Теория художественной словесности» и учебников «История русской словесности XVIII века», «История русской литературы (90-ые годы XX века)», «История русской литературы XX века (1900–1920-е годы)» (в соавторстве с И.Г. Минераловой). Юрий Иванович неоднократно бывал в Сургуте. Он был руководителем творческих семинаров начинающих литераторов Сургута, вёл курсы повышения квалификации сургутских учителей-словесников, выступал перед сургутскими писателями. Ю.И. Минералов – желанный гость альманаха «Сургут литературный».

ПО РУСИ

Полтава

Кто лошадь гонит ночью черной,
и в мутной голове гопад?
Кто этот парубок моторный
и хлопец хоть куды козак?
Усы расхристаны. Не рыцарь,
а проигравшийся игрок.
В полон к москалям или скрыться
заложник лошадиных ног.
Не гетман – всё, конец интриг!
Не воин – хочет жить старик.

Но отчего петляет заяц?
Каких он понаделал бед?
...То не потоп Украину залил –
нахлынул белобрысый швед.
Швед, русский сведаться готовы.
Что ж гетман? перешел к врагам.
Но Петр не дал изведать вам,
сладки ль варяжские оковы:
палят редуты, бой кипит,
на помощь Меншиков спешит...

И тишь настала вековая.
Могилы братские в цветах.
Но бой Полтавский не стихает –
анафема гремит в церквах.
Все видит Бог,
и к Высшей цели
вселенна далее летит.
Вот снова пушки загремели,
фашист нахлынул – был разбит.
Рек русич: спас и вновь
спасу славянский мир,
Европу всю!

Предатель – он всегда предатель.
 Но кто б гордыню превозмог?!
 И, видим, к юбилейной дате
 политик возомнил: «Я бог!»
 Нехай! наиздавай указов.
 Волков переодень в овец.
 И стал монах – из ловеласа.
 А прокаженный – красавец.
 Изменник – именинник:
 он в герои перевоплощен!

Людей несложно облапошить –
 психоз, майдан да демагог...
 Оскаля рот, гогочет лошадь.
 Смешно и страшно, видит Бог!
 ...Рессоры лязгнули состава.
 Сейчас он на Москву уйдет.
 И слово плавное «Полтава»
 для русских в прошлое плывет.
 Россия в наши дни не рай,
 но этот край – как мертвый край.

Пропали аисты да хаты.
 Но избы есть и журавли.
 На север, поезд мой крылатый!
 Там дым отечества вдали.
 Мы не Украину теряем,
 а Русь живую обретём.
 Русь не идет служить тиранам
 под иноземным батожьем.
 А мастерам под НАТО лечь
 в аду всегда готова печь.

Некрасов

Языком побеждая в газетах,
 уповая на пряник и кнут,
 те стратеги в густых эполетах
 до потопа страну доведут.
 Если варваров орды нахлынут,

вся компания вмиг удерет
кой-куда в субтропический климат
и заляжет на дно... А народ?!
А народ все поймет, помирая
в круговерти бесовской навек.
Ибо лодочка деда Мазая –
это слабый и утлый ковчег.

Вот как Муза грядущее чует!
И на сердце лежит непокой
у просторов российского чуда
над незжатою полосой.

Песня старого студента

Нет, филологи – гусары!
Все мы метили в Париж –
из «Славянского базара»
в мир мансард и острых крыш!

Языки учили, жили.
Споры, дыбом волоса...
Наши взрослыебутыли,
полудетские глаза.

МГУ мой баснословный,
все народы всех сторон!
Но любой толстовским словом
околдован, полонён.

Даже в царствах тридевятых
знали достоевский-мо!
Вольный дух шестидесятых:
Битвы, Лотман, эскимо!

Нынче серо, хоть крикливо.
«Креативные» умы,
да без пенного разлива.
Вспомним же, как жили мы!

Опорожнены амфоры.
Гениален каждый стих.
Наши Ленинские горы:
мы – бессмертные на них!

* * *

Стоят костелы вполоборота.
Старая крепость не наша очень.
Уж не податься ли в гугеноты
Варфоломеевскою ночью?
А там, за пропастью, храм православный.
Перелетел бы, да где вы, крылья!
Только глазами. Точно вулканы,
огни ночные гору покрыли.
Водовороты, каньон и скалы.
Говор еврейский, турецкий, польский.
Город на склонах, мир небывалый.
Короче, Каменец-Подольский.

На осаду ворот Хотина

Вот стою у Бендерских ворот Хотина.
Ломоносов тут не был, а я – довелось.
Здесь была рукопашная кутерьма.
Росс ударил, и турку сдаваться пришлось.

И вповал полегли вековые дубы.
Вековое течение Днестр изменил.
И Георгий Победный, и конь на дыбы,
и Везувий извергся, и мир наступил.

Летаргический сон эти стены объял...
У закрытых ворот проторчали полдня.
И с кокардой бандеровской ходит амбал,
охраняя твердыню – видать, от меня.

Сергий

Туман загустел. Ну и ночь. Пробирались к Москве.
А на Переславль так и прут корпулентные фуры.
как буран вихревой, до Батыея домчался Евпатий.
Воин Старой Рязани, погибшей за нас над Окой.

И девятого мая, когда победила отвага,
когда русский по стенам размазал фашистскую дрянь,
парень с ликом Евпатия стал у руины Рейхстага
и солдатским штыком написал: «Это вам за Рязань».

Спас-Клепики

Кругом сосновые боры –
мне так почти тайга.
В них проживают бодро все,
даже баба-яга.

Каши в печи не сваришь –
но хоть дымку вкусить.
Щуки в реке, поймай лишь,
просят их отпустить.

А на улице мальчик глазастый –
видно, семинарист.
Боже, неужто... Здравствуй!
Золот сентябрьский лист.

Сколь ни пройди столетий,
нас он живых перенес
через эпоху бестий,
русский поэт-колосс.

Казённый кошт и одёжа.
Порядок, что в церкви, строг.
Учился юный Сережа,
будущий педагог.

Спас-Клепики – это Мещёра.
Вечного времени ход.
Матёрая фауна, флора.
А всё тут лишь им живет.

* * *

Нет, говори об этом в твёрдой манере!
Что за мужчина, если бы ямбом ныл!
С этим всё было ясно уже при Гомере.
Это Катулл оплакал и тему закрыл.

Это порой нелепо, без этого пусто.
Это кончали дуэлью, даже войной.
Не повторяй о них то, что плёл Заратустра:
женщин возненавидит только больной.

Не отступай, за них бой начиная!
Слово их «нет», смысл его — «да», главное взгляд.
Мы их всегда, пусть и слегка, себе сочиняем.
Но мы мужчины, мы их стена, хотят — не хотят.

Зимний путь

Глянь-ка: родник из-под снега опять
вздрагивая, поёт...
Кстати ли женщину умолять?
Сделает наоборот!

Поршень серебряный ходит в снегу
весело бьет родник...
Сосны-снегурочки... О, не могу!
Жизнь – это проще книг.

Он захотел своей светлой реки –
и он сольется с рекой...
Женщине нравится, кто вопреки,
кто ей нарушит покой.

Что ж, побегу к моей речке-реке!
В терем к любимой вбегу.
Властно и нежно ей в уголке
шубку снимать помогу.

* * *

Я жду столько длинных минут.
Вошла, недоступна, как гостья...
О, женщина – как ей идут
и кружево, и лохмотья!

Из них твое тело поёт.
Они красоте не барьеры.
И всё же художник сорвёт
всё лишнее с тела Венеры.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

*Н*иколай Васильевич Денисов родился 9 ноября 1943 года в многодетной крестьянской семье в селе Окунёво Бердюжского района Тюменской области. После учебы в Окунёвской, Уктузской и Бердюжской школах был разнорабочим в совхозе, рыбаком на Тобольском рыбзаводе, окончив сельское профтехучилище — трактористом. Служил в Военно-морском флоте. Во время воинской службы поступил в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Окончил заочно в 1971 году. Работал корреспондентом в газетах, матросом, кок-поваром, механиком на судах каботажного и дальнего плавания. Побывал во многих портах мира, пройдя все океаны планеты.

Писать стихи и публиковаться начал в школьные годы. Первый сборник стихов «Проводы» вышел в Тюмени в 1970 году. Затем выходили сборники стихов в Екатеринбурге и Москве. В 1975 году по рекомендации Всесоюзного совещания молодых писателей был принят в члены Союза писателей СССР. В последующие годы писал и прозу — документальную, художественную. Печатался в отечественных и зарубежных журналах. В активе писателя более двадцати книг стихов, прозы, публицистики.

С создания газеты «Тюмень литературная» в 1972 году Николай Денисов является её бессменным главным редактором.

В настоящее время — председатель Тюменской областной писательской организации, секретарь Правления Союза писате-

лей России, Почетный гражданин Бердюжского района Тюменской области.

Н.В. Денисов – желанный гость альманаха «Сургут литературный».

РУССКИЕ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Краснов из Черлака

По спиралеобразной узкой дороге, прижимаясь к отвесным скалам и глино-земляным, пересеченным, старым асфальтом, склонам, как всюду, увитых узловатыми «веревками» лиан, лезем и лезем на верхотуру горы. От прошедшего тропического ливня и все еще низко гуляющих туч в ущельях горного плато и за «бортом» автомобиля – сумрачно и прохладно. Сумрак этот усиливают раскидистые, нависающие над дорогой, деревья, с листвы и ветвей которых на лобовое стекло поляковского «фольфсвагена» густо падают капли усталой влаги. Работающие щетки на лобовом стекле машины успевают их смахивать и держать сегмент обзора для водителя в пристойном порядке.

Десятилетний Ваня, он на переднем сидении, рядом с отцом, что за баранкой машины, монотонно шелестит пакетом сухпродуктов, постоянными и любимыми своими американскими «сладостями». Мне же, на заднем сидении, приходится только томиться от невозможности (чтоб друзья не угорели!) вольготно полыхать, тоже неизменной и «сладкой» сигаретой, потому набираюсь терпения, жду, когда ж достигнем цели.

Цель эта – высокогорное имение приятеля Полякова, эмигранта из новорусской кагорты современных конкистадоров, Серёги Краснова, куда и держим мы этот предвечерний, сумеречный и, наверное, небезопасный путь, укутанный рваной мрачностью еще гуляющих по небу ливневых туч.

Краснов, знаю вкратце от Полякова, до эмиграции, а по выражению Михаила, «бегства из Москвы», в советское время шоферил в Звездном городке, возил на автобусе космонавтов. В годы перестройки занялся разливом водки из контрабандного спирта, к тому же имел в своем владении в столице и окрест неё сорок автомобилей разных марок. Не то прогорел, не то «дело пошло не так как хотелось». (Лексика Полякова). Несколько лет

назад, по совету братвы из московской мафии, «махнул» в Венесуэлу. Да не с пустыми руками. Привез в огромном морском контейнере не только домашнее имущество, но и оборудование для ремонта машин, сборный панельный дом и прочую хозяйственную мелочь в виде инструментов и пиломатериалов из добротной сибирской сосны.

Осел здесь, вблизи Каракаса, на участке приобретенной им в собственность горы, высота которой полторы тысячи метров над уровнем Карибского моря. Теперь вот, как говорит Миша, медленно обустраивается. А по первости, по словам Михаила, заняв энную сумму долларов у русских, у Полякова в том числе, купил оборудование горных старателей, пытался заниматься разработкой золотоносного участка, на юге страны, вблизи реки Ориноко. Прогорел. Не сработали на чужой стороне навыки, наработки перестроенных лет в России, так скажем, квалификация. К тому же – похоронил в южно-американской земле сына, совсем молоденького парня, сердечника с детства, которому не пошел – с его оперированным сердцем – местный климат. Похоронил, и как бы «привязал» себя к Венесуэле. Построил затем вкупе с одним милицейским, еще не отставным, генералом из той же криминальной, то и дело стреляющей Москвы фабрику (фабричку) для производства сибирских пельменей. Нашелся специалист, Саша-пельменьщик, работавший когда-то в волгоградском ресторане.

Но и это «дело» не пошло. К русским пельменям местные черненькие и смуглокожие не «привышны», как оказалось.

Бывший сибиряк, Краснов, он из омских мест, из Черлака, что стоит на легендарном Иртыше, воспетым когда-то его земляком – прекрасным, яростным поэтом Павлом Васильевым, прикидывал пельменное дело на Караибских морских берегах, видимо, на свой сибирский аршин. То есть?! При морозе да после долгого метельного пути, здоровым сибирякам только подавай пельмешки – с пылу, с жару, с горчицей, с перчиком, с бульоном, с лавровым листом. Мечет их сибиряк, перекрестясь на иконы, за милую душу! Ах, какой народ! Не знаю, вспоминал ли Краснов строки о нем своего знаменитого земляка, нянча в бизнесменской своей голове, казалось бы, прибыльное дело:

Люди верою не убоги,
Люди праведны у Черлака,
И Черлак
На церквах, на бже
И на вере стоит пока.

Он, как прежде, себе хозяин –
До звезды от прежних орлов.
И по-прежнему охраняем
Долгим гулом колоколов.

Славя крест, имущество славя,
Проклиная безверья срам,
Волны медные православья
Тяжко катятся по вечерам.

Он стоит, Черлак,
И закаты
По-над ним киргизских кровей.
Крепко сшили купцы когда-то
Юбки каменные церквей...

Да, понятно, откуда эта «жилка» – в черлакском мужике! Но тут, как сказано выше, жилка эта не сработала... Саша-пельменщик тотчас исчез в неизвестном направлении. Милицейский генерал не растерялся, приобрел в пригородной горной части Каракаса замечательную, просторную виллу на свою скромную московскую зарплату, куда приезжает в эти «лохматые» и всклокоченный в России годы, на «заслуженный» от беспокойных милицейских трудов отдых – всем обширным семейством. Каждое лето.

Поляков, следя за дорогой, продолжает живописать про отважных пельменщиков, авантюрных добытчиков золота, бриллиантов и ремонтников машин.

– Заниматься пельменями, да, дорогой Николая, была вчистую идея Серёги. Угрохали большие средства, а пельмени даже на презентации, которую организовали мы вместе в одном из просторных залов Министерства венесуэльского спорта, «не пошли» в народ!

Потом у Сереги опять возникла идея по промывке золотоносного песка. Как раз объявился человек из Прибалтики – Гинтерес, литовец, который тут уже несколько лет жил и все порывался самостоятельно мыть золотой песок возле большой реки Ориноко. Сошлись – Гинтерес, Пашка-артист и Серега. Генерала отключили. Он не знал об этом золоте и, наверное, никогда не узнает. Ну – поехали. Гинтерес за старшего. Серега за механика. Пашка-артист за рабочего. Завезли технику. Взяли на пять лет в аренду участок земли у одного местного хозяина-землевладельца.

ца. Как дело пошло? А никак, Николя. Сегодня заехали на участок, назавтра технику арестовали. Кто? Государственные чиновники. Подали старатели – в суд, суд выиграла. А на следующий день другой суд снова арестовал технику на несколько месяцев. Такая тут очень прогрессивная судебная система в стране... Ну и какие тут дела по добыче золотишка? А никакие. Все переругались. И на этом дело закончилось...

Мне пришлось долго с Гинтересом этим разговаривать, чтоб они прекратили свару, наладили отношения, в надежде, может быть, в будущем вернуться к идее добычи золота. Помирились они с Серегой. Ну, а Пашку – отключили. Зато Пашка нынче лучший друг индейцев в том золотоносном индейском крае. Как окончивший институт культуры в России, получил он правительственную должность, отвечает за развитие национальной культуры полудиких индейских племен. Правда, с той поры я Пашку не видел. Слышал от Сергея, что он был бы рад забросить культурную работу, вернуться к добыче золота на той же территории. Ну, уж если ни к самой добыче, так, может быть, как-то достойно помогать в этом заманчивом деле Сереге. Скушает Пашка во властных структурах. Пашка – артист. А, надо заметить, что положение у Пашки или у кого другого из белокожих в тех краях пиковое, малонадежное: сегодня ты живой, а завтра индейцы могут тебя отравленной стрелой «замочить», голову отрезать, на кол насадить, а самого зажарить на вертеле и этак банальненько съесть...

Миновав очередной «курва нелигроса» – опасный поворот (все курвы – опасны, как говорит мой крестный Волков), тормозим у железных ворот. Раскрутив запор из проволоки, сразу, на первой скорости, упорно лезем крутым подъемом вверх. Попадаем наконец на плоскую площадку обширного двора со строениями, кустами, похожими на сибирский шиповник, гранатовыми деревьями и встретившими нас, вяло помахивающими хвостами, крупными псами, напоминающими.

Кролики шустро возились в тесноватой, из сетки рабицы и деревянных брусков, заперти и нахально пускали из-под хвостов струи в интересующихся их обитанием собак, что вертелись тут же, на что хозяйка заметила, мол, собаки больные, приходится их лечить, покупать дорогие лекарства. Жалко, если погибнут. Приходил, мол, тут один доктор-ветеринар. Ставил уколы, но животным стало хуже, почти обезножили. От услуг смуглолицего ветеринара-эскулапа пришлось отказаться...

Потом оказываемся в хорошо обустроенном предбаннике-прихожей, в отделанном вагонкой помещении, пахнущим сосновым бором. Понимаю, из русского, но здесь о-о-чень ненадежного стройматериала из сосны сделано жилище, ряд дверей которого ведут не только в жилую – спальную половину, но и в душевую, туалет, сауну. Конечно ж, вижу наглядно, золотые руки у Сергея Краснова. Моего земляка.

Сам же он, угощая нас кофе, и к моей радости закуривая и водружая рядом с кофейным прибором вместительную хрустальную пепельницу, по началу неохотно, а потом все просторней откликается на естественные вопросы о житье-бытье. И такая вот вышла у нас эта беседа. Не беседа даже, а просторный монолог сибиряка:

– Как оказался я на этой горе?.. Скажу так: раньше в СССР многие родители хотели и даже мечтали о том, чтоб все их дети не оставались жить там, где жили они. Старались, чтоб дети уехали в город, хотели более лучшей жизни для своих отпрысков. Конечно, многие не понимали, что человек, отрываясь от родного места, отрывается не только физически, но и энергетически. И для того, чтобы человеку найти новую энергию, нужно стараться и много трудиться... Так и мне пришлось. Сначала после школы уехал в Ленинград, хотел поступить в физкультурный институт. Я очень неплохо играл в хоккей. В четырнадцатилетнем возрасте приглашали играть даже в Воскресенский «Химик» (команду мастеров), но тренер не пустил. Рассказал мне сказку, что там все плохо, со мной будут наплеватьски обращаться. Понятно, ему не хотелось терять хорошего игрока...

Но я уехал. В Ленинграде один знакомый устроил учиться на фрезеровщика на завод «Электросила». Работал. Спорт не бросал. Попал в команду ленинградского СКА. Какое-то время с самим Касатоновым катался. А потом ушел в армию. Служил рядом с Москвой. На чкаловском аэродроме. Словом, в авиации.

Через два года, день в день, сверхсрочником-водителем попал в Звездный космический городок. Еще на два года. Вozил венгров, французов, монгол, румын. Со всеми, кто готовился к полетам в космос, общался... Из наших? Самый большой мой друг остался и по сегодня – это космонавт Юрий Николаевич Глазков. Из летавших. Впрочем, первую сотню космонавтов я знал наизусть...

К увольнению из армии со сверхсрочной я был уже женат. Надо было где-то обосновываться самостоятельно. Жить у роди-

телей жены не хотелось. Устроился в военный совхоз, подчинявшийся непосредственно Министерству обороны. Быстро дали квартиру, быстро родились дети. И пошло-поехало.

А потом – перестройка. Занялся бизнесом. Сначала автомобильным. А потом пошел работать на завод переработки мяса в Щелковском районе. Хороший район. А потом мне предложили организовать водочный завод. Было это в 93-м году. Проработал на водке до 98-го. До дефолта. Потеряли всё! И завод, и деньги, которые были в обороте.

Водочный бизнес тогда на 98 процентов облагали налогами. Оставалось предпринимателю два процента. Попробуй на эти деньги производство поднять! И – всё, короче...

Про Венесуэлу я и не знал. Рассказали. Сказали, что здесь 12 месяцев в году лето. Всё спокойно. Полиция ведет праздный образ жизни. Приехал на «экскурсию», посмотрел. Красивая страна. Действительно. Люди здесь добрые. Охотно вступают в контакт. Все улыбаются. Ты все это принимаешь в начале за чистую монету. И не думаешь – обманут тебя или не обманут? Венесуэла по международному рейтингу счастливых людей – на первом месте в мире! Венесуэльцы самые счастливые люди на земле потому, как я потом понял, что у них башка ни о чем не болит. Если у кого в кармане сегодня есть десять тысяч боливаров, то это хорошо. Три года назад на десять тысяч боливаров можно было семью накормить.

Приехал со скарбом, семьей, стал осматриваться, чем заняться. Спасибо Богу, что я привез с собой весь инструмент для ремонта автомобилей. Купил ангар большой. Еще сидя в Москве, оплатил это место. Пятьсот квадратных ангар, дом, земля и – чистейший родник из горы бьет, весело журча.

Вообще-то я больше и нацеливался – еще в России – на этот родник! Намеревался прибыльно разливать воду. Ведь 12 месяцев в году люди пьют не только местный ром и пиво, но и обычную воду, утоляя жажду на жаре. А тут столько воды из родника изливается только в одни сутки! Неважно, что есть конкуренция. Она есть везде. Когда мы выходили на рынок с водкой, в Московской области было 96 заводов водочных зарегистрировано. И мы успешно вписались в русский рынок со своей продукцией – «Корона Российской империи» и «Шапка Мономаха». Обманул дефолт...

И здесь обманули. Кто? Свои, русские. Украли деньги. Я думал, что и здесь, как в России, как среди моих близких компань-

онов и друзей по бизнесу, все на доверии. На СЛОВЕ. Слово – это слово. Это сейчас внедрили бумажки – договора, контракты. А раньше – СЛОВО и каждый человек из бизнеса должен был за слово ответить! Даже головой своей. Ответить! Люди, которые не умели держать слово, просто выпадали из круга деловых людей. Их туда и на дух потом не пускали, поскольку на них – клеймо.

До революции предпринимательство тоже ведь держалось на честном слове. Традиция сохранилась и в даже жуткие 90-е годы в России. Я думал, здесь тоже самое! Друг – это звучит! Но здесь нет слова друг. Слово есть, друзей нет. «Амиго!» По-испански, вроде бы, друг, но, точнее, просто знакомый. А мы здесь иностранцы. И мы всегда будем вонючими эмигрантами в любой стране – хоть в Европе, хоть в Америке...

Вспомним, как мы относимся к «черным» в России. Ясно как. У нас свой круг общения, у них своя каста. И иного быть не может. Всегда. Навеки! Какие друзья среди черных, если белый русский с другим белым русским не всегда могут разобраться между собой. Ладно на родине, а в эмиграции – это катастрофа!

Когда я ехал сюда, меня предупредили: Сергей, будь осторожен со своими земляками, соотечественниками, они прожили там по пять-десять лет, «порядки» изучили. Местного они обмануть не смогут, а ты доверчивый. С русскоговорящими ты будешь искать контакт, потому что испанского не знаешь. Будь осторожен!..

Быстро я убедился, что здесь «закон кулака» для обманщиков не действует. Здесь сразу бегут в полицию жаловаться. Так вот, человек, которому я сказал, чтоб он вернул мне украденные у меня деньги, сразу дал заяву в полицию, то есть написал на меня ложное заявление. На другой день ко мне приехало человек пятнадцать народу – с оружием, со свидетелями, с кинокамерой..

И я этому обманщику вот здесь прямо и повторил: «Ты когда деньги вернешь, мои шестьдесят тысяч долларов?» А он: «Это мой заработок, когда я для тебя дом здесь покупал, землю!» Я ему: «Я твой заработок тебе заплатил – десять процентов от стоимости покупки. Как договаривались. Если бы ты купил этот участок сам на свои деньги, а потом мне перепродал, тогда твоя цена – какая хочешь! А ты ж обманным путем завладел моими деньгами...»

Вот и всё. Жаловаться в суд бесполезно, адвокаты обдерут тебя как липку, а денег не получишь. Я понял тогда, что здесь вся надежда только на самого себя, на свою родную семью. Вот и всё...

Что еще сказать? Я поживу еще какое-то время в другом месте. И вот на сегодняшний день прошло уже семь лет, как я в Южной Америке, и если б кто спросил меня или посоветовался со мной: стоит ли ехать за границу в эмиграцию, я бы никогда никому не посоветовал этого делать. Как говорят в России: где родился, там пригодился! Жить надо на родине. Лучшая доля в загранке – миф, блеф. Более того – гадость!

Вернуться домой трудно?

Конечно, трудно. Первое – сын в здешней земле лежит... Но если я решусь уехать, все распродам, то учетом местной инфляции, мне светит очень немного. Я могу на эти деньги купить в России небольшую трехкомнатную квартиру метров шестьдесят площадью. И все надо начинать сначала, работать до пота. Восстанавливать прежние связи. А люди бизнеса там уже выросли, я экономически отстал от них намного. Ездил несколько раз в последний год, видел это. Друзья хорошие, говорят, мол, приезжай насовсем, поможем, но... не деньгами. И никто ведь своим бизнесом не поделится. Это так. Проще сказать, я вывалился из соты пчелиной. Я уже чужая пчела для них. Друзья даже конкретно посчитали, сколько я потерял за эти семь лет. И сказали мне в лоб: «Мудак ты, мудак!» А я им ответил: «Я это сделал для того, чтоб вы не повторяли моих ошибок! Звоните, мне и получите консультацию бесплатную: что такое заграничная жизнь?» Потому что многие из друзей в свое время тоже хотели уехать – в Германию, в США, куда-то еще...

Живой пример здешней жизни. Ребенок мой младший ходит третий год в школу, она тут рядом. Писать, читать не умеет. Научили только рисовать, буквы выводить и сидеть на заднице на бетонном полу. Школа платная. Дисциплины никакой. Из двадцати учеников – пять более прилежные, с ними и работают учителя. У остальных – комплексы от слабой успеваемости, от упреков, от долбежки учителя. С ребенком начинают комплексовать и родители. Чего хорошего. А ребенка можно в этом возрасте вылепить – в любую сторону: плохую или хорошую. Надо уметь и хотеть с ним разговаривать...

Грустно. Старшая вот дочь вышла замуж. Уехала во Флориду, США. Она модельер высокого рейтинга, училась у самого Славы Зайцева. В России она была очень успешной, на виду. А теперь попробуй пробиться в иностранный круг, места там все давно заняты...

Вы, Сергей Алексеевич, земляк мой сибирский, ремонтируете машины, как вижу. Виды еще на что-то другое есть?

– Три года готовил золотой бизнес. Наконец-то получил лицензию. На покупку золота и алмазов.

– Через государственные структуры?

– Конечно. Венесуэла единственная в мире страна, где человек может идти и добывать золото и алмазы поверхностным способом. Находятся они на глубине два-три метра. Я только вчера вернулся оттуда...

– Трудоемкое дело?

– Ну, я не стою у машины, не занимаюсь добычей. Я спекулянт, покупаю, продаю. Знаю, где купить золото и алмазы дешевле и где продать дороже.

– Удивительно, так откровенно: я - спекулянт!

– Здесь это называется бизнесом. Плати налоги - шесть процентов с золота, семь - с алмазов. А в Гранд Саване, куда я езжу за тысяча триста километров, этого добра пока много.

– Русские есть там на разработках?

– Есть один. Но он добывает белую глину. Для фарфора. Те же цифры в деньгах. Глина дорогая. Куда он глину отправляет, не знаю. Может, в Китай?!

– Да, у каждого свой удел. Как в России, так и здесь.

– Понимаю, понимаю... Мы – муравьи, трудимся, но никогда ничего точно о жизни вокруг знать не будем. Кто и как управляет миром? Что у них на уме? Неизвестно. Правды никто не знает. И вряд ли узнает! Но у каждого, верно, свой удел. Ты пол подметай, а ты космические корабли делай! И все хорошее в мире, в любой стране, лучшие люди - живут в ненависти, в презрении, в зависти. Что это? Скажу так. Да, она самая, обычная человеческая зависть: он может, я не могу. Как вряд ли бы сказал кому другому... Так, себе на заметку взял – при неожиданной вспыхнувшей догадке!

Прощаемся. Уезжаем почти в сумерках. Садясь в машину, услышал журчание быстрой воды по камням. Поляков понял мой интерес, показал на этот близкий, у кромки железного забора красновского имения, в самом деле, мелодичный источник-ключ, в тусклом мерцании предвечерних звезд, изливающийся из горных недр.

И вспомнил я разговоры о том, что Краснов на этот ключ, находящийся в его суверенной собственности, все еще держит

виды. То есть, имеет мечту, проще сказать, намерение бизнесменское – построить здесь еще и пивной заводик.

Кто знает, может, удастся свершить это сметливому сибиряку, в котором обстоятельства «перестройки» теперь уж далеких 90-х пробудили коммерческую жилку – дремавшую до поры.

Может быть!

Коль не заест обыкновенная русская печаль-тоска. Коль не бросит, не распродаст имущество, оставив свой нелегкий, неустойчивый и небезопасный бизнес, да не вернется на родину.

Каракас – Тюмень

НИНА ДВОРЯШИНА

Нина Алексеевна Дворяшина – кандидат филологических наук, доцент, заведует кафедрой литературы и журналистики Сургутского государственного педагогического университета. В 1970 году окончила с отличием Ишимский пединститут. В течение пяти лет работала учителем русского языка и литературы в школах Ишима и Ишимского района, затем – преподавателем кафедры литературы в Ишимском пединституте. Отличник народного просвещения. Почетный работник высшего профессионального образования. В Сургуте с 1996 года. Защитила кандидатскую диссертацию «Художественный образ детства в творчестве Ф. Сологуба» в Московском педагогическом государственном университете в 1999 году. С этого времени заведует кафедрой. В своей деятельности особое внимание уделяет литературно-просветительской работе. Кафедра литературы СурГПУ под руководством Н.А. Дворяшиной стала центром научно-методической и культурно-просветительской деятельности по литературе в регионе. Н.А. Дворяшина – авторитетный учёный-литературовед. Предметом её научных интересов является русская литература серебряного века и детская литература.

ДИТЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ З.Н. ГИППИУС

Осмысливая основные тенденции эпохи серебряного века, В.В. Розанов – «один из крупнейших мыслителей», по словам М. Горького, увидел главный вектор русской жизни в следующем: «Путеводною нашею «звездочкою» будет та, которая остановилась и над Вифлиемом. «Путь» наш – не философия и не наука, а ребенок. Новая «книга изучений» просто есть чтение дитяти, то есть непрестанное общение с ним, погружение в его стихию. Он и станет нашим символом...» [19, с. 66]. Значимость детства, его жизнеопределяющую сущность во всей полноте осознали и запечатали на страницах своих книг, прежде всего, художники-символисты.

В разной мере и степени погрузившиеся в проблемы «нравственной организации человечества» [20, с. 484], семьи, пола, брака, детства, в частности, они пришли к мысли о том, что у истоков дней, «у колыбели младенца – находится самое высокое место для писателя и что отсюда бьет самый неисчерпаемый и поистине бессмертный источник тем, размышлений и созерцаний для мыслителя, источник, – по словам С.Н. Дурылина, – неведомый Канту, Гегелю, Шопенгауэру» [10, с. 832]. Таким источником было детство и для З.Н. Гиппиус – «строгого мыслителя» – в оценке А. Волынского [7, с. 528].

На эту грань ее творчества обратили внимание еще современники писательницы. С. Маковский назвал ее «детские» рассказы «замечательными» [14, с. 174]. Но внимание исследователей они стали привлекать только в последние годы¹. Важность детской темы для З. Гиппиус может быть подкреплена даже арифметическими подсчетами: образы детей как центральные или существенно значимые выведены более чем в сорока произведениях ее малой прозы, что позволяет поставить под сомнение суждение, высказанное О.Р. Демидовой: «Рассказы, предмет авторского интереса в которых является детский опыт, а центральными персонажами – дети, относительно немногочисленны» [9, с. 279]. Наши наблюдения убеждают в обратном, а именно: в поражающем неожиданностью обилии таких произведений.

Проблема детства стала в осмыслении З. Гиппиус средоточием ключевых мировоззренческих, нравственно-философских исканий. Одно из существенных представлений З. Гиппиус

о детстве, ребенке напрямую связано с ведущими установками символистов в понимании символистского искусства, путей постижения мира художником-творцом. В программной для символистов статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Д.С. Мережковский писал: «Наше время должно определить двумя противоположными чертами – это время крайнего *материализма* и вместе с тем самых страстных *идеальных* порывов духа». Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний» [выделено Д.С. Мережковским – Н.Д.] [15, с. 34, 41]. По Д. Мережковскому, они отчетливо проявляют себя в искусстве реалистическом и искусстве символистском. Реализму с его «грубым материализмом догматических форм» противопоставлен в статье символизм, утверждавший «ещё не открытые миры впечатлительности», «идеальные порывы духа» [15, с. 34, 41]. На эти устремления символистов указали в своих работах все крупнейшие представители течения. Так, по мнению К. Бальмонта, «реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты – всегда мыслители». Первые – «в рабстве у материй», вторые – ушли «в сферу идеальности» [2, с. 53]. Без этой веры в идеальное не видел «смысла жизни, мира и искусства» А. Блок, убежденный «в существовании того, что, – по его словам, – находится дальше и выше меня самого», потому, – считал он, – «быть художником – значит выдерживать ветер из миров искусств совершенно не похожих на этот мир, только страшно влияющих на него; в тех мирах нет причин и следствий, времени и пространства, плотского и бесплотного, и мирам этим нет числа: Врубель видел сорок разных голов Демона, а в действительности их не счесть» [4, с. 332–333].

Для З. Гиппиус также было очевидным, что мир не «прочитывается» только через правду факта, то есть через его вещественное выражение. В идеалистическом мирозерцании она видела силу, способную определить истинный путь творчества. «Символизм, – писала она, – не рождался и потому не может умереть. Он был всегда. <...> Природа, жизнь, весь мир кажется нам иным, говорит с нами другими словами, потому что все явления стали для нас прозрачными, *только символами*» [выделено З. Гиппиус – Н.Д.], за которыми мы теперь видим еще что-то *важное, таинственное, единственно существующее*» [23, с. 251] [Здесь и далее выделено мной. – Н.Д.] Обосновывая и утверждая принципы символизма, А.Л. Волынский – в течение ряда лет идеолог

и ведущий критик журнала «Северный вестник» – подчеркнул самое существенное, с его точки зрения, в современном искусстве: оно «<...> не может относиться равнодушно к постоянной борьбе двух противоположных сил, образующих старое и современное русское общество: *положительного материализма, с его незаконными притязаниями на здравость, и философского идеализма, который <...> не может быть осмыслен толпою, прирученною к плоским делам и плоскому резонерству*» [23, с. 247]. Волинский акцентировал внимание на важнейшей для всех символистов мысли о несостоятельности, «незаконности» всякого рода «притязаний на здравость», на «монопольное владение истиной». Очевидно, что «философия и этика символизма складывались в оппозиции к «точным» знаниям, рационализму, всем рационалистическим системам» [13, с. 14]. Емкой формулой отмеченную мировоззренческую позицию символистов выразил В. Брюсов, сказавший: «*Для кого все в мире просто, понятно, постижимо – тот не может быть художником*» [6, с. 92]. Брюсов же представил «основную мысль» первых книг З. Гиппиус в следующей формулировке: «*неправость только рационального отношения к миру и к жизни. Людям, рассуждающим здраво, во всех рассказах противопоставлены те, которые живут исключительно эмоциями, какими-то смутными влечениями души. Общепринятой морали, общепринятым истинам противопоставляется сомнение во всем ...*» [5, с. 178].

Пытаясь поставить под сомнение так называемые «общепринятые истины», З. Гиппиус вводит их в мир детства, убеждая читателя в том, что именно ребенок является их противником. В нем писательница стремится обнаружить дар художника, творца, мыслителя. Такое понимание детства нашло свое образное воплощение в рассказе «Кабан». Это рассказ-диалог, рассказ-полемика. В основе его сюжета – противостояние двух полярных взглядов на жизнь. Носителями трезво реалистического, будничного сознания являются взрослые герои рассказа. Ребенок же – семилетний мальчик – не принимает обытовленного представления о мире и бунтует против него. З. Гиппиус запечатлела в рассказе свойственный детству «мифологический характер» отношения к действительности, о котором В.В. Зеньковский писал: «*Весь мир полон для ребенка жизни – часто недоступной, таинственной, и это относится столько же к ближайшей действительности, сколько и к тому, что находится за пределами опыта*» [12, с. 202]. Детская вера в чудо, сказку, тайное в мире органична и

естественна, а фантазия богата и свободна. Столкновение разных типов мировосприятия – здраво-рационального и идеального – выявляет диалог мальчика с родителями:

«– Мама, – спросил я, – а что это значит «нечисто»? А почему ты знаешь, что не нечисто?

– Ты читал сказки, Витя. Там говорится и про фей, и про злых волшебников, и про чертей... Однако ты знаешь, что этого вовсе не бывает, и если б тебе сказали, что в папином кабинете сидит черт, ты бы не поверил. А люди простые, необразованные, верят, что могут быть черти не в сказке, и боятся.

– Черти, мама, ну пусть не могут. *А все-таки как же знать наверное, что может и что не может?* Помнишь, один раз при луне я тебе в пруду русалку показывал?

– Какая это была русалка? Я же тебе объяснила, что это серебрястая рыба подпрыгивала, оказалось очень просто.

– А чем же бы не просто было, если б это русалка оказалась? Вот ты мне вчера объясняла, что у нас в глазу все кверху ногами. *Это же бывает, а вовсе оно не просто...*» [8, с. 8].

Взрослые люди в изображении З. Гиппиус утратили способность творческого, поэтического отношения к жизни, поэтому и детские представления о ней считают «вздором», «невежеством», «нелепостями», «пустяками». Именно так оценивает их гувернантка мальчика Людмила Федоровна, подкрепляя собственные суждения отсылками к мнениям всезнающего, «необыкновенно умного» брата, «университанта». «Здравый смысл» – вот что для них служит основным критерием в подходе к любым жизненным явлениям:

«– Это ужасно, ужасно, Витя, что вы говорите! Мне стыдно за ваше невежество! Какие же бывают черти? Вы мальчик умный, соображаете. Ничего этого нет. *Есть только то, что мы можем ощущать, понюхать, увидеть, – словом, исследовать каким-нибудь из наших пяти чувств. Поняли? Остального же ничего нет.* <...>

– Что же, – начал я наконец, – значит, и ада, и рая нет? Ведь никто не видел ада...» [8, с. 11].

Не желая признавать правоту своих оппонентов, маленький герой всякий раз ищет доводы, ставящие их суждения под сомнения. Его самоуверенная «воспитательница» оказывается в тупике, не находя ответов на детские вопросы.

Автор рассказа стремится убедить читателя в том, что взгляды взрослого и ребенка отличаются так же, как взгляды «реалистов» и «символистов». Наиболее рельефно различие позиций предста-

вителей этих систем художественного мышления обозначено в следующем суждении К. Бальмонта: «В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь вещественной его основе, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерии. Сознание поэтов-реалистов не идет далее рамок земной жизни, определенных с точностью и с томящей скукой верстовых столбов. Поэты-символисты никогда не теряют таинственной нити Ариадны, связывающей их с мировым лабиринтом Хаоса, они всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного...» [2, с. 60]. Очевидно, что К. Бальмонт ставит знак равенства между материализмом (от лат. *materialis* – вещественной) и реализмом (с его «вещественной основой»), замыкая его на приверженности объективной реальности внешнего мира и отказывая ему, в отличие от символизма, в способности проникнуть за грань видимого, в «область запредельного». Искусство реалистов, в представлении К. Бальмонта – утилитарное, они – «простые наблюдатели», иное – высокое искусство символистов, чувствующих «близость тайны» и устремленных к ней.

В рассказе «Кабан» З. Гиппиус даром «высокого искусства» наделен ребенок, взрослые же мыслят утилитарно. Эту разницу в их мироощущении передает восприятие одного и того же явления: освещенной солнцем сосновой рощи. Там, где наставнице мальчика видятся «простые сосны», ему открывается сказочный золотой сад.

С точки зрения З. Гиппиус, взрослый человек смотрит на мир как «реалист», подчиняясь его «вещественной основе», ребенок же как поэт-символист «пересоздает вещественность <...> своей впечатлительностью». Взрослое сознание ничего не видит за реалиями конкретной жизни, детское – прозревает во всем иные миры, не всегда объяснимые и познаваемые. И в этой способности «стирать черту между обыденным и необычайным» [4, с. 512], видеть в окружающем иные сферы, не подвластные земному эмпирическому сознанию, для З. Гиппиус заключено истинное отношение к жизни, делающее человека художником, творцом. Попытки отнять этот дар бесплодны. Эта мысль выражена в символической картине сна маленького героя: «Я видел большую черную яму, провал без концов и без дна, довольно широкий. На одном берегу лежали грудями толстые книги в переплетах моей немецкой грамматики, на них си-

дел брат и сильно их изучал. На другой стороне бегали домовые, лешие, русалки и карлики. Им было очень весело и приятно, и я радовался, что я с ними. Они играли со мною и щекотали меня. Но брат на той стороне все поспешнее и поспешнее изучал свои книги и порою, оторвавшись от них, грозил русалкам кулаком, щелкал зубами и кричал:

– *Постойте! Доберусь я до вас! Я вас изучу! Изучу!*

Но русалки хохотали, вертелись кругами и отвечали:

– Ямы не перепрыгнешь!

Я взглянул в провал, увидел, что там никакого дна нет, а звезды мерцают, как на небе, обрадовался и тоже закричал изо всех сил:

– *Не перепрыгнешь!*

Мне казалось, что если б я рассказал этот сон Людмиле Федоровне, то брат был бы уничтожен. И я обдумывал и вспоминал сон в подробностях» [8, с. 14].

В символике детского сна очевидно воплощение неистребимой правды чуда, сказки, торжества необыкновенного над будничным. «Ученый» брат, стремящийся «добраться» до чуда, «пощупать» его руками, изучить, объяснить и тем самым исчерпать в своих опытных построениях, обречен на поражение, которое выражено в страстном восклицании маленького героя: «*Не перепрыгнешь*». Не всё подчиняется законам «здорового смысла». Сам образ ямы, провала – не только знак недоступности чуда для посягающих на него, но и символ бездны, в которой может оказаться претендующий на это, и олицетворение пропасти, разделяющей два типа художественного сознания: символизм и реализм.

Дитё у З. Гиппиус – носитель по-настоящему ценного, творческого отношения к жизни. Сохраняя его в себе, человек спасается как личность и как творец. «Уроки» мальчика не перевоспитывают, но приводят к сомнениям в собственной правоте гувернантку, человека, который был так настойчив в отстаивании «здорового смысла». Долгая и упорная борьба двух взглядов, двух миропониманий завершилась явной победой маленького героя, убежденного, подобно истинному художнику-творцу, в том, что жизнь не может быть уложена в строгие научные постулаты и выкладки.

В общественном сознании начала XX века проблема соотношения явления и его тайной сущности, рационального и иррационального необыкновенно актуализировалась. Причем характерно,

что мыслители в ее разрешении очень часто обращались к постижению феномена детства. Отец Павел Флоренский, рассказывая детям своим о том, как формировалось и складывалось его мировоззрение, обратил внимание на такие существенные моменты, определившие, в конечном итоге, его жизненный путь: «Вещь как таковая, уже всецело выразившаяся, мало трогала меня, раз только я не чувствовал, что в ней *нераскрытого гораздо больше, чем ставшего явным: меня волновало лишь тайное*» [22, с. 92]. И далее, повествуя о своем «научном отношении к миру», подчеркнул: «Повторяю, *под ним [выделено автором – Н.Д.], для себя самого и почти невыразимо в слове, я содержал эту сказку, истекавшую из зарывшегося глубоко в душу детского рая. Эта сказка золотила вершины научного опыта и заставляла сердце биться при виде иных явлений природы или даже при мысли о них. <...> Рационально – тверды они, эти понятия, предпосылки, законы; но тем не менее природа опрокидывает любой закон, как бы ни был он надежен: есть иррациональное*» [22, с. 118–119]. Итак, из глубин детского рая пришло и сохранилось, по П. Флоренскому, это ощущение тайных основ бытия. Для него было очевидным, в этом убеждал и собственный опыт, что «ребенок владеет абсолютно точными метафизическими формулами всех запредельностей, и чем острее его чувство здешней жизни, тем определеннее и ведение этих формул» [22, с. 75]. Детское сознание противопоставляется философом взрослому как истинное – ложному, достойное – «неприличному». «Пусть, – утверждал П. Флоренский, – никто не смеет думать, будто тогда, трех, четырех, пяти, шести лет, я не понимал всего этого. И я, и всякий другой в таком возрасте бесконечно мудрее премудрого царя и все сложнейшие жизненные отношения понимают насквозь и, понимая, припечатывают и предусмотрительно возбраняют вход в свою невозмутимую и безоблачную лазурь – изгородь из табу» [22, с. 74].

Созвучным П. Флоренскому было представление о детстве и детском для В. Набокова, убежденного противника «здорового смысла», «растоптавшего», по его словам, «множество нежных гениев». «Здравый смысл, – в оценке В. Набокова, – в принципе аморален, поскольку естественная мораль так же иррациональна, как и возникшие на заре человечества магические ритуалы. <...> Здравый смысл прям, а во всех важнейших ценностях и озарениях есть прекрасная округленность – например, Вселенная или глаза впервые попавшего в цирк ребенка» [16, с. 466]. Показательно, что в «важнейших ценностях и озарениях» Бога – Все-

ленной и Ребенке – для В. Набокова открываются высшие проявления прекрасного. Что может «читаться» в «округленных» глазах ребенка, впервые попавшего в цирк? Удивление, восторг, радость, очарование новым, праздничным миром, наслаждение. Этому возвышающему, творческому началу, свойственному детству, В. Набоков противопоставляет заземляющий, спускающий «по дешевке все, чего ни коснется», здравый смысл [16, с. 446]. Он страшится необычного, яркого, странного. В нем он всегда видит угрозу собственному покою и привычке. От кого же, с точки зрения В. Набокова, исходит для «здравомыслящего большинства» эта «священная угроза» (примечательно уже само ее определение – потому и священная, что разрушает замкнутое в самом себе здравомыслие!)? Перечисляя ее носителей, В. Набоков скажет: *«...от кроткого пророка, от чародея в пещере, от гневного художника, от упрямого школьника»* [16, с. 467]. В. Набоков поставил в один ряд пророка, чародея, художника, школьника (читай – ребенка), наградив тем самым последнего возможностями, не меньшими, чем у тайноведа, волшебника, творца. Они для него не утратили главного – «способности удивляться мелочам», а для В. Набокова «эти закоулки души, эти примечания в фолианте жизни – высшие формы сознания, и именно в этом состоянии детской отрешенности, так непохожем на здравый смысл и его логику, мы знаем, что мир хорош» [16, с. 468]. Ребенка и творца роднит, по В. Набокову, способность, «отвергая мир очевидности», вставлять «на сторону иррационального, нелогичного, необъяснимого и фундаментально хорошего» [16, с. 472].

В восприятии ребенка как носителя творческого начала единомышленниками З. Гиппиус оказались многие из собратьев по литературному творчеству. Они высказали такое понимание мира детства значительно позднее ее, но их суждения – также отражение поисков идеала для творческой личности и человеческой жизни в целом. Справедливо заметила одна из современных исследователей, что художниками рубежа веков «детство оценивается не просто как особое, полное разнообразных возможностей состояние человека (или человечества), оно – аккумулятор свободной творческой энергии. <...> В структуре символистского образа «детское» выступало в роли «второго я» художника-творца» [11, с. 74].

О детском творческом освободительном начале, без которого нет художника, рассуждал на страницах своего достаточно объемного исследования поэт, прозаик, критик В.И. Стражев – «лидер»

«молодой группы московских литераторов, объявивших себя сим-волистами третьей волны» [3, с. 178]. В 1908 году он опубликовал книгу «О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце», построенную как диалог-спор об искусстве, об устройстве «дома человека», человеческой жизни. Именно «детская философия», «чары» детской влюбленности в мир» осознаются одним из участников диалога, явно представляющим авторский взгляд, как «подлинный выход из эмпирической безысходности» [21, с. 18]. Он отсылает своего собеседника к пьесе М. Метерлинка, выразившего эту «глубинную правду жизни». Детям дается «волшебный алмаз человеческой мудрости», «превращающий человека в истинно-зрячего», проникающего в смысл земного бытия. «Вы помните, – говорит этот участник диалога – Господин, живущий на пятом этаже, – что, по Метерлинку, только *более простым и более чистым, и потому именно более великим душам открыта Тайна*. Им одним открывается трагическое начало жизни, и они постигают его не в роковых поединках страстей, не в ураганах событий, а в тишине и глубине человеческой души. Отсюда святая ценность напряженности внутренних переживаний. *Отсюда побеждающее величие бессознательной правды ребенка, в сравнении с которой бледна и ничтожна мудрость философа*» [21, с. 63]. «Полюбите детей, – призывает он к своему оппоненту, – как любил их мудрый Гераклит. Вы помните? В последние годы жизни – он любил только их, детей, жил за городом <...> вдали от человека, «взрослого» человека. «*Взрослый*» человек – это плен, дитя – это освобождение. Цель искусства – освободить, освободиться. И кто же художник, как не мудрое наивное дитя? А им, художником, должен стать каждый человек...» [21, с. 19].

А. Блок в своей статье «О «Голубой птице» Метерлинка» (1920) утверждал: «художником имеет право называться только тот, кто сберег в себе вечное детство» [4, с. 514]. Правду жизни и творчества поэт видел в том, чтобы «открыть в каждой человеческой душе глубоко закрытое в ней детское сознание, для которого стирается грань между будничным и сказочным и будничное легко превращается в сказочное...» [4, с. 517]. Детское было для А. Блока мерилом многих жизненных явлений. С детским доверием к чуду бытия связывал он воплощение надежды на обретение счастья: «У людей, которые умеют, как дети, не стыдиться искать счастья, открываются глаза, и они видят все вокруг по-новому, они видят самые души вещей <...>. Может быть, в этой чудесной погоне за счастьем и заключается

само счастье? Как будто тень счастья, тень Голубых крыльев чудесной Птицы осеняет таких людей, счастливых как дети, потому что они видят то, чего не видят взрослые» [4, с. 516].

Таким образом, приведенные суждения современников З. Гиппиус, ее собственная позиция, выраженная в рассказе «Кабан», позволяют говорить о совпадении взглядов писателей-символистов и тех, кого с нею роднило представление о духовных началах жизни и творчества, в понимании особенностей детского мира и детского сознания как подлинно творческого, свободного, далекого от «герметически закрытого» [1, с. 75] и потому ограниченного здравого смысла. Ребенок, была убеждена З. Гиппиус, «ближе к истинному – ведь он ближе к своему началу, чем мысли давно родившегося человека. Такой человек стоит на середине пути, ему равно далеки оба острия жизни, а мудрость только там» [8, с. 18]. Детьми еще не успело овладеть будничное сознание, разрушающе действующее на творческий потенциал человека, их понимание жизни более настоящее и более глубокое, чем у тех, кто отказался от «простого детского зренья» [4, с. 514]. Детский ум, в понимании З. Гиппиус, – творческий ум, превращающий человека в художника, а «ребенок – <...> поэтический антипод антипоэтического рассудка» [18, с. 237]. Высокомерие взрослых по отношению к детям – проявление их ложного представления о возможностях детства.

Литература

1. Аверин, Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б.В. Аверин. СПб., 2003.
2. Бальмонт, К.Д. Элементарные слова о символической поэзии / К.Д. Бальмонт // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М., 2001.
3. Белый, А. Между двух революций / А. Белый. М., 1990.
4. Блок, А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. / А.А. Блок. М., 1971.
5. Брюсов, В.Я. З.Н. Гиппиус / В.Я. Брюсов // Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001.
6. Брюсов, В.Я. Ключи тайн / В.Я. Брюсов // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6 / В.Я. Брюсов. М., 1975.
7. Волынский, А.Л. Сильфида / А.Л. Волынский // Гиппиус З.Н. Собр. соч. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы / З.Н. Гиппиус. М., 2001.
8. Гиппиус, З.Н. Собр. соч. Т. 3. Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения / З.Н. Гиппиус. М., 2001.

9. Демидова, О.Р. Формула нетерпимости: мальчики и девочки в прозе З. Гиппиус / О.Р. Демидова // Мальчики и девочки: реалии социализации. Екатеринбург, 2004.
10. Дурылин, С.Н. В своем углу / С.Н. Дурылин. М., 2006.
11. Заварова, А. Миф о детстве. Осмысление детства в искусстве конца XIX – начала XX веков / А. Заварова // Детская литература. 1994. № 3.
12. Зеньковский, В.В. Психология детства / В.В. Зеньковский. М., 1996.
13. Колобаева, Л.А. Русский символизм / Л.А. Колобаева. М., 2000.
14. Маковский, С.К. На Парнасе Серебряного века / С.К. Маковский. М., 2000.
15. Мережковский, Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М., 2001.
16. Набоков, В.В. Лекции по зарубежной литературе / В.В. Набоков; пер. с англ. под ред. Харитонов В.А.; предисловие к русскому изданию Битова А.Г. М., 1998.
17. Николюкин, А.Н. Любовь и ненависть / А.Н. Николюкин // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925) / З.Н. Гиппиус; сост. вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. СПб.
18. Померанц, Г.С. Дети и детское в мире Достоевского / Г.С. Померанц // Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., 1990.
19. Розанов, В.В. Собр. соч. Семейный вопрос в России / В.В. Розанов. М. 2004.
20. Соловьев, В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев. М., 1988.
21. Стражев, В.И. О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце / В.И. Стражев. М., 1908.
22. Флоренский, П. У водоразделов мысли / П. Флоренский. Новосибирск, 1991.
23. Цит. по: Волынский, А.Л. Литературные заметки / А.Л. Волынский // Северный вестник. 1896. № 12.

АНСТАСИЯ ИГНАТЬЕВА

Анастасия Владимировна Игнатьева родилась в Сургуте. После окончания лицея №3 поступила в Сургутский государственный педагогический университет, который закончила в 2005 году. Активно участвовала в студенческих научных конференциях. Ее доклад на Международном студенческом фестивале в Москве в октябре 2004 года отмечен дипломом I степени. В 2008 году успешно закончила аспирантуру при кафедре литературы и журналистики СурГПУ (научный руководитель профессор Ю.А. Дворяшин). В октябре 2008 года защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Эволюция образа русской женщины в творчестве В.Г. Распутина». Кандидат филологических наук, преподаватель СурГПУ. Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009).

ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ СОВЕСТЬ И ДУШУ

(о повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»)

*Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть.
Ю. Друнина*

Русская литература во все времена определяла духовно-нравственное состояние народа, общества. Настоящая литература, конечно. Вправе ли мы сегодня со все более очевидно проявляющимся скептическим отношением к искусству слова утверждать эту прописную истину? Другими словами, способны ли мы осознать величие и значимость современного художника, чье творчество с наибольшей полнотой отражает совершающиеся коренные изменения в жизни России, особенности духовных исканий современного русского человека?

Казалось бы, всем очевидно, что таковы масштаб и глубина творчества одного из крупнейших писателей современности В.Г. Распутина. Однако содержание литературно-критических статей последних лет, посвященных интерпретациям поздних его произведений, свидетельствуют об обратном. Уже в 90-е годы на страницах «Литературной газеты» А. Латынина сетовала на то, что он как «неудачливый проповедник убивает в себе писательский дар»¹. Позднее критик А. Агеев подхватил эту скептическую интонацию и в одной из своих рецензий с еще большей долей агрессии и вызова заявил о том, что якобы «...серьезные критики давно не пишут о Распутине по двум причинам. Основная, конечно же, та, что писать особенно не о чем. Но есть и еще одна, мешающая многим выразить недоумение нынешним уровнем сочинений Распутина: давняя любовь. ... „любовь по старой памяти“, практически – жалость, из-за которой все, кроме служебных льстецов, просто молчат»².

Заявления подобного рода можно было бы оставить без внимания, считая их лишь выражением предвзятого отношения отдельно взятых авторов, если бы они так настойчиво не муссировались в определенной литературной среде и не печатались на страницах ведущих изданий. Ясно, что непонимание, намеренное «замалчивание» и даже «извинение» произведений классика XX века вызваны отнюдь не изысканностью художественного вкуса толкователей. Больше всего писателей и критиков так называемого либерального толка коробит то, что В. Распутин, какой бы изощренной атаке ни подвергался, продолжает неустанно твердить о святоотеческих началах русского народа, обращаясь к его

исторической памяти и совести в эпоху псевдodemократических перемен, дабы сохранить национальное достоинство.

Именно «национальный акцент» последней повести писателя «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003 г.) больше всего и возмутил данную плеяду критиков. Кто-то косвенно, а кто-то и откровенно, как, например, Дм. Быков, объявил ее, хотя и не безоговорочным, но «настоящим провалом»³. Сколько иронии и сарказма вызвала эта повесть!

Стала широко известной поражающая своим ёрническим и вызывающим тоном реакция того же Дм. Быкова: «Да что же это вас, сердешных, все время насилуют? Так ли вы красивы, умны, во всех отношениях совершенны, чтобы это с вами постоянно происходило? Может, не только китайцы да кавказцы, но и вы сами себя маленько... а? ... Но если вас все насилуют – в диапазоне от Маркса до кавказцев, может, вы как-нибудь не так лежите?...»⁴.

И хотя автор данных слов, по его собственному признанию, « всю жизнь » читает Распутина « с чувством уважения и родства », он явно не стремится постичь глубину художественного мира писателя. Стоит ли говорить, что все усилия критика направлены лишь на откровенное « передергивание » содержания повести и формулировку эпатажных оскорбительных выводов. Да и как « либералу » Быкову, аккуратно дистанцировавшемуся от « них », русских, понять « почвенника » Распутина, который « по праву русского писателя » стал « эхом народным »⁵, народной совестью, который, когда его « Отечество в опасности ..., идет на его защиту »⁶ ?!

Словно « окровавленным сердцем »⁷ написал В. Распутин, повесть « Дочь Ивана, мать Ивана » о « новой » России 90-х – 2000-х « самых страшных годов »⁸. Он обозначил в ней самые животрепещущие, самые ранящие проблемы русского народа, заставившие вздрогнуть современную общественность. У самого художника нарисованная им страшная картина насилия и, кажется, тотального народного опустошения вызвала сомнение: может быть, милосерднее было бы промолчать? Как известно, писатель всерьез задумался о публикации своего произведения. « Закончил вчерне повесть, – признавался он своему другу и критику В. Курбатову, – но буду ли ее печатать, пока не знаю. Хочется дать ей полежать, а уж потом решить: печатать ли? »⁹. Однако реальная действительность убедила В. Распутина представить читателю свое пронзительное художественное слово ибо он « не мог равнодушно смотреть на то, что происходит, описывать ягодки-цветочки, когда вокруг бушевали страсти »¹⁰.

Выбор жестокого тона разговора с читателем В. Распутин мотивировал остротой современной общественной драмы, соглашаясь при этом с позицией В.П. Астафьева, поразившего всех своими произведениями «Людочка» и «Печальный детектив»: бывают обстоятельства, когда писатель «и на крик, и на мат готов сорваться, лишь бы его услышали, лишь бы что-то поняли, вздрогнули и отшатнулись. Это разговор не с изысканной публикой, а с уличной, необходимость сунуть ее носом в грязь, в которой она живет, отвыкая от понимания, что это грязь ... Я не могу не согласиться с Астафьевым, потому что и сам перешел на этот надрывный и горячий голос. Что верно, то верно – это не к душе обращение, а к сердцу, может быть даже к коже, не потерявшей чувствительности к боли, но что делать, если сейчас важнее хоть испугом да остановить, а затем подойдут другие, которые постараются завернуть и образумить, доберутся, вероятно, и до души»¹¹.

Вот и повесть «Дочь Ивана мать Ивана» стала обращением самого В. Распутина к сердцу каждого человека, к сердцу всего русского народа с призывом уже не сохранять, а возрождать национальные духовные ценности.

В. Распутин рассказал в повести историю одной семьи в момент, когда их постигло горе. Над шестнадцатилетней дочерью Анатолия и Тамары Ивановны Воротниковых жестоко надругались, и мать, не найдя справедливости и сочувствия у представителей власти, решилась на материнский самосуд: она застрелила насильника-кавказца в прокуратуре.

Уже в самом начале повествования В. Распутин сосредоточил внимание на материнском предчувствии беды, на «испепеляющем» ожидании потерявшейся дочери. Художник с психологической точностью изобразил такое напряжение Тамары Ивановны, когда все ее чувства обострены до предела, и она способна увидеть «любую тень в черном до темна сквере» и услышать «любой скрад шага из-за угла»¹², если бы они только предвещали появление ее ребенка. И не сердце одно только болит теперь у матери – вся она превратилась «в сгусток боли» (8), и «все в ней исходило в пытке» (8). Писатель, всегда утверждающий священную связь матери и дитя, в этой повести создает реалистический образ матери, которая слышит в себе стоны где-то далеко истерзанной дочери. Так, в Тамаре Ивановне, пока еще ничего не знавшей, уже что-то скреблось «особой болью, скреблось и

скреблось, разрывая ткани и выстанывая одно слово. Скреблась она, Светка, зовущая мать...» (8).

Однако с появлением пропавшей Светки материнские страдания в повести только усиливаются. Автор не переключает свое внимание на Светку, а показывает переживания изнасилованной девочки, увиденные и прочувствованные ее матерью. Это Тамара Ивановна ощущает всю боль дочери, «чужест, пронзившую все тело, – будто это ее изгадили» (59). Это ее материнскими глазами мы видим надломленную фигуру Светки с надорванным сердчишком (91), рвущейся на куски «обоженной душой» (91) и глазами, забитыми страхом (78). И только материнский взгляд дает возможность почувствовать читателю, с какой болью эта девочка «изымала из себя ...муку свою смертную» (91).

Взгляд на изнасилованную дочь сквозь призму материнского сознания позволил В. Распутину усилить психологическое напряжение повести и точно передать ощущение трагизма. Тамара Ивановна в своих переживаниях предстала как живая мать, доведенная до такого состояния, когда «больней ее боли не бывает» (83).

Реалистическая точность и достоверность образа главной героини повести, как это ни странно, но в определенной степени способствовали распространению и в среде журналистов, и в серьезной литературной критике мнения о том, что ее преступление – это обычная месть. Так, В. Огрызко, отмечая новые черты женского образа в творчестве В. Распутина, сказал: «Если раньше героини писателя демонстрировали некое смирение, то теперь они готовы, столкнувшись со злом, мстить»¹³.

Подобные суждения деформируют представление о сущности образа главной героини повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и существенно искажают смысл ее конфликта, что становится очевидным при более внимательном рассмотрении произведения.

Одним из ключевых моментов в повести, обнажающих суть нравственных страданий Тамары Ивановны, является эпизод допроса. Мать терпеливо слушала надрывный рассказ дочери о тех истязаниях, которые насильник совершал над ней. Правда, автор не описывает их, однако по одному только взгляду героини на дочь, как на что-то выбравшееся «из-под смерти, из-под ада» (79), можно представить, что пережила шестнадцатилетняя девочка! Тамара Ивановна уверена, что «хуже, страшнее того, что услышала она, быть уже не могло» (80). Но и здесь автор не сжалился над своей героиней и дал пережить ужас последующих издевательств.

Трудно представить, что должна чувствовать мать, какие муки испытывать, когда слышит она, как били и глумились над ее уже изнасилованной дочерью. Как, расцепив ей «зубы, зажав поднятую вверх лицом голову», вливали стакан водки «до последней капли» (81) и «с любопытством» «смотрели, как дергается, захлебывается и обвисает в судороге юная пленница» (81). Как заставляли еще маленькую русскую девочку в угоду своим национальным амбициям «плясать по-ихнему, по-кавказски» (81), пиная ее в такт «дикой музыки».

Однако Тамара Ивановна выдержала все и задала следователю лишь один вопрос: «Где его будут судить?» (82). Оскорбленная и униженная героиня надеется на справедливое наказание преступника. Далеко не один раз в повести она обращается к представителям власти с вопросом: «Что будет с насильником?» (87), и буквально просит: «Дайте нам правосудие» (88). Но и следователь, и прокурор откровенно говорят ей о виновности самой Светки и об отсутствии доказательств вины кавказца-насильника. Более того, уже приготовленная взятка следователю предполагает освобождение преступника. Только теперь увиденное и услышанное Тамарой Ивановной со всей очевидностью раскрыло ей беспомощность закона, она поняла, что защиты искать бесполезно да и не у кого. И потому решила на свой материнский суд.

Очевидно, что это решение главной героини повести вызвано отнюдь не сиюминутным эмоциональным порывом, «отчаянным иступлением» и злостью, она осознанно идет на это преступление. Об этом, в частности, свидетельствует логика поведения Тамары Ивановны. Вспомним, с какой настойчивостью собирает она всю семью на прощальный ужин, чтобы последний раз побыть вместе, чтобы, как раньше, «толочься» в маленькой кухоньке, задирая друг друга. Ей чрезвычайно важно сохранить чувство семьи, чтобы его сохранили ее дети, чтобы они потом поняли ее поступок и сберегли в памяти незапятнанный образ матери. Так, автор подчеркнет, как после семейного ужина, провожая дочь к бабушке и в предстоящую новую жизнь, Тамара Ивановна «приобняла Светку... приподняла обнимающей рукой ее лицо и заглянула – и ей для памяти, и себе» (99). Очевидно, что в действиях героини нет ни злобы, ни отчаяния, а только ясное осознание того, на что предстоит решиться и чем предстоит пожертвовать.

Художник погружает читателя в мир материнских переживаний, при этом не показывая размышлений самой Тамары Ивановны о причине ее поступка. Он осмысливается только други-

ми персонажами повести. Для В. Распутина чрезвычайно важно показать нравственный итог поступка своей героини, реализующийся в «суде людском» – вся вторая часть произведения посвящена изображению реакции людей, анализу народного мнения. Самые разные персонажи повести обсуждают проблемы современной жизни, размышляют о нравственных основах человека и общества и всегда соотносят свои мысли с поступком Тамары Ивановны, тем самым объясняя его причины и оценивая его. Так, обсуждение жизни, реализующееся в «хоровом», многоголосном повествовании, обеспечило объективность оценки поступка Тамары Ивановны с общинной точки зрения.

Тамара Ивановна в народном сознании предстает прежде всего как мать, которая не побоялась встать на защиту чести семьи и рода. В повести отчетливо обозначено общематеринское отношение к поступку ее главной героини. И в устах Егорьевны оно звучит вполне однозначно: «Она героиня. Раньше рожать надо было, рожать и рожать каждый год, чтоб стать мать-героиней... А теперь вот: защитит их, роженных, надо» (133). В этом материнском скорбном признании слышится сочувствие, ибо в судьбе Тамары Ивановны русские женщины увидели и свою материнскую долю. Они, матери, оказались в обществе, в котором не только возможно, но и реально совершается безнаказанное надругательство над невинным и беззащитным ребенком. Но представители государственных структур перед этим «хищническим» натиском почему-то «струсили. Струсили и не поняли, что струсили» (134). И лишь одна мать взяла на себя ответственность защитит уже не только свою дочь, но и всех других таких же дочерей. В признании Егорьевны проявилось и преклонение всех матерей перед Тамарой Ивановной, вставшей на защиту матери и дитя.

В решительных действиях героини видят смысл защиты всех детей не только материнское сообщество, но и представители закона, что находит прямое выражение в несколько отвлеченных размышлениях следователя Николина о «расположении фигур» в деле Тамары Ивановны: «Не из леса дремучего явился хищник, а из общества, объявленного цивилизованным; не овца, бессловесная тварь, стала жертвой, а родная дочь хозяина или хозяйки; хозяйка решила навредить свой суровой приговор не тогда, когда хищник крался к жертве, ... а лишь после того, как преступление свершилось, и даже после того, как стреноженного хозяйкой и переданного в руки правосудия преступника вознамерились отпустить, чтобы следующей же ночью он набросился на новую жертву» (167–168).

Для Тамары Ивановны реальное участие в процессе противостояния «обесчеловечиванию» есть исполнение своего главного материнского долга. В сохранении нравственных основ жизни она видит сохранение и утверждение принципов рода, за которые она, мать, в ответе. Чувство ответственности за жизнь и материнской заботы о ней чрезвычайно развито в главной героине повести, и необходимость его реализации для нее оказывается важнее собственного благополучия.

Но Тамара Ивановна изображается не только как мать, но и как дочь: эти две ипостаси обозначены в названии повести «Дочь Ивана, мать Ивана». В героине постоянно звучит голос ее отца. И перед тем, как решиться на страшный поступок, она вспоминает о нем, «морщась от боли, которую предстоит испытать» ему (102). Образ отца возникает и в обморочном сне Тамары Ивановны накануне совершенного ею суда. Думается, что в осмыслении нравственно-психологической подоплеку ее поступка этот эпизод не менее важен. Посреди солнечного ясного дня героиня вдруг слышит гром, который «рывает ... отчетливым вышним криком» (108). Гром воспринимается ею как предостережение небес от страшного греха, который она собирается взять на себя. Эта явленная лишь на мгновение высшая сила изображается автором как охранный голос рода. Так, «ошеломленная» Тамара Ивановна слышит не только гром, но «оберегающее заклинание» своего отца: «Томка, воротись! Томка-а-а!!» (108). И после этого «отчаянного, надрывного, торопящегося предостеречь» (108) отцовского крика «гром опять грозно гремит» (108).

Отцовская забота и любовь, кажется, из самой глубины рода пытаются остановить и защитить дочь, уберечь ее от пожизненной муки. Но голос материнской ответственности, голоса всех матерей в Тамаре Ивановне сильнее, «вперед, только вперед. Другой дороги нет» (108) – окончательно решает она. Понимая меру и степень своей дочерней ответственности перед отцом, ощущая в себе его отцовскую боль, выражающуюся в их общем бесконечном, безнадежном и болезненном крике: «Томка-а-а!» (109), она со страданием, но «уверенно» выбирает свой материнский жертвенный путь.

Решившись на восстановление справедливости и сохранение нравственных законов жизни, Тамара Ивановна осознанно обрекла себя на неизбывные страдания от совершенного греха, она понимала, что не миновать ей этой пожизненной каторги под спросом совести: «А мне как жить? Мне-то как жить, дочь ты моя родная?» (172).

И через четыре с половиной года, отбыв наказание, Тамара Ивановна все также будет пытаться себя: «Теперь вернулась... Но вернулась ли? Как можно оттуда вернуться после всего, что было? Все перепуталось, нигде ее сейчас нет» (229). Очевидно, что при создании произведения писатель стремился выделить мотив неизбежного страдания героини, но вместе с тем и подчеркнуть невозможность для нее другого выбора. Об этом свидетельствует и общая логика развития образа Тамары Ивановны и ее собственное признание перед судом и людьми: «Виновата – буду ответ держать. Сделанного не воротишь. А я не жалею о сделанном» (194). Так В. Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» в образе ее главной героини воплотил главное качество русской женщины-матери – ее способность на самопожертвование во имя сохранения и спасения жизни.

Поиски ответа на вопрос о правомерности поступка Тамары Ивановны сопровождалось тяжкими духовными переживаниями самого писателя. Он признавался: «Я понимал, что если государство не защищает человека, то человек как-то должен защищать сам себя. Но наше православное, христианское понимание, что нельзя человеку как накладывать руки на себя, так и поднимать руку на другого человека, каким бы он ни был, не позволяло приводить к такому финалу. ... Бросал, писал рассказы. Но время шло, ничего не менялось: государство человека по-прежнему не защищало.

А как-то один батюшка, с которым пришлось беседовать, сказал мне: „Что ж, на войне как на войне“. И меня это убедило. Я пожалел, что прежде не слышал этих слов. И важно, что они были сказаны батюшкой. Действительно, идет война. Война на уничтожение нас как народа, как людей. Кто же будет нас защищать, если ни государство, ни закон нас защищать не хочет?»¹⁴.

В этом признании В. Распутина чрезвычайно важно то, что смысл поступка своей героини он видит не только в материнской защите конкретных детей и материнства вообще; писатель подчеркнул еще более глубинные его мотивы – возрождение народной целостности и национального достоинства. При таком осмыслении действий Тамары Ивановны ее образ вырастает до масштабов образа народного заступника и героя.

В этом произведении В. Распутин впервые с такой силой изобразил вечно повторяющуюся судьбу русской женщины в полной сращённости с судьбой национальной. Он подчеркнул в своей героине женскую «сверхчувственную» силу, способную

предвидеть крушение прочного мира и материнскую долю в нем. Осмыслению изначальной природной слитности женского и народного писатель посвятил целую главу повести.

В юности Тамара с удивлением и тревогой думала о себе, о заключенной в ней «женской тайне», ощущала что-то неизведанное, но счастливое в себе. В этом благодостном состоянии, когда в ней «разбуженные, растворенные, наперебой пульсировали» женские токи, и «телесный цвет» ее «переходил в мягкое свечение» (46), она слышала «из себя» «тонкий тоскующий голос»:

Тихая, тихая
Реченька текла.
Дождика, дождика
Много набрала.

Ой люли, ой люли,
Речка, не бурли.
Воду свою светлую
Не му-ти (47).

Казалось бы, эта «баюкающая песня» только о вечной женской судьбе, о прощании с девичьими грезами. Но в художественном пространстве повести женская история рассматривается только в контексте национальной. Фольклорный образ реки здесь символизирует состояние России. Не случайно автор подчеркнет мифологическое представление своей героини: от того, какой водой река полнится, чистой и говорливой, или тяжелой, «стоящей неподвижной запрудой», зависит и «наполненность ее поселенцев» (51). Вот и появление в песне Тамары Ивановны образа мутной воды когда-то тихой «реченьки» предвещает «смутное время» когда-то прочной России и новую женскую судьбу в нем.

Ощущение красоты мира и полноты бытия покидает Тамару Ивановну с «приходом новой жизни», когда с крутых гор сходит «грязная лавина» (49). Она мучительно ощущает, что все прежнее нравственное в человеке «на дно уходит, илом затягивает» (51), а значит и ей «долю намывает новую» (51). И не понятно уже о ком это пронзительное размышление-причитание автора, об угасающей судьбе своей героини или о гибнущей России: «Эх, жизнь-самокатка, катится-то сама, да не барыней ты сидишь в ней, понукающей весело солнышко в небе, а по камням, по грязи и иному бездорожью тобою же продирается след, оставляя непоправимые раны» (52).

Не о смуте уже печалится душа героини, а предвещает национальный слом в своей «чистой песне»:

Легкая, легкая
Лодочка плыла.
Горькие слезы я
В лодочке лила.

Ой люли, ой люли,
Сердце, не слези,
Долю мою счастную
Не срони (53).

Тамара Ивановна, как и героиня народной песни, плача «горючими» слезами, трагически переживает непрочность своего состояния и положения мира. Она уже не мечтает о счастливой женской доле потому, что всех в стране не то, что «сростили», а «в глубокую пропасть столкнули...» (53), сама же страна оказалась в руинах, словно «после гигантского смещения породы» (53). Но верится ей еще, что нужно только переждать это страшное время, «охранить детей и собственные души» (53). Надежда героини на благополучное будущее страны и на личное душевное спокойствие отчетливо проявились в ее внутреннем восклицании: «Так хотелось отдыха еще в жизни!» (53). Однако «струистое, мягко облекающее пение» вновь предвещало ей неотвратимое:

Тихая, тихая
Реченька текла.
Слезынек, слезынек
Много напла.

Ой люли, ой люли,
Речка, не бурли
Лодочке дороженьку
По-сте-ли (54).

Тамара Ивановна, обладающая способностью «чувствовать приближение опасности из самого воздуха, когда он только еще занимается тревогой» (24), уже поняла, что у такой России, в которой только «пьянство и трусость, пьянство и трусость!» (96), нет пути-«дороженьки», что народ, в котором поселилось бездействие и безволие, обречен. Она же чувствует личную ответственность за судьбу своей страны, за сохранение нацио-

нального достоинства в ее народе. И поэтому не имеет права отдохнуть. Посреди всеобщей «тяготы перемогания» (96), когда каждый попустительски размышляет о том, что в будущем «что-нибудь да будет» (96), Тамара Ивановна своим поступком уверенно заявляет: «Мне не надо „что-нибудь“. Сколько можно: „что-нибудь“ да „что-нибудь“. Даже у зверя, у птицы, у червя есть, наверное, воля, характер... и он уползает или отбивается, а не лапки вверх...» (96).

Еще в повести «Пожар» В. Распутин точно отметил чрезвычайно важное качество героини: она «и под бомбежкой не забыла бы обиходить дом»¹⁵. Вот и Тамара Ивановна исполняет свою главную женскую миссию по обиходу дома в условиях «бомбежки». Только ее действия вышли далеко за пределы бытовой сферы, она встала на защиту своего национального Дома.

Героиня повести «Дочь Ивана, мать Ивана» отстаивает те убеждения, к которым приходил еще Иван Петрович («Пожар»): «Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего – дома, а не на постое, в себе своем собственном внутреннем хозяйстве, где все имеет определенное, издавна заведенное место и службу. Затем дома – в избе, на квартире, откуда с одной стороны уходишь на работу и с другой – в себя. И дома – на родной земле» (448). Однако вспомним, что у Ивана Петровича «нигде не получалось ... быть дома» (448), и отчаявшись «найти свой дом» (456), он с истерзанной душой собирался уехать из Сосновки. Вспомним, как мучался и страдал главный герой повести от совершающейся катастрофы на родной земле, мучался и страдал оттого, что ничего не мог изменить. Стыдно было перед землей. И казалось Ивану Петровичу, что и земля в ответ ему молчала. Но автор в финале повести прямо сказал, что земля не молчала, она ждала от народа преодоления своей безвольности: «Что ты есть молчаливая наша земля, доколе молчишь ты? И разве молчишь ты?» (456). В этих риторических вопросах напоминание писателя о том, что «никакая земля не бывает безродной» (456), что она способна возродиться, но не самопроизвольно, а волей и действием человека.

Тамара Ивановна смогла услышать и откликнуться на призыв родной земли решительными действиями. Она показала, что в русском народе еще осталась сила, которая способна противостоять «хищническому» натиску «черных, желтых, пегих» (134) завоевателей. Но самое главное, героиня показала необходимость и возможность преодоления душевной разобщенности русских людей, у

которых кровь стала «такая молчаливая... такая вялая на родство ... Будто и родных нет, а все троюродные да сводные» (199).

Именно в таком масштабе, с точки зрения исторического бытия России, пробуждения национального самосознания русского народа, осмысляет действия Тамары Ивановны ее отец. Испытывая муки от тяжкого греха, совершенного дочерью, Иван Савельевич понимает значительность ее поступка. В проявленной Тамарой Ивановной силе, в ее решительности участвовать в этом противостоянии Иван Савельевич увидел и надежду на прочное существование русского народа. Он уверенно заявляет: «Не может быть, чтобы свернули нас в бараний рог» (152). Однако герой понимает и то, что восстановление справедливости, утверждение «соборного нравственного закона», «естественного, тысячелетиями выработанного, собственного пути»¹⁶ русского народа – дело не одного человека, а народа в целом. Противостоять натиску «коршунов», стремящихся уничтожить духовные нормы народной жизни, нужно только всем русским миром. На вопрос своей маленькой, но прозорливой внучки: «Учить таких надо, да, дедушка?» (159), Иван Савельевич отвечает: «Учить надо... Но сдастся мне, что поодиночке не выучить...» (159). Современная действительность, считает он, напоминает ситуацию великой войны, когда каждый неистово защищал свою Родину. Герой вспоминает: «Как на фронте было... Кто кого: перекрестимся втихаря да с криком „За Родину, за Сталина! – в атаку! – и добавляет – Вот так бы и теперь всем оставшимся народом!“» (159).

Тамара Ивановна возложила на себя то, что должно делаться всем миром. Народ, изображенный в повести, хорошо понимает это. Не случайно все, кто собрался в суде: адвокат, прокурор, судья, человек «сорок-пятьдесят» для «поддержки Тамары Ивановны» – «все словно чувствовали себя виноватыми и прятались за процедуру суда, необъяснимая тяжесть висела в воздухе» (193). Все они испытывают вину за то, что смогли допустить трагедию Тамары Ивановны, но вместе с тем они благодарны ей за этот жертвенный поступок, потому что он смог показать душевные силы народа и его способности в преодолении общего горя. В повести звучат одинокие голоса, сливающиеся в единый народный хор. Все как один жалеют и оправдывают свою «мать-героиню» (133). Будь то обычный милиционер, который сразу же после выстрела, заглядывая ей в лицо, с неподдельным «участием» и состраданием сказал: «Пойдем, милая!» (111); или сосед боцман, «с восторгом» восклицающий: «Ну, молодец, баба!»

(119); или тот же судья, который «громко и протяжно» вздыхал, «когда выслушивал других и когда говорил сам» (193). Даже в прокуратуре «Тамару Ивановну жалели и втайне оправдывали» (168), потому что не понимали, осуждать «за превышение чего? – материнских и человеческих чувств, за превышение чувства справедливости?» (168). И наконец, мнение всего города читатель слышит из уст Егорьевны: «Тамару Ивановну очень жалеют. ... Очень. Весь город об этом говорит» (133). Вспомним, как после заседания суда весь «зал устроил ей овацию» (194). Чрезвычайно важно замечание автора о том, что и общество стремится откликнуться на поступок Тамары Ивановны конкретными действиями. В желании народа «всем миром» собрать деньги на «самого лучшего» адвоката проявилось его стремление встать на защиту человека, который отстаивает общенародные принципы.

Не случайно В.Г. Распутин назвал свою повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Автор уже в названии акцентировал внимание читателя на том, что Тамара Ивановна предстает лишь как одно из звеньев неразрывной цепи рода. Поэтому отношение к ее поступку важно не только с точки зрения Ивана-старшего, но и в восприятии Ивана-младшего, с точки зрения будущего России. Очевидно, что нравственному развитию Ивана, «самовозрастанию личности в нем»¹⁷ способствовал прежде всего поступок его матери.

В начале повествования Иван предстает как человек, не включенный в семейные переживания и даже несколько инфантильный, однако обладающий и природной прочностью характера, и «крепостью собственного закала» (62). Но эти качества лишь потенциальны, они не получили полного развития, потому что у Ивана «не было ... еще никакого четкого мировоззрения» (178). И только после семейной трагедии и поступка матери Иван изменился: «Вдруг в считанные месяцы точно открылось какое-то глубинное зрение и переместило его из одной действительности в другую» (178). Он словно бы «вытиснулся из себя» и вышел в мир. В этом новом для него мире Иван увидел то, чего «прежде не замечал» – «приговоренное жертвенное стадо, теснимое к обрыву и не понимающее, что с ним происходит» (178). Но, самое главное, Иван понял, что это «его народ» (178). Народное чувство, надо думать, пришло не само по себе к герою, оно возникло под воздействием поступка матери, вставшей на защиту народа. Это чувство ответственности за свой народ, утвержденное примером матери, стало основой мировоззрения героя.

Иван изображен в повести как достойный сын своей матери. Собственные действия и личностные качества он всегда соотносит с поступком Тамары Ивановны и ее характером. Его нежелание прятаться в домашних стенах от возможной угрозы воспринимается как стремление сильной личности отстаивать свои права, проверить собственную прочность. Так, Иван задается вопросом: «Почему он должен кого-то бояться?» и решает для себя: «Мать не испугалась и тем самым как бы и ему наказала не бояться» (175).

Тамара Ивановна воспринимается Иваном как сильная волевая личность. Он гордится ее поступком, более того, в таком проявлении силы характера он видит единственно возможный путь сохранения человеческого достоинства. Когда Иван один на один столкнулся с безмерным хамством и страшной наглостью, которую, по словам Ивана Савельевича, русские не выдерживают, он не растерялся и не струсил. В ответ на угрозу и оскорбления противника Иван схватил камень и уверенно сказал: «Слышал ты, что недавно одна женщина прямо в прокуратуре пристрелила... Пристрелила такого же налетчика, как ты! Это моя мать. ... Этот щенок тоже умеет кусаться больно» (192). Важно еще и следующее после этих слов мужественное поведение героя. Автор отметил, что «отбросив камень, Иван нарочито близко, едва не задевая, прошел мимо мужика и поднялся на яр» (192). Можно сказать, что вся натура, вся сущность героя проявились в этом поступке. Очевидно, что Иван нравственными убеждениями и волевыми качествами является восприимчиком своей матери.

Тамара Ивановна всколыхнула сознание всего общества и оказала влияние и на сознание юного поколения. Ее поступок стал необходимым импульсом для развития потенциальных сил и возможностей народа. Не случайно у ее сына Ивана возникает жажда новой жизни, созидательной силы. Он выбирает путь духовного обновления, основанного на традициях его народа. Представляется важным обращение Ивана к родному слову. Исследователи справедливо увидели в этом знак спасения русской культуры. Сам же герой убежден не только в необходимости «узнавания» русской культуры, но и в необходимости проявления конкретных действий по спасению этой культуры: «Представлялось ему, что должны быть какие-то физические действия, а не лингвистические изыскания» (177).

В повести отчетливо отражена уверенность автора в том, что этот молодой человек, уезжающий строить церковь на роди-

ну матери и деда, прочно стоящий на земле и обладающий волевой решительностью, и есть будущее страны.

И все-таки несправедливо было бы считать, что только Иван предстает в повести как чаемая надежда России и будущей жизни вообще. Потому что лишь один герой посреди всеобщего хаоса – надежда невеликая. В «самой страшной повести» (В. Курбатов) В. Распутина нет ощущения безысходности. Художник всегда искал и ищет созидательную силу в жизненном обвале. В своих поисках он опирается на утверждаемую им силу русского человека.

О неизжитой мощи русского человека размышляет главная героиня повести Тамара Ивановна. Вспомним, с каким волнением «до комка в горле» (225) она, только что вышедшая из заключения, наблюдала, как «рослая мясистая деваха вела впереди себя вилами по борозде ... И стояла с широко расставленными голыми богатырскими ногами, многодумно наблюдая, как огонь пожирает ботву» (224).

Мелькающий в финале повести эскизный образ женщины-богатыря явно перекликается с фольклорными образами великих богатырей земли русской. Источником ее силы и величия являются все тот же крестьянский труд, все та же «укорененность» в земле, и идущая от нее нравственная устойчивость. Тамара Ивановна уверена, что такая женщина, которая смогла сохранить от века существующий порядок русской жизни, сможет выстоять в этом, новом мире и сохранить его: «эту с могучих ее ног не собьешь, и она в мелкую тараканью жизнь не вместится» (225).

Размышление главной героини о духовной крепости русского человека дополняют, делают более весомыми надежды В. Распутина, связанные в первую очередь с образом Тамары Ивановны. Ведь писатель не ограничил ее судьбу весьма значительным (даже в национальных масштабах) поступком. Решительный поступок Тамары Ивановны потребовал от нее колоссального напряжения внутренних сил, мученических страданий от совершенного греха, но даже при этом ее душевный потенциал оказался не исчерпан. Неслучайно героиня воспринимает день своего возвращения домой как «день целебный, случающийся раз или два в году, на каких-то таинственных переходах, все-все вокруг умиривший, напивавший надеждой» (225). И верится Тамаре Ивановне, что в такой день «наверное, не окажутся обделены совсем и те, кто начинает с него новую жизнь...» (225).

Для новой жизни ждут ее «осиротевшие мужики», ждет ее Светка с дочерью на руках, и конечно, Иван Савельевич. Ждет ее

Анатолий, размышляя о «буйнопомешанном» времени «уродства и низменных изувеченных страстей» (222), и невольно связывает он «чаемые свои надежды» на то, что оно когда-нибудь да кончится «с освобождением Тамары Ивановны» (222).

В 1996 г. В. Распутин опубликовал свой «Манифест». В нем он решительно не согласился со все более усиливающимся сегодня мнением о «смерти русской литературы». Считая ее «выговаривающейся духовной судьбой» России, писатель определил великую ее цель: «у национальной литературы нет и не может быть другого выбора, как до конца служить той земле, которой она была возвращена»¹⁸.

В. Распутин убежден, что великая эта миссия ставит перед современным русским писателем чрезвычайно важную задачу: «Наступила пора для русского писателя вновь стать эхом народным и не бывшее выразить с небывалой силой, в которой будут и боль, и любовь, и прозрение, и обновленный в страданиях человек. К нашим книгам вновь обратятся сразу же, как только в них явится волевая личность ... человек, умеющий показать, как стоять за Россию, и способный собрать ополчение в ее защиту»¹⁹. В. Распутин «по праву русского писателя» на протяжении всего своего творческого пути слушает голос народа и ищет в нем героя. Качества народного заступника, сумевшего встать на защиту истории, жизни, народа и держать перед ними ответ, он нашел в своей героине, русской женщине. Писатель увидел в ней и утвердил духовные силы и волевою решительностью, которые способны пробудить национальное самосознание и «собрать ополчение в защиту» своей страны.

Примечания

¹ Латынина А. Литературная газета. – 1995. – № 36.

² Агеев А. Распутин новый и старый // Знамя. – 1999. – № 6. – С. 218.

³ Быков Д. Снасильничали // Огонек. – 2003. – № 44.

⁴ Там же.

⁵ Распутин В.Г. Мой манифест // Распутин В.Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – С. 89.

⁶ Литературная газета. – 1989. – 25 янв.

⁷ Курбатов В.Я. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. – Иркутск, 2007. – С. 267.

⁸ Распутин В.Г. Я отчаялся // Труд. – 2004. – 29 июля. – С. 4.

⁹ Цит. по: Курбатов В.Я. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. – Иркутск, 2007. – С. 265.

¹⁰ Распутин В.Г. Я отчаялся // Труд. – 2004. – 29 июля. – С. 4.

¹¹ Цит. по: Курбатов В.Я. Долги наши. Валентин Распутин: чтение сквозь годы. – Иркутск, 2007. – С. 157-158.

¹² Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть, рассказы. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. – С. 7. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹³ Огрызко В. Валентин Распутин. На родине: возможен ли прорыв // Литературная Россия. – 2005. – № 6. – С. 4.

¹⁴ Россия между Путиным и Распутиным (беседа с В.Г. Распутиным) // www.gazeta-sarov.ru.

¹⁵ Распутин В.Г. Пожар // Распутин В.Г. Живи и помни: Повести, рассказы. – М.: Эксмо, 2002. – С. 454. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁶ Исчужили Россию (беседа с В.Г. Распутиным) // Советская Россия. – 2005. – № 13–14. – С. 2.

¹⁷ Кокшенева К. Связующая в род (О повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» и о ее интерпретациях в литературной критике) // Подъем. – Воронеж. – 2004. – № 2. – С. 138.

¹⁸ Распутин В.Г. Мой манифест // Распутин В.Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – С. 89–90.

¹⁹ Там же. – С. 89.

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВ

ШОЛОХОВ В СУРГУТЕ

Уникальная находка преподавателя Сургутского педагогического университета удивила даже внука знаменитого писателя. Выставленная в Сургуте копия черновика романа «Тихий Дон», принесшего русскому писателю Михаилу Шолохову Нобелевскую премию, вызвала у внука Шолохова, Александра Михайловича, большой интерес. Биолог по специальности, он является директором самого крупного площади в Европе Государственного музея-заповедника, который отражает жизнь и творчество М. Шолохова.

Недавно внук писателя стал главным гостем на официальном открытии музея имени М. Шолохова в Сургутском государственном педагогическом университете. Инициатором создания музея стал тот, кто нашел рукописи, ставшие еще одним доказательством в неутихающем до сих пор споре об авторстве романа «Тихий Дон». Это доктор филологических наук, профессор Юрий Дворяшин.

— На эти восемь листов рукописи «Тихого Дона» из довоенного архива писателя я случайно наткнулся при подготовке докторской диссертации в Российском Государственном архиве литературы и искусства в Москве, — рассказывает Ю.А. Дворяшин. — В папке «Письма солдат М. Шолохову», которой, как оказалось, до меня никто не интересовался, обнаружил листы с почерком писателя. Оказалось, что они сюда перекочевали из Союза писателей. Эти письма были пересланы писателю офицером Красной Армии А.В. Барановым. В 1942 году во время бомбежки дома Шолоховых, как известно, почти полностью был уничтожен его довоенный архив. Эти листы рукописи, как говорится в письме, Баранов подобрал в 80 километрах от его родины, на правом берегу Дона близ хутора Кутейников. Территория в то время была занята немцами. Как эти листы попали туда? Скорее всего, их забрали немецкие солдаты в соответствии со спецзаданием командования.

В 2006 году Шолоховский научный центр под руководством профессора Дворяшина, получивший признание в научном сообществе России, выиграл грант губернатора Югры на поддержку научных школ.

Благодаря этому в Сургутском государственном педагогическом университете при поддержке ректора Н.В.Коноплиной и фонда «Словесность» начал выходить сборник научных трудов российских шолоховедов «Шолоховский вестник» и появилась реальная возможность для создания музея.

Кроме найденной рукописи романа, впервые в России выставленной на общее обозрение публики, в музее представлены экспонаты, собранные Юрием Александровичем в течение последних 25 лет. Среди них такие редчайшие книги, как первые отдельные издания романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», первое собрание сочинений, миниатюрные книги, зарубежные издания, а также сборники научных статей сургутских и российских шолоховедов.

Сейчас фонд музея пополнился новыми книгами – подарками внука Шолохова: «Летопись жизни М. Шолохова» и «Музей в 21 веке», (о музее-заповеднике им. М. Шолохова в станице Вёшенской), а также серебряной монетой с изображением М. Шолохова.

Особое место среди выставленных в музее книг занимает подготовленное Ю.А. Дворяшиным научное издание романа «Поднятая целина» 2001 года, в котором воссоздан подлинный шолоховский текст, не тот, который не один раз правился редакторами-идеологами, которые лишили роман тонких оттенков шолоховского юмора.

Профессор Дворяшин единственный из региональных ученых входит в шолоховскую группу Института мировой литературы, которая готовит к выпуску научное собрание сочинений М. Шолохова.

В музее внук Шолохова с особой теплотой разглядывал стенды со старыми фотографиями, где нашел себя, маленьким мальчиком сидящим на коленке любимого деда.

Из экспонатов музея большой интерес вызывает редкая коллекция значков, посвященных легендарному писателю, собранная супругой Ю.А. Дворяшина, Ниной Алексеевной. Богатая кинотека, где собраны все старые и новые фильмы, снятые по произведениям Шолохова. Здесь и фотографии с празднования 100-летия М.Шолохова, проведенного в Сургуте с участием народной артистки СССР Зинаиды Кириенко, исполнительницы главных ролей в фильмах «Тихий Дон» и «Судьба человека».

Особый колорит новому музею придает уголок, посвященный казачеству, где картину с родным домом Шолохова окружают плетень и сноп. Здесь же шашка, старинный утюг и крынка, привезенные с Дона. Начальник штаба Сургутского городского казачьего общества, есаул Валерий Волков, презентовал музею настоящую казачью форму.

Кстати, сургутские казаки считают Шолохова, автора романа-энциклопедии о казачестве, самым близким по духу писателем, а открытие его музея – возрождением казачества. Ведь, как говорил Л. Толстой, «вся Россия сделана казаками». В том числе и Сургут, что отражено в памятнике основателям города. Для молодых сургутян открыт казачий кадетский корпус, так что образ казака, истинного защитника родного народа и православия, свободного в полном смысле этого слова воина-землепашца, роднит Шолохова с Сургутом и Сибирью, хоть писатель здесь ни разу и не бывал.

А может, нам в казаках и нужно искать объединяющую всех россиян национальную идею?

– Я искренне рад открытию этого музея. Он первый в зауральской части России и уникален тем, что напрямую не связан с судьбой писателя, – сказал на открытии музея А.М. Шолохов. – Когда я увидел музей, мои сомнения по поводу необходимости такого литературного музея в Сургуте исчезли. Это поворот к нашей истории, ее переосмысление. Мы вычленим те родственные, культурные опоры, на которых держится наша страна. Это свидетельствует о позитивных переменах в России. Отрадно, что изначально это происходит на уровне гражданской инициативы.

– Шолохов – это духовная сокровищница нашего народа, и чрезвычайно актуальный писатель сегодня, – уверен Ю.А. Дворяшин. – Когда мы со студентами читаем отрывки «Тихого Дона», у всех по щекам слезы текут. Шолохов всех покорила своей художественной мощью. Феномен этого писателя состоит в том, что он в произведениях не философствует, а рассказывает простым языком родного народа. Вершины высшей их духовных ценностей его герои постигают ценой утраты близких людей. Григорий Мелехов мечется между красными и белыми в поисках истины, а в финале остается с самым драгоценным, что есть в его жизни – с сыном Мишаткой. Или, прощаясь с казаками, говорит: «Главное – головы берегите, ими еще думать придется».

Разве не актуально это звучит сегодня, во времена наших демократических метаний за иллюзорными ценностями? В

последние полтора десятилетия мы бросались во все крайности. Мы голосовали за людей, которые, как оказалось, были пустышками. А гражданская война в нашем обществе ведь до сих пор продолжается...

В нашей мирной среде это проявляется неотчетливо, но угли тлеют. И если мы не усвоим уроки истории, осмысленные в произведениях Шолохова, она никогда не закончится...

«Югра», 2008, №6. С. 58-61.

ДАРЬЯ МЕЛЬНИКОВА

СУРГУТСКИЕ КАНИКУЛЫ АЛЕКСАНДРА ШОЛОХОВА

Когда внука Михаила Александровича Шолохова пригласили на открытие музея великого писателя в СурГПУ, его, как он признался в интервью, захлестнули одновременно и радость, и гордость. В то же время у него возник вопрос о необходимости музея именно в Сургуте. Когда же Александр Михайлович приехал в вуз, вопрос отпал сам собой.

– *Доводилось ли Вам бывать ранее в Сибири?*

– Да, за Уральским хребтом я бывал, но в Сургуте – первый раз. Испытал восторг.

– *Как Вам наши снега в середине весны?*

– Снега я воспринял с удовольствием. При свете прожекторов в аэропорту увидел снег. Центральная Россия уже два года лишена снега. У нас даже зимой его не было. Ни в Москве, нигде.

– *Вы, безусловно, бывали во многих городах европейской части России. Есть ли что-то, что поразило Вас в Сургуте?*

– О Сургуте пока еще не могу ничего определенного и оригинального сказать, потому что город я видел, к сожалению, только фрагментами. Дело в том, что я приехал только на один день, и программа моего пребывания в Сургуте чрезвычайно насыщена. Но я надеюсь, что приеду еще.

– *С вашей точки зрения, какое место занимает Сургут на литературоведческой карте (в области шолоховедения) России?*

– Я считаю, что один из лучших шолоховедов не только в России, но вообще один из лучших, – самых думающих и самых знающих – это Юрий Александрович Дворяшин. Так что, скажем так, если у нас в стране две постоянных столицы, то одна из столиц шолоховедения – это Сургут.

– *Каким в вашей памяти остался Ваш дедушка, М.А.Шолохов?*

– Михаил Александрович не был строгим, но пользовался в семье непререкаемым авторитетом. Впрочем, и не только в се-

мье. В его присутствии многие из великих мужей терялись. Не потому, что это был гипноз, который тебя как рентген пронизывал. Нет. Просто каждый, кто общался с Шолоховым, понимал, что находится рядом с человеком, который гораздо масштабнее и значительнее тебя.

– *Каково Ваше впечатление о музее?*

– Честно скажу, что экспонаты не могут меня потрясти, потому что я их все знаю: они такие же, как и в наших фондах. Если бы в музее лежала какая-нибудь личная вещь Михаила Александровича, неожиданно открывшаяся в Сургуте, это меня поразило бы. А так экспонаты меня потрясти не могут. Но меня совершенно удивил уровень, на котором сделана выставка. Экспозиция выполнена по всем современным канонам. Здорово! Молодцы!

Что особенно ценно, так это то, что музей создан в результате проявления гражданской инициативы. Я понимаю, что без помощи и руководства администраций разных уровней начинания не осуществить, но главное – откуда исходит инициатива. А здесь – инициатива гражданская. Это показывает, что, действительно, гражданское общество не только в Сургуте – в стране начинает формироваться не в виде призывов и деклараций, а действительно – созданием музея, например, событие это знаковое потому, что проходит в Сургуте, а не в центральной части России. Значимо оно и тем, что мы наконец начинаем беречь те нравственные опоры, на которых держится наша страна.

Недавно наш Государственный музей-заповедник М.А.Шолохова в Вешенской был приглашен в Тайвань для того, чтобы принять участие в выставке «Три века русской литературы». Они пригласили музей Пушкина, Ясную Поляну и нас. Это очень показательно, потому что они нам сами подсказали, какие великие творцы являются основополагающими фигурами в нашем духовном развитии.

Пушкин – «солнце русской литературы». XIX век – это, безусловно, Толстой. И XX век в русской литературе ассоциируется в мире с Шолоховым. Для нас участие в этом проекте было крайне поучительно, потому что создать выставку о трех писателях гораздо проще, чем об одном. Главное, что мы озадачились мыслью: «А на чем мы держимся?» И когда мы сейчас осуществляем такие знаменательные проекты, как открытие музея Шолохова в Сургуте, понимаем: это лучшее, чего мы можем ожидать в плане позитивных перемен в стране.

Все российские музеи Шолохова в той или иной степени приурочены к местам, где Михаил Александрович непосредственно бывал. В Сургуте же он не был. В этом смысле ваш музей, безусловно, первый.

Хотел бы подчеркнуть значимость, которая мне в этом событии видится. Мы начинаем воспринимать свою культуру как часть всемирной культуры и как ту культуру, в контексте которой вполне резонно ставить памятники или открывать музеи независимо от того, где представители этой культуры рождаются. Русский писатель М.А.Шолохов – явление мировой культуры.

ЮРИЙ ДВОРЯШИН

СЛОВО О ГОГОЛЕ

Выдающийся немецкий писатель Томас Манн выражая, кажется, общеевропейскую позицию, назвал русскую литературу «святой». Конечно, при этом имелась в виду классическая образцовость ее художественности, но, безусловно, также и ее приверженность самым высоким духовным ценностям, которые выстрадало человечество. Действительно, вершинные произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого есть воплощение добра, совести, чести, человеческого достоинства в высшем их проявлении.

В этом ряду национальных гениев особое место принадлежит Н.В. Гоголю. Для него православно-этические идеалы были не только своеобразным мерилom в оценке человека, но и предметом глубоких, страстных, порой мучительных раздумий и переживаний.

Явление Гоголя – и как личности и как художника – чаще всего сопровождается в литературной науке, да и в околелитературной молве, такими словами, как таинственный, загадочный, магический.

Действительно, в Гоголе есть что-то мистическое, словно его глазами увидено, его устами произнесено что-то такое, что доступно только высшим силам.

Не будем принимать во внимание бытующие и ныне байки по поводу всякого рода странностей якобы происходящих в связанных с Гоголем местах: то в доме, где писатель провел последние дни своей жизни и где сжег рукопись 2-го тома «Мертвых душ» вдруг снова сам собою возгорается камин, то кто-то очень похожий на Николая Васильевича тенью бродит по опустевшим комнатам и т.п. Но ведь были в жизни Гоголя моменты, которые если и можно объяснить случайностью, то все же случайностью чудесной.

Взять хотя бы сам факт рождения будущего писателя. Со школьных лет мы знаем, что он родился 1 апреля (20 марта по ст. стилю) в селении Малые Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии, т.е. можно сказать - в самом сердце Украины.

Но мало кто обращает внимание на то, что само появление на свет Гоголя как будто было предопределено свыше. Будучи старшим ребенком в семье, он не был первенцем: его мать, Мария Ивановна, несколько раз рожала, но дети были слабыми и умирали на первом месяце жизни. Будучи беременной Гоголем, Мария Ивановна особенно искренне, истово молилась чудотворному образу Николая Диканьского, хранившемуся в Николаевской церкви села Диканька и дала обет: если родится мальчик, назвать его Николаем. Так что в определенной трактовке своим рождением Гоголь был обязан божественному промыслу. Впрочем, и сам писатель этого не отрицал, особенно в последний период жизни, неоднократно утверждая: «я чувствую, что не земная воля направляет путь мой». И еще: «Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей».

Как известно, Диканька дала материал и для создания восхитившего общественность сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь Гоголь предстал перед читателем как художник глубоко и сердечно влюбленный в родную Украину. Это проявилось и в пронзительной лирической интонации («Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи») и в гиперболизации, чрезвычайном укрупнении явлений жизни («Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои... Редкая птица долетит до середины Днепра! Пышный! ему нет равной реки в мире»). Но если бы кто-то решился поставить здесь точку, он глубоко бы ошибся. Ибо уже в «Вечерах» украинофильство Гоголя органически сочетается с родственной любовью к специфическим чертам русской жизни.

В первую очередь это проявилось в отношении Гоголя к языку. Нет оснований усомниться в том, что он не только писал, но и думал, чувствовал, как говорить, видел сны на русском языке. Через всю свою жизнь пронес он, великий кудесник слова, восторг по отношению к языку. В 1846 году Гоголь писал: «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна;... он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно... имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку... Пройдет эта речь уже насквозь всю душу и, ... ударивши по всем струнам, какие ни есть в русском человеке, внесет в самые огрубелые души святую того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке; вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию... ту, которую извлечет она из нас же и покажет таким образом,

что все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитания и мнений, скажут в один голос: «Это наша Россия; нам в ней уютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине».

Что в Гоголе самое главное? Ответить на этот вопрос однозначно чрезвычайно трудно, если не невозможно. Это однако не означает, что лучше за это дело не браться вовсе. Нужно браться, нужно со всей страстью ума и сердца стремиться к постижению глубинной сути нашего национального гения.

Так вот в этом смысле самое главное в Гоголе это то, что он напоминает, образно говоря, зеркало. В это зеркало может — было бы желание — заглянуть любой — независимо от социального положения, национального менталитета, характера, бытовых привычек и т.д. и т.п. — и увидеть свое изображение в соотношении с идеалом человека, каким его представлял себе Гоголь. Но пусть этот человек знает, что это зеркало льстить не будет, более того, в своем объективизме оно беспощадно. И немалое число заглянувших в это зеркало содрогнется, увидевши себя в непривычном обличье.

Гоголь, конечно, знал, что писал. Однажды как бы мимоходом он заметил: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым». Воздействие этой своеобразной зеркальности гоголевского творчества испытали на себе и те, кто по своему положению чувствовал себя вне критики. Хрестоматийно известен эпизод, когда император Николай I посмотрел впервые «Ревизора», выходя из театра произнес: «Всем досталось, а мне больше всего».

Разумеется, это качество художественного мира Гоголя безупречно действует и сегодня. Но великая миссия беспощадной гоголевской сатиры состоит в том, что она не унижает, не опускает героя, а, напротив, заставляет его подняться, возвыситься, он словно бы призывает и требует: «Будь человеком!» Гоголь никогда не насилует героя, не относится к нему высокомерно. Тем более уважительно и деликатно его отношение к читателям, которым он говорил: «Это мои пороки, не ваши. Вы «лучше» моих персонажей. Но следует каждому задуматься над тем, что я нарисовал; нужно стараться уберечь себя от разрушительного действия тех страстей, которыми захвачены герои поэмы. Берегите ваши души!»

Слышим ли мы сегодня пророческий голос Гоголя? Разумеется, наиболее сознательная, думающая часть общества не

только помнит великого писателя, но и стремится его понять, осмыслить. Но нельзя не сказать и о рецидивах, я бы сказал, высокомерного отношения к нашему гению. Нетрудно заметить у некоторых наших современников странное отношение к Гоголю: едва ли не клянясь в своей любви к нему, они принимают в творчестве писателя только то, что им нравится сегодня. А другие суждения, взгляды, позиции писателя отвергаются, мол, этого не надо ибо здесь Гоголь кого-то обидел, здесь он чересчур русофил, здесь он неудачно выразился и т.д. тем самым делается вид, мол, мы-то сегодня умнее Гоголя, мы дальше и глубже видим и лучше понимаем. Глубокое заблуждение! Ведь значение наших великих пророков в том и состоит, что они и через столетия помогают нам найти ответ на извечный пушкинский вопрос: «Куда ж нам плыть?»

Гоголь – один из самых великих наших поводырей, его надо читать всего, ничего не выбрасывая, в каждом его слове нужно находить и постигать вложенный в него смысл. Только тогда мы сможем со всей ответственностью сказать: «Гоголь – наш современник».

ЛЮБОВЬ КОНДАКОВА

СВЕТЛАНА РОМАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ СУРГУТСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

Пушкин принадлежал и будет принадлежать России – её прошлому, настоящему и будущему. Образ Пушкина и сегодня остаётся для каждого из нас светлым идеалом, яркой звездой добра и истины, к которой стремится душа.

Пушкинская тема всегда была популярной в сургутских библиотеках. На заре XX века в библиотеке-читальне Г.А. Пирожникова проводились публичные чтения произведений поэта, декламация его стихов. В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы огромное значение имела для сургутян прекрасная школьная самодеятельность, обязанная энтузиазму, большому вкусу и культуре преподавателя Анны Андреевны Знаменской. Был хороший хор, интересные пушкинские вечера, когда ставились сцены из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина». В 50–70-е годы в сёлах Сургутского района большим успехом пользовались художественные вечера, посвящённые творчеству А.С. Пушкина, театрализации повестей «Барышня-крестьянка», «Дубровский». В постановках были задействованы учащиеся сельских школ. Надо было видеть, как они перевоплощались, с каким удовольствием и мастерством исполняли свои роли.

Но традиционной, одной из основных, стала пушкинская тема в Центральной городской библиотеке г. Сургута с начала 1980-х годов XX века. В июне 1984 года было широко отмечено 185-летие со дня рождения А.С. Пушкина. В библиотеках были развернуты книжные выставки: «И чувства добрые я лирой пробуждал!», «Солнце русской поэзии», «Душа в заветной лире», «Пушкин – ты, Родина!». На выставках представлены различные виды изданий о Пушкине: книги, литературные публикации и критика, проспекты, открытки, портреты, иллюстрации. Читатели впервые познакомились с новыми литературными исследованиями, посвящёнными жизни Пушкина, его семье, жене, детям, потомкам, близкому окружению. В Центральной городской

библиотеке прошёл литературный вечер «Погибельное счастье» – о жене поэта Н.Н. Гончаровой. Эти события имели резонанс в городе. О них говорили, обменивались мнениями, они были освещены в газете «К победе коммунизма». Усилился интерес читателей к жизни и творчеству А.С. Пушкина.

В 1994 году, к 195 годовщине со дня рождения А.С. Пушкина методическим отделом Центральной библиотеки был разработан цикл вечеров о его жизни и творчестве: «Детство Пушкина», «Лицейские годы», «Пушкин в Михайловском», «Болдинская осень», к проведению которых были привлечены гуманитарные классы общеобразовательных школ.

Работники городской библиотеки № 3 (заведующая Т.А. Нестерова) и учащиеся гуманитарного 9 класса школы №14 подготовили спектакль по роману в стихах «Евгений Онегин» и сняли по нему любительский видеофильм.

Опыт работы по пушкинской теме постепенно накапливался и оттачивался от единичных мероприятий отдельных библиотек мы стали переходить к пушкинским циклам.

К 160-летию со дня смерти А.С. Пушкина (февраль 1997 года) работники Центральной городской библиотеки подготовили большой литературный вечер. На нём присутствовали библиотекари, сургутские поэты, библиофилы, педагоги вечерней школы, учащиеся старших классов. Были и вступительное слово, и чтение стихов, и рассказы о пушкинских экслибрисах библиофила В.Г. Красильникова и исполнение музыкальных произведений на стихи А.С. Пушкина. Большой интерес вызвало выступление Л.Ю. Кондаковой, посвящённое английским потомкам и родственникам поэта (Маунтбеттены, Уэрнеры-Филипсы, королевская семья). Было отмечено, что принц Чарльз пожелал спонсировать факсимильное издание альбома «Рисунки Пушкина». Это повлекло за собой оригинальный цикл вечеров русской поэзии «Элегия», «Поэты пушкинской поры», «Очей очарование!», а также тематических вечеров «Потомки Пушкина», «Семья Пушкина в портретах», «Русские гравёры – иллюстраторы произведений А.С. Пушкина». Эти мероприятия прошли в читальных залах Центральной городской библиотеки, на заседаниях профессионального литературного клуба «Вдохновение», в гимназиях и школах города. Преподаватели школ, любители пушкинской поэзии выражали благодарность библиотеке за представленные новые для них темы и литературоведческие материалы.

В 1998 году началась усиленная работа по подготовке к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Важным событием в культурной и литературной жизни города в это время явилась историческая выставка «Пушкин. Декабристы. Сибирь», организованная совместно Пушкинским домом (г. Санкт-Петербург) и Сургутским городским краеведческим музеем по инициативе Центральной городской библиотеки. На выставке были представлены произведения искусства, предметы быта пушкинской эпохи, исторические документы о Пушкине и декабристах, привезённые из Санкт-Петербурга, а также коллекция редких книг, посвящённых Пушкину из фондов Центральной городской библиотеки.

Незабываемое впечатление оставили встречи с заместителем директора Всероссийского музея А.С. Пушкина, доцентом Р.В. Иезуитовой в библиотеках и учебных заведениях города. В своих лекциях-выступлениях она рассказала о том, как был создан музей, об известных людях музея, замечательных коллекциях, подлинных экспонатах. Читатели узнали много интересного о научных исследованиях, проводимых в области пушкиноведения.

Не меньший интерес вызвала выставка, посвящённая 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина «Стихия вольного стиха», в организации которой приняли участие Городской краеведческий музей, Центральная городская библиотека, библиотека по искусству, сургутские книголюбы, владельцы частных коллекций книг и книжной графики. На открытие выставки приехали известные деятели культуры и литературы России, Тюмени, ХМАО. Выставочный зал Городского краеведческого музея оказался заполнен присутствующими, среди которых были библиотекари, преподаватели вузов и школ, сургутские поэты, студенты, учащиеся, любители пушкинской поэзии.

В 1998 году в ЦБС была разработана программа «Прощание с веком» на участие в конкурсе «Открытая библиотека» института «Открытое общество» (Фонд Сороса), которая получила грант в размере десяти тысяч долларов США. Эти денежные средства помогли сургутским библиотекам осуществить свою давнюю мечту – познакомить детей нашего города с российскими детскими писателями, поэтами и иллюстраторами детских книг. В дни весенних каникул прошёл съезд «Современная художественная литература для детей и юношества на рубеже веков», который явился настоящим праздником и событием в культурной жизни города. Его участниками и гостями были: социолог детского чтения Л.В. Степанова, писатели В.М. Воскобойников и В.Г. По-

пов (г. Санкт-Петербург); группа журнала «Детская литература» И.Г. Нагаев, Л.У. Звонарёва, Л.М. Раскова, А.С. Ананичев. В Сургут приехали писатели региона А.М. Марласов, З.К. Тоболкин, Н.М. Шамсутдинов, А.С. Тарханов. В работе съезда также приняла участие творческая группа института «Открытое общество» в составе В.В. Лунина, Г.Н. Юдина, О.Н. Мяотс. Съезд работал два дня. Состоялись выступления писателей, литературных критиков, пресс-конференции с журналистами города и региона. Отдельные творческие встречи и презентация журнала «Детская литература» были организованы в различных библиотеках, в детских и подростковых клубах, в учебных заведениях города. Эти встречи надолго остались в памяти юных читателей, ведь они могли свободно общаться с авторами известных детских книг, взять автографы, задать волнующие вопросы.

В течение года дети участвовали в различных конкурсах, посвящённых жизни и деятельности А.С. Пушкина. Победители конкурса были отмечены замечательным подарком – путёвкой в город Санкт-Петербург. За восемь дней сургутские дети многое узнали и увидели в городе на Неве. Ознакомились с пушкинскими местами Санкт-Петербурга и пригорода. Посетили Царскосельский лицей, Всероссийский музей А.С. Пушкина, музей-квартиру на «Набережной Мойки», место дуэли поэта на Чёрной речке. Кроме мест, связанных с биографией поэта дети посетили Эрмитаж, прошли по Дворцовой площади, Невскому проспекту и Марсову полю. У памятника Петру I читали отрывки из «Медного всадника» «Полтавы». Вечером были прогулки по замечательным паркам и улицам города. На память об этом путешествии всем остался видеофильм и альбомы фотографий.

Вернувшись в Сургут, ребята поделились своими впечатлениями о поездке в детской телепередаче «Карусель», и в программе «Сургутинтерновости». Следуя условиям программы «Прощание с веком», дети написали письма-обращения к своим сверстникам в 2099 год – год 300-летнего юбилея А.С. Пушкина.

6 июня 1999 года в ДК «Энергетик» прошёл большой городской вечер, посвящённый 200-летию юбилею А.С. Пушкина. Горожан поздравили директор Департамента культуры, молодёжной политики и спорта Я.С. Черняк, «лово о Пушкине» принес профессор СурГПИ Ю.А. Дворяшин, ректор СурГУ Г.И. Назин. От ЦБС произнести юбилейную речь была приглашена Л.Ю. Кондакова. Мэр города Сургута А.Л. Сидоров поздравил присутствующих в зале с юбилеем Пушкина, вручил памятные

дипломы. Затем был замечательный концерт, поставленный силами учреждений культуры и искусства города. Всем запомнились вальс Хачатуряна к драме М. Лермонтова «Маскарад», пушкинские вальсы Свиридова в исполнении симфонического оркестра городского музыкального училища, хор девушек из оперы Чайковского «Евгений Онегин» в исполнении учениц этого же училища («тоненьких белоствольных берёзок»), романсы на стихи А.С. Пушкина в исполнении вокалистов С. Марченко и А. Груздева.

Одной из замечательных страниц в истории Сургутской пушкинианы является деятельность клуба «Сургутский библиофил», заседания которого всегда были отмечены высоким профессионализмом. В хронике клуба отслеживаются следующие мероприятия: сообщение В.Г. Красильникова об участии в совещании-семинаре председателей клубов книголюбов Европейской зоны СССР 1981 года, впечатления о посещении Пушкинского заповедника (с. Михайловское, с. Тригорское) и Псковского кремля. Обзор Г.Н. Библой «Пушкиниана в фондах Центральной городской библиотеки»; сообщение В.Г. Красильникова «Судьба довоенного издания А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Вызвали большой интерес темы: «Пушкин, как феномен отечественного самосознания» (доклад профессора Сургутского пединститута Ю.А. Дворяшина); «Русская поэзия в романсах русских композиторов»; «Прижизненные издания А.С. Пушкина на антикварно-букинистических аукционах Москвы»; «Книгоиздатели пушкинской поры» (М.П. Глазунов, И.В. Слёнин, Греч, А.Ф. Смирдин).

В 2000 году по приглашению Центральной библиотеки и клуба «Сургутский библиофил» приехал в Сургут наш давний друг, профессор Воронежского государственного университета, книголюб, литературовед, сопредседатель Всероссийской ассоциации библиофилов О.Г. Ласунский. Он прибыл на презентацию впервые вышедшего в Сургуте альманаха «Сургутский библиофил», которая состоялась в городской библиотеке № 9. В своём выступлении на торжественной церемонии он назвал альманах добротным изданием, сделанным с большой любовью. А также особо отметил, что выход альманаха является важным культурным событием в истории не только города Сургута, но и всего Западно-Сибирского региона. Затем профессор-литературовед прочитал ряд лекций в библиотеках и учебных заведениях города на тему «Зарубежная пушкиниана». Это был интересный рассказ об уникальных экспонатах одной из зарубежных

коллекций Пушкинианы, которая принадлежала людям искусства и коллекционерам Онегину, С. Дягилеву, С. Лифарю; встречах с французскими пушкинистами и потомками поэта.

Большая и плодотворная работа сургутских библиотек по пропаганде творческого наследия великого русского поэта была замечена жителями, литературной общественностью и администрацией города – в конце 2000 года было сдано в эксплуатацию новое здание Центральной городской библиотеки. Красивое шестиэтажное, построенное по европейским стандартам, оно явилось поистине щедрым подарком городской Администрации – жителям и библиотекарям г. Сургута в честь 200-летней годовщины со дня рождения поэта.

24 октября 2001 года состоялось открытие памятника А.С. Пушкину, возведённого на площади у Центральной городской библиотеки. Создатели памятника: архитекторы Н.Н. Соколов, Н.Н. Михайлов; скульптор А.Г. Дёма (г. Санкт-Петербург). Хотя на листьях календаря значилась осень, у нас в Сибири уже началась зима. Однако день выдался приятный, тёплый, шёл лёгкий пушистый снежок. Как-то по-особому торжественно и в то же время радостно звучали речи, стихи, музыка. Поздравили горожан, читателей и любителей русской поэзии представители городской администрации и культуры, центральной библиотеки, писательской организации и авторы памятника. Честь снять покрывало, окутывающее скульптуру выпала профессору литературы Сургутского педагогического института Ю.А. Дворяшину, почётному гражданину города Сургута И.П. Захарову, поэту Петру Суханову, что и было проделано ими с большой торжественностью, по пушкински строго и достойно. Постамент памятника сразу же покрыли букеты осенних цветов. Осенние цветы – поэту «Болдинской осени». Памятник А.С. Пушкину, как и сама библиотека, стали знаковым местом города. У памятника останавливаются corteжи новобрачных, приносят цветы почитатели поэта, проходят Дни Пушкинской поэзии.

18 февраля 2002 года вышло распоряжение № 366 мэра г. Сургута А.Л. Сидорова о присвоении Центральной городской библиотеке имени А.С. Пушкина.

В Центральной городской библиотеке в рамках универсального книжного фонда постепенно накапливается коллекция редких книг пушкинской тематики. Их приносят в дар жители города (Г.В. Кохановская, В.Г. Красильников, З.А. Мухамедшина), редкие книги приобретаются на аукционах и у букинистов. Сюда

входят: два пушкинских тома (1 и 5) из серии «Библиотека великих писателей», вышедших под редакцией С.А. Венгерова в 1911 году; факсимильное издание сборника стихотворений А.С. Пушкина 1826 года, предпринятое в 1988 году; первый том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, выпущенного в 1905 году издательством И.Д. Сытина. Имеются книги с автографами известных людей, связанных с научными исследованиями в области пушкиноведения (Р. Иезуитова, О. Ласунский, В. Лобурев). Большую ценность представляет коллекция малоформатных и миниатюрных книг, куда входят произведения: «Пушкинский экслибрис» (карманный формат), «Евгений Онегин» (малый формат); миниатюрные издания: «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Цыгане», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Медный всадник». Кроме того, микроминиатюры («Евгений Онегин», все сказки). Всего пушкинский фонд насчитывает 75 книг, в том числе 40 миниатюрных книг и 11 микроминиатюр, созданных «сибирским левшой», художником из Омска А.И. Коненко.

В последнее время всё насыщеннее и богаче становится литературная жизнь нашего города. Чего только стоил литературно-поэтический цикл «Живое русское слово» (руководитель – заслуженный деятель культуры РФ Святослав Белза), который был инициирован Сургутским городским управлением культуры и проходил в период с 1997 по 2002 годы.

В 2002 году в Сургуте был впервые проведён День пушкинской поэзии. С тех пор он проходит традиционно.

6 июня сургутяне собираются у памятника А.С. Пушкину на библиотечной площади: произносят и слушают поздравительные речи, читают стихи, участвуют в театрализованных представлениях и в бальных танцах, возлагают букеты цветов, угощаются именинным тортом. Библиотека каждый год обогащает формы его проведения, расширяет рекламу, вовлекает всё более широкие слои населения. Всё большее число организаций принимают участие в его подготовке и проведении, оказывая спонсорскую помощь. Пушкинский праздник органично вошёл в жизнь города.

Так, в 2005 году Пушкинский День был отмечен презентацией первого номера литературно-художественного альманаха «Сургут». С этого времени началось тесное сотрудничество Центральной городской библиотеки с общественным фондом «Словесность», члены которого, а именно руководивший в то

время фондом профессор Ю.А. Дворяшин, теперешний его руководитель Н.В. Ганущак, а также исполнительный директор С.А. Лагереv, являются непременноv участниками празднований Пушкинского дня. Они также являются или инициаторами, или участниками многих других мероприятий, проводимых в Центральной библиотеке: празднования 70-летия со дня рождения Николая Рубцова, писательских семинаров, литературных конкурсов, встреч с писателями, презентаций новых книг.

6 июня 2006 года у памятника Пушкину на площади перед Центральной библиотекой собралось более ста любителей его творчества. Звучали любимые стихи, причем возраст чтецов варьировался от 4-х до семидесяти лет. Вызвали бурю аплодисментов воспитанники детского сада «Лель». Дети пяти лет, облаченные в специально сшитые костюмы, показали инсценировку «Сказки о спящей царевне и семи богатырях». «Детские» выступления продолжили ребята из детсада «Белоснежки». Позже вниманию гостей были предложены романсы русских композиторов на стихи А.С. Пушкина в исполнении любимого в городе дуэта – Светланы Марченко и Александра Груздева. В завершение праздника все участники присоединились к угощению – именинному торту, украшенному фигурками героев пушкинских сказок.

В 2008 году Пушкинский День явился частью проекта «От чтения к пониманию», над которым работают сотрудники библиотеки в течение года. Главная цель проекта – привлечение внимания к лучшим образцам национальных литератур народов, проживающих на территории Югры. К участию в праздновании Пушкинского Дня России были приглашены представители национальных центров и автономий. Откликнулись все! Представители 22-х диаспор, пришедшие в парадных национальных одеждах, читали стихи Пушкина на своих родных языках: «Узник» на чувашском, «Певец» на казахском, «Памятник» на украинском, «Кавказ» на осетинском... Прозвучали стихи и на немецком, на английском, на французском языках. Переполненный зал пестрел разноцветьем национальных одежд. Прекрасным завершением выступлений стал «Славянский венок» этнографического коллектива колледжа Русской культуры. Многие из руководителей национальных организаций и объединений не только выступили со словами о том, что значит Пушкин для представителей их народов, но и подарили в фонд Центральной библиотеки томики произведений великого русского писателя, переведенных на их родные языки.

Все перечисленные мероприятия объединяют литературную общественность города. Сегодня организаторами литературных и пушкинских мероприятий являются: председатель городского общественного фонда «Наука» профессор Ю.А. Дворяшин, председатель городского общественного фонда «Словесность» Н.В. Ганущак, председатель Сургутского рубцовского центра С.А. Лагерев, заведующая кафедрой литературы СурГПУ Н.А. Дворяшина, заведующий кафедрой общего языкознания СурГУ О.И. Усминский. А также представители библиотек – Н.В. Жукова, Л.Ю. Кондакова, Г.В. Библая, С.В. Романова.

О просвещении общества мечтал поэт, создавая свои прекрасные произведения. Просвещением граждан Сургута с успехом занимается Центральная городская библиотека, предоставляя широкие знания, запечатлённые в книгах. Библиотека и литературная общественность города формируют литературную среду города, воспитывают читательские вкусы, прививают любовь к хорошей литературе, высокой поэзии. Недаром директор Сургутской ЦБС Н.В. Жукова в 2005 году была награждена медалью А.С. Пушкина. Такой медалью награждаются российские и зарубежные общественные и государственные деятели, учёные, специалисты и преподаватели русского языка и литературы, внёсшие значительный вклад в распространение русского языка, русской литературы и культуры в России и зарубежных странах.

А Центральную городскую библиотеку города Сургута читатели ласково называют «Наша Пушкинка».

СЕРГЕЙ ЛАГЕРЕВ

*Не скоро совершается суд над
худыми делами;
От этого и не страшится сердце
сынов человеческих
делать зло.*

Екклесиаст

НЕ УБИЙ!

В мае 2008 года в телевизионной программе Андрея Малахова «Пусть говорят» принимала участие небезызвестная в литературных кругах, Людмила Дербина (по мужу Грановская), которая в 1971 году судом города Вологды была признана виновной в убийстве выдающегося русского поэта Николая Рубцова. По давней договорённости всех, кто занимается творчеством поэта, нигде не называть её имени, я в дальнейшем буду именовать Дербину просто буквой Д. Мне как руководителю городского Рубцовского центра после этой программы позвонили десятки телезрителей. Люди, зная только поверхностно о гибели поэта и доверчиво принимая то, что вещала Д. с экрана за истинную правду, говорили слова в защиту Д., призывали к «милосердию» и «прощению». Проводя вечера поэзии Николая Рубцова, я старался не потакать людскому любопытству и преднамеренно не затрагивал ту давнишнюю трагическую историю, но телефонные звонки ко мне после телепередачи, а ещё больше – наглая прилюдная ложь Д., её разнузданное, особенно в последние годы, поведение вынуждают говорить и писать об этом.

Так что же произошло в том далёком теперь 1971 году?

Рубцов и Д. познакомились в Москве ещё в 1963 году в общежитии Литературного института, но знакомство было мимолётным и никакого продолжения не имело. В 1968 году Д. случайно прочитала только что вышедшую книжку Николая Рубцова «Звезда полей» и была потрясена стихами поэта. В 1969 году специально приехала из Воронежа, где жила в то время, в Вологду и сама пришла на квартиру Рубцова, чтобы,

как она скажет впоследствии, поклониться ему за его поэтический дар. Так начался этот гибельный роман. В ноябре 1970 года Д. поселилась у Рубцова в Вологде (квартира № 66, дом № 3, улица им. А. Яшина). В январе 1971 года они подали заявление в ЗАГС, а ночью с 18 на 19 января, в православный праздник Крещения, и случилась эта трагедия, потрясшая всех! Во время ссоры с выпившим Рубцовым, Д. задушила его, потом убрала в квартире и пошла сама в милицию: «Я убила человека». Был закрытый суд, Д. получила 8 лет. Отсидев 5 лет и 7 месяцев, была досрочно освобождена. Сейчас живёт в Петергофе. Казалось бы: освободилась, живи, замаливай свои грехи, кайся и попроси прощение за содеянное злодеяние у дочери Н. Рубцова, неси достойно свой тяжкий крест! Смири гордыню! Китайская поговорка гласит: *«У человека есть всегда место спасения от всех бедствий; место это – его душа»*. Но нет! Не такой характер у Д. Бесовская червоточина по-прежнему разъедает ей душу и ведёт по жизни. В 1994 году вышел сборник стихов Д. «Крушина». Содержание книжки у многих вызвало тревогу. И эту обеспокоенность лучше всех, наверное, выразил Виктор Филиппов в своей статье «Смерть поэта – литературный капитал для его убийцы» («Известия» 16.11.1996): *«...судя по публикациям о Д. и её стихам, в русской литературе появилась поэтесса с весьма болезненным представлением о духовных ценностях, для которой любовь и убийство есть причина и следствие. Уголовное преступление – ступень к известности. Иногда мне кажется, что грань между добром и злом стёрта...»*

В 2003 году в городе Вельске были изданы её «Воспоминания о Рубцове». Даже таких одиозных исторических личностей, как убийц Пушкина и Лермонтова (Дантеса и Мартынова), невозможно представить записывающими воспоминания о том, как они убивали великих русских поэтов! Скажут, что сейчас другие времена, иные нравы. Да, и, к сожалению, далеко не лучшие, если подобные книги пишут и печатают. А «Воспоминания» Д. читают. Интересно! Это же написала сама убийца. В книге много откровенной лжи, показушной театральности (об этих склонностях Д. упоминается в уголовном деле). Присутствует здесь и целый букет всяческой «чертовщины»: и чёрная магия, и кликушество. И всё это богохульно подано на фоне Православия. Всю книгу представлять незачем. Кому надо, найдут и почитают. Расскажу только о последней главе, где Д., начитавшись, по-моему, Михаила Булгакова, пытается быть похожей на его Маргариту,

а, может, Д. и вправду с Воландом встречалась, кто знает?! Оказывается, через какое-то время после выхода из тюрьмы, Церковь наложила на Д. епитимью на три года, и всё это время она провела на коленях в молитвах. *«И вот наступил баснословный 1991 год. Именно в этом году в моей жизни произошло трансцендентальное постижение многих Божественных истин»*¹, – пишет Д. С ней стали происходить разные чудеса. Когда она нуждалась в средствах, то в Никольском соборе в Петергофе к её ногам упал с небес кошелёк с деньгами. Д. стала слышать в храмах различные голоса, а однажды услышала глас от иконы Знаменье Божьей матери: *«Возьми меня в руки. Прижми ликом к сердцу и неси в Петербург. 10 июня 1991 года рано утром я понесла икону в Петербург. Мне указывалась дорога, не всем, но некоторым встречным людям я должна была говорить такие слова: «Время антихриста кончилось в русской земле. Воля и Слава Господня!» Ещё в мае, когда меня одолевали тёмные силы и я сделала много записей под их диктовку, много вульгарных глупостей, которые все потом уничтожила, у меня появилось жгучее желание выйти на связь с Николаем Рубцовым. И я вышла. Я получила от него как бы телеграмму с таким текстом: «Приезжай в гости на могилку с зелёньким». Это было незадолго до Троицы, которая была, как я помню, в 1991 году 25 мая. И я собралась ехать в Вологду»*².

Нравственная и моральная стороны так называемых «воспоминаний» Д. не волнуют. Деятельность её поразительна: она нашла неких специалистов – профессора кафедры судебной медицины Ю.А. Молина, судмедэксперта А.Н. Горшкова, которые сфабриковали заключение, что Николай Рубцов не был задушен, а умер от сердечной недостаточности во время той ссоры. Сделали они этот «сенсационный вывод» со слов самой Д. и после просмотра материалов приговора суда, т.е. по бумажкам. Написали как бы предположение, понимая, что за серьёзную бумагу можно и под суд пойти. А так, предположение и всё. Эту версию Д. озвучила и в книге. Об этом она говорила и в телепередаче. На последних страницах своих воспоминаний Д. изрекает: *«Через 30 лет, наконец, открывается истина по чудесному Промыслу Божию: Рубцов умер своей смертью»*³.

Что тут скажешь?! После прочтения её книги, слыша то, что она говорит корреспондентам, ясно понимаешь, что её обращение к церкви, к Богу – это не выстраданное раскаяние, не отмаливание грехов, а только поиски оправданий. И вообще: из

всего её поведения видно, что Д. виноватой себя и не считает, и прощения ей не очень то и надобно. Ей нужно добиться только одного – оправдания и снятия с себя тяжести убийства. И для достижения этой цели она применяет любые, порой самые грязные способы. Но так в жизни не бывает! Случившееся не изменить! Свои воспоминания Д. заканчивает такой фразой: *«Смерти нет, а жизнь каждого человека есть тайна, ведомая только Творцу»*. Немыслимо и дико слышать такие слова от человека, который лишил жизни другого!

Конечно, нашлось немало литераторов и читателей, которые встали на защиту Н. Рубцова. Были напечатаны статьи против инвектив Д., против попраania ею человеческих ценностей, об её кощунстве. Но это только раззадорило Д., она стала действовать ещё энергичней, ещё наглее. Специально подогревает интерес к себе, участвуя в различных мероприятиях, даёт интервью, пишет статьи. При этом везде постоянно изворачивается и всячески пытается обелить себя, придумывая всё новые и новые версии той ужасной драмы. Я поражаюсь грязной лжи Д., когда она на всю страну вещает, что только легонько сдавила горло поэта двумя (так она сама говорит) пальчиками. А материалы и ужасные фотографии из уголовного дела называет подделкой.

В пророческом стихотворении о своей смерти Н. Рубцов писал: *«Я не знаю, что это такое, // Я не верю вечности покоя!»* Бедный поэт! И здесь он оказался прав, нет ему покоя и после ухода в мир вечный.

Своё мнение об этой трагедии я выскажу в конце. А сейчас, чтобы «открыть глаза» несведующим своим оппонентам, хочу предоставить слово людям, знавшим и Николая Рубцова, и Д., а также покажу некоторые выписки из уголовного дела об убийстве поэта. Впервые все подлинные документы того милицейского расследования опубликовал в своей уникальной книге Михаил Суrow в 2006 году.

Из протокола допросов:

Вопрос следователя:

«Когда вы душили Рубцова, то отрывали всю руку от его горла или нет?»

Ответ: *«Я один раз отрывала руку, а затем снова схватила за горло. Горло у Рубцова было каким-то дряблым. Я давила Рубцова, то ослабляя силу нажима, то усиливая его»⁴.*

Из судебно-психиатрической экспертизы:

«...Сам характер убийства, множественные ссадины на горле Рубцова свидетельствуют о том, что подозреваемая Грановская как бы рвала горло Рубцова руками».

«...в беседе держится высокомерно, с некоторой переоценкой собственной личности. В поведении элементы театральности. Эмоционально лабильна, обидчива. На вопросы, касающиеся убийства, отвечает с нескрываемым волнением. То на глаза навёртываются слёзы, то переходит к улыбке. Очень подробно, с мельчайшими деталями воспроизводит все моменты совершённого деяния»⁵.

Очень интересен донос тюремного стукача, под кличкой Рыжик. Этот документ сохранился в уголовном деле:

«Источник, будучи с Грановской на прогулке, имела с ней беседу. В процессе таковой источник спросила: «Люда, ты мужа своего убила, зачем, не жалко теперь тебе его?». На это Грановская высказала недовольство: «Я бы его ещё раз убила. Вся жизнь мне сломал. Пьяница, никчемный человек. Видите ли, поэт...учил меня. А мои стихи не хуже, а намного лучше.

Но, ничего, в Ленинграде есть люди, и за меня вступятся, и за границей тоже знают. Вспомнят ещё Д!»⁶.

На публикацию в «Литературном вестнике» отрывков из повести ленинградского писателя Н. Коняева «Путник на краю поля», где автор сообщил о том, что *«...По слухам, она писала неплохие стихи»*, сама Д. отреагировала телефонным звонком к Н. Коняеву так:

– По сравнению со мной в поэзии Рубцов был мальчишкой!⁷

А вот воспоминания выдающегося русского писателя В.П. Астафьева:

«...Горло Коли было исхватано – выступили уже синие следы от ногтей, тонкая шея поэта истерзана, даже под подбородком ссадины, одно ухо надорвано. Любительница волков, озверевши, крепко потешилась над мужиком»⁸.

Жена В.П. Астафьева, тоже писатель, Мария Корякина вспоминает:

«...Да, я уже знала, что она пишет стихи, что печаталась. Кроме того, в отделении Союза писателей как-то состоялось обсуждение стихов молодых поэтов, и её в том числе. Читала она тогда, кажется, три или четыре стихотворения. Одно из них запомнилось мне особенно – о том, как люди преследуют волков за то, что они и пищу и любовь добывают в борьбе, и что она (стихотворение написано от

первого лица) тоже перегрызёт горло кому угодно за свою любовь, подобно волчице, у которой с жёлтых клыков стекает слюна... Сильное, необычное для женщины стихотворение. Виктор Петрович (Астафьев) толкнул легонько Колю в бок – они сидели рядом – и сказал: «А баба-то талантливая!»

– «Ну что вы Виктор Петрович! Это не стихи, это патология. Женщина не должна так писать» – ответил Рубцов.

И оттого, наверное, что поэтесса читала свои стихи детски чистым, таким камерным голосом, это звучало зловеще, а мне подумалось: такая жестокость, пусть даже в очень талантливых стихах, есть нечто противоестественное»⁹.

Из письма ко мне поэта, прозаика из Рязанской области Бориса Шишаева, который был во время учёбы в Литературном институте дружен с Николаем Рубцовым и который вместе с поэтами Борисом Примеровым и Александром Сизовым приезжал из Москвы в Вологду на похороны Рубцова:

«...А потом в вологодском Доме политического просвещения стояли в почётном карауле у гроба Рубцова. Без содрогания смотреть на него было невозможно. На лице Коли были кровавые полосы, как будто проведенные когтями тигра, и одно ухо едва держалось – было совсем почти оторвано.

Я ещё подумал тогда: неужели нельзя было в морге хоть как-то упорядочить всё, привести в божеский вид? И душили меня слёзы. И ясно было одно: Коля убит, и убит зверски. И кто бы что ни говорил, что бы ни трезвонила теперь убийца, я тогда убедился в этом, и всегда буду говорить только одно – Рубцова зверски убили».

Писатель В. Аринин:

«Что же произошло? Здесь надо посмотреть в прошлое. Конечно, будучи одиноким человеком, Рубцов был рад, когда к нему приехала и поселилась в его квартире молодая женщина, поэтесса, поклонница его поэзии. Рекомендовал к изданию её стихи. Но вскоре по Вологде пошли разговоры: у Рубцова ничего к лучшему не изменилось, живут плохо, всё время скандалы. Да и женщина оказалась отнюдь не с нежным сердцем: жёсткая, сильная, крайне тщеславная. Своего рода «Сальери в юбке». Она сама себя называла ведьмой, волчицей, медведицей (характерные признания). Она сама признавалась, что способна в «пылу азарта» взвиться, «отколоть номер», «перепутать все карты», была способна на всё ради самоутверждения. А Рубцов в

быту был трудным человеком, способным вызвать раздражение. Так и произошло это убийство»¹⁰.

Я привёл только малую толику из множества материалов, которые есть в моём архиве, об этой страшной истории. Даже по этим немногим документам видно, что за женщина Д. и какой «своей смертью» умер поэт!

Конечно, Николай Рубцов был отнюдь не ангел. Нелёгкое детдомовское детство и неустроенная жизнь сказывались на его характере. Но это был Поэт! Поэт милостью Божьей! Жаль, что ему не встретилась в жизни женщина, которая бы по-настоящему полюбила его, полностью растворилась в нём. Только так можно жить с такими большими талантами! А к нему пришла, и пришла сама, гибельная роковая женщина. С непредсказуемым характером, с больным честолюбием и огромным тщеславием, и завышенным самомнением. Была ли любовь между ними? Сильно сомневаюсь! Любимым женщинам поэты всегда посвящают свои стихи, но, ни одного стихотворения Н. Рубцова, посвящённого Д., нет! Конечно, было естественное влечение тридцатичетырёх-летнего мужчины к молодой, яркой женщине, которая была не прочь пофлиртовать и писала о себе так:

*Когда-нибудь моя душа
Да скинет цепи постоянства!
Не нужно будет умирять
Её капризы и порывы.
Лишь изменяться, изменять
Свободно, дерзко, прихотливо!*

И в Рубцове Д. видела не своего любимого мужчину, со слабостями и привычками, а только человека с известным литературным именем, талантливого поэта, нужного ей для своего продвижения, для своей карьеры. Но после того, как Николай Рубцов принародно стал критиковать её стихи и назвал их «патологией», затаила на него нешуточную обиду. А обиды такие люди, как Д., не прощают! Кто читал её сборник стихов «Крушина», тот нисколько не усомнится в сказанном.

Я прочитал об этой драме много всякого материала, встречался и беседовал с разными людьми, знавшими Рубцова и Д., и полностью согласен с теми, кто считает, что причиной гибели Николая Рубцова стала всё-таки злая обида и зависть Д. к его поэтическому таланту, перешедшая потом в ненависть. Всё это соединилось и, вкупе с поистине са-

танинским характером, привело её к совершению преступления в ту ужасную ночь. А ссора с выпившим поэтом – это только подходящий случай. Не нравится – так развернись и уйди. Ведь не ушла. Зависть – вещь страшная! Люди искусства знают об этом. Порой то в книге о Рубцове, то в выступлениях и статьях, то в уголовном деле, Д. не выдерживает и проговаривается, и тогда с неприкрытой злостью говорит о своём превосходстве перед Николаем Рубцовым в поэзии. «Сальери в юбке» – так назвал её писатель В. Аринин. **И я соглашусь с ним.** Не надо забывать, что первая человеческая кровь на Земле пролилась тоже из-за зависти – Каин убил своего брата Авеля.

Д. уже отбыла наказание по суду, но она знает, что будет ещё Суд Божий, чего к концу своей жизни и страшится! Много сейчас говорится о прощении, о милосердии. И в звонках ко мне людей, знающих о причинах гибели Николая Рубцова только понаслышке, звучали эти слова. Но можно ли простить убийство? А мерзкое поведение самой Д. после выхода из тюрьмы – не надругательство ли это над памятью о Поэте?! Есть такие преступные деяния, которым нет срока давности, простить которые невозможно, и убийство этой женщиной Николая Рубцова одно из них! И как бы она ни изворачивалась, ни лгала, всячески пытаясь давить на человеческую жалость, Д. останется в памяти людской, как убийца поэта. **И это справедливо!**

Николай Рубцов чувствовал свою гибель. Даже назвал точную дату своей смерти: *«Я умру в крещенские морозы, // Я умру, когда трещат морозы»*, что неудивительно, потому что настоящие поэты всегда пророки, но часто и жертвы. Сам поэт не в силах был разорвать этот «гордиев узел» отношений. В ноябре 1970 года к нему из Николы приезжала Генриетта Меньшикова (гражданская жена) с дочкой Леной. Николай Рубцов плакал и просил, чтоб они забрали его к себе, или чтобы они переехали к нему, а то он погибнет. Жаловался, что никак не может порвать с Д.. И страшная трагедия произошла!

История не знает сослагательного наклонения – если бы, да кабы... Ничего уже не вернуть. Что случилось, то случилось. Николая Рубцова нет на земле, но он существует как духовная ипостась. По сведениям Книжной палаты за 2006 год сборники стихов Н. Рубцова – самые продаваемые и читаемые из поэтических книг в России. Он стал поистине народным поэтом!

Значит, жизнь его продолжается!

Р.С. А женщина, которая по-настоящему любила поэта, всё-таки существовала. Одиннадцатого сентября 2008 года в Вологде скончалась Нинель Александровна Старичкова, женщина, которая всю свою жизнь любила Н. Рубцова, всячески помогала ему в самые трудные годы его жизни. Но, как это бывает в реальной жизни, мы часто проходим мимо своего счастья, просто не замечая, что оно рядом. А если что-то и замечаем, то не придаём этому значения. Так и Николай Рубцов прошёл рядом. Я был знаком с Нинель Александровной, бывал у неё дома, где хранятся уникальные личные вещи поэта, которые ей разрешили забрать милицейские власти после той трагедии. Н. Старичкова издала книгу «Наедине с Рубцовым», наверное, самую правдивую книгу воспоминаний. Создала домашний музей, в котором представлены и мои книги о поэте. Подарила мне уникальный документ – приглашение Н. Рубцова в 1969 году в Тюмень на «Литературную декаду», подписанное тогдашним секретарём Тюменской областной писательской организации К. Лагуновым, посчитав, что этот раритет должен храниться на Тюменской земле. Светлая Вам память, дорогая Нинель Александровна! Хочу представить стихотворение Н.А. Старичковой, написанное в конце шестидесятых годов прошлого века, которое вошло в подготовленный мною сборник «Поэту посвящается...» Это стихотворение о Д.

*Легко живёшь! – поэту говорила
Одна особа, сидя за столом.
Не то карала, а не то корила.
На это право, чувствуя притом.
– Легко живу? – переспросил он тихо.
Потом вздохнул... Ей это не понять.
Безоблачность, мальчишескую лихость
С бессонницей никак не уровнять.
Она бывала только на пирушках.
Чужим стихам стараясь подпевать
И, как любви минутной побирушка,
Частенько оставалась ночевать.
Легко живёшь... Мне слышать это больно,
С какой же это видно высоты,
Что сыплет жизнь коробочкою полной:
Вино и деньги, славу и цветы?
Легко... Легко ли? Впрочем, есть такие,
Которых сразу трудно разглядеть.
Они и камень в душу могут кинуть,
И ласками в постели отогреть.*

*Они способны просто для забавы
Сказать поэту, видя, что устал:
– Твои глаза, как у собаки, право.
Больной собаки. Разве ты не знал?*

Примечания

- ¹ *Дербина Л.* Воспоминания о Рубцове. Вельск Архангельская обл., 2001. – С. 179.
- ² Там же. – С. 182–183.
- ³ Там же. – С. 194.
- ⁴ *Суров М.* Рубцов. Вологда, 2006. – С. 289.
- ⁵ Там же. – С. 421–425.
- ⁶ Там же. – С. 605.
- ⁷ *Коняев Н.* Николай Рубцов. Ангел Родины. М., 2007. – С. 508.
- ⁸ *Астафьев В.* Пролётный гусь. Иркутск, 2002. – С. 304.
- ⁹ Воспоминания о Рубцове. Архангельск, 1983. – С. 242–243.
- ¹⁰ *Аринин В.* Женщине запрещено... М., 2002. – С. 210.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

30-31 января 2008 года в Центральной библиотеке были проведены вечера памяти известного российского барда и актёра Владимира Высоцкого, посвящённые 70-летию со дня его рождения.

28 января в конференц-зале Центральной библиотеки прошёл традиционный поэтический вечер, посвящённый творчеству выдающегося русского поэта Николая Рубцова. Почитателям его таланта, пришедшим на эту встречу, был показан документальный фильм и новые архивные материалы из коллекции руководителя Рубцовского центра Сергея Лагерева.

12 марта в библиотеке сургутяне общались с известным писателем Юрием Вэллой (Айваседа), пишущем на ненецком и русском языках. Автор презентовал свою новую книгу «Поговори со мной». Знаменательно, что встреча состоялась в день рождения писателя. В это день Юрию Вэлле исполнилось 60 лет.

14 марта в конференц-зале Центральной библиотеки имени А.С. Пушкина отметил своё 75-летие наш земляк, писатель и поэт, член СП России Олег Борисович Рихтер. Автор известных в Сургуте произведений на историческую тематику представил гостям книги, которые вышли за последние годы из-под его пера, поделился творческими планами. Пришедшие на вечер представители Администрации, бывшие коллеги, собратья по перу тепло поздравили юбиляра.

6 июня, в день рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, в Центральной библиотеке, носящей его имя, был проведён традиционный Пушкинский день России. В этом году к участию в мероприятии были привлечены главы и члены национальных общественных организаций, все, кого Пушкин объединил своим гениальным Словом. Представители национальных объединений читали стихи великого поэта в переводах на родные языки.

18 сентября в Центральной библиотеке сургутские литераторы встречались с ответственным секретарём Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России Николаем Коняевым и его заместителем Николаем Вторушиным. В ходе беседы обсуждалось современное состояние писательской среды, вопросы взаимодействия творческих объединений писателей Югры, проблемы книгоиздательства, распространения книжной продукции в округе.

23-24 октября в Центральной библиотеке прошли встречи с самобытной писательницей из Ханты-Мансийска Марией Вагатовой (Волдиной). Автор пишет как на своём хантыйском языке, так и на русском. Почти все её произведения посвящены детям, поэтому на встречах с писательницей было много учащихся школ, гимназий и лицеев.

4 января конференц-зал Центральной библиотеки стал местом презентации книг для детей, автором которых является сургутская поэтесса Людмила Премудрых. В представлении участвовали не только взрослые, но и дети, поэтому всё прошло ярко и увлекательно.

11 февраля 2009 года студенты и преподаватели филологического факультета педагогического университета встречались с давним другом города, председателем Ассоциации писателей Урала, поэтом Александром Керданом. Гость читал свои стихи, говорил о творчестве, отвечал на многочисленные вопросы.

Визит Александра Борисовича в наш город был связан с подготовкой и проведением в Сургуте Всероссийского совещания молодых писателей.

Февраль-март 2009 года в Сургуте проходили городские мероприятия, посвящённые 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Инициатором мероприятий выступил фонд «Словесность». В организации мероприятий были задействованы департамент культуры, молодёжной политики и спорта и департамент образования Администрации города, централизованная библиотечная система, украинский культурный центр, национально-культурная автономия «Украинская родына», Сургутский музыкально-драматический театр.

Среди мероприятий: гастрولي московского театра «Сандра» с двумя спектаклями по мотивам произведений Н.В.Гоголя, творческий конкурс, выставка рисунков и иллюстраций к произведениям великого русского писателя, городская викторина «Как мы знаем Гоголя», ретроспектива фильмов-экранизаций произведений Николая Васильевича, обсуждение художественного фильма «Тарас Бульба» (реж. В. Бортко), читательские конференции, городская викторина «Знаем ли мы Гоголя?».

С 20 февраля по 27 марта кафедра литературы и журналистики СурГПУ (заведующая – доцент Н.А. Дворяшина) совместно с фондом «Словестность» (председатель – доцент Нёвё Ганущак) провели открытый творческий конкурс, посвящённый 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Конкурс проводился по пяти номинациям: «Художественное исполнение фрагментов произведений Н.В. Гоголя», «Сценическое прочтение (инсценирование) произведений Н.В. Гоголя», «Творческие работы, стихотворения, эссе, посвященные Н.В. Гоголю», «Рисунки, иллюстрации к произведениям Н.В. Гоголя», «Методические разработки уроков, внеклассных мероприятий по творчеству Н.В. Гоголя (для учителей-словесников города и района)». В конкурсе участвовали более 200 человек из Сургута и Сургутского района. Финальный тур конкурса стал настоящим событием в литературной и культурной жизни города и района.

31 марта в конференц-зале Центральной библиотеки горожане встретились с героями замечательных произведений Николая Васильевича Гоголя. «Сорочинская ярмарка» получилась яркой и весёлой. В театральных представлениях участвовали работники библиотеки и студенты.

1 апреля в Сургутском музыкально-драматическом театре прошёл городской торжественный вечер, посвящённый 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. «Слово о Гоголе» произнес доктор филологических наук Ю.А. Дворяшин. Вечере приняли участие симфонический оркестр под управлением Б.В. Лагоды, солисты филармонического центра, труппа СМДТ, школьники города и района – победители творческого конкурса чтецов. На вечере состоялось награждение победителей городского творческого конкурса, представлена литератур-

но-музыкальная композиция в честь великого писателя. Присутствовали: Глава Администрации Сургута, представители Администрации и творческой интеллигенции города, студенты и школьники города и района.

3 апреля актовый зал гуманитарного факультета Сургутского государственного университета стал местом проведения литературной конференции «Этика Джека Лондона и XXI век». Программа проведения заседаний была обширной. С докладами выступили гости из Москвы, Ханты-Мансийска, Нижневартовска, Санкт-Петербурга и Омска. На открытии конференции выступил Глава Администрации города А.Л. Сидоров.

4 апреля в Центральной библиотеке имени А.С. Пушкина, в литературном клубе «Имена», в рамках проекта «Большое чтение», прошла читательская конференция по творчеству американского писателя Джека Лондона.

Формат 70x108/16. Объем 13,25 физ. печ. л. Тираж 300. Заказ 472.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО ПК «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106,
e-mail: zpress@zaural.ru

